
53416
Ж-53
1899 54

)ининскаго канала къ громадному и аляповатому дому. Еще разу за эту рѣшетку не въѣзжалъ онъ. какъ проситель. вали тяжелые моменты, кризисы; падала промышленность, кротились другіе, а его контора казалась на вѣки неруши... Теперь... Теперь...

— Его превосходительство дома?

— Въ кабинетъ пожалуйте!

Ничего утѣшительнаго здѣсь не могли сказать ему.

Все зависѣло отъ его превосходительства, а его превосхо:ельство не разъ высказывалось противъ банкирскаго ажіо:а и биржевой горячки. Столѣшниковъ самъ хорошо пони:ъ это. Но что было дѣлать: своя рубашка ближе къ тѣлу.

— Теперь какъ разъ вы застанете его высокопревосходи:ство.

Старикъ откланялся и вышелъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все безежнѣе и безнадежнѣе было его дѣло.

Министръ былъ дома и тотчасъ же принялъ «знаменитаго» кира. Столѣшниковъ, точно заученный урокъ, началъ и ему ѳдавать положеніе дѣлъ своей конторы. Тотъ внимательно іушалъ.

Неужели и ваша контора тоже наканунѣ банкротства?.. .і прочная, солидная фирма...

- Тридцать лѣтъ была и прочная, и солидная... И теперь ня активъ больше пассива. Нуженъ только мѣсяцъ, одинъ .цъ передышки!—чуть не молился Андрей Ѳедоровичъ.

— Сожалѣю, что ничего, ничего не могу сдѣлать для васъ.

M. Bru[illegible]

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ — 2

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И АВТОБІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28

1901

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О., 5 Л., 28
3002

Оглавленіе перваго тома.

Автобіографическій очеркъ.

Мнѣ совѣтовали предпослать полному собранію моихъ стихотвореній автобіографическій очеркъ. Я рѣшился послѣдовать этому совѣту, и прошу у читателя позволенія остановиться подольше въ моемъ очеркѣ только на тѣхъ обстоятельствахъ моей жизни, которыя имѣли наиболѣе вліянія на мои литературныя занятія.

Я родился въ февралѣ 1821 года. Воспитывался до 14-лѣтняго возраста дома. Потомъ поступилъ, въ 1835 г., въ первую с.-петербургскую гимназію, изъ которой вскорѣ вышелъ, чтобы держать экзаменъ въ только-что основанное императорское училище правовѣдѣнія, куда и былъ принятъ въ числѣ, кажется, сорока первоначальныхъ его воспитанниковъ, 5 декабря того же 1835 г. Окончивъ курсъ, я вышелъ изъ училища въ 1841 году съ чиномъ IX-го класса. Нашъ выпускъ былъ второй съ основанія училища. Я поступилъ на службу въ сенатъ. Но въ слѣдующемъ же году, къ великому моему удовольствію, былъ уволенъ отъ канцелярскихъ работъ и прикомандированъ для занятій къ ревизовавшему Орловскую и Калужскую губерніи почтенному сенатору Дмитрію Никитичу Бѣгичеву, автору романа: „Семейство Холмскихъ“. Ревизія продолжалась года

два. Въ 1844 году судьба помогла мнѣ снова избавиться отъ сената. Получивъ отпускъ, я обратился къ занятіямъ по другой сенаторской ревизіи. Въ то время мой отецъ ревизовалъ таганрогское градоначальство, и я находился при немъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ. Занятія при ревизовавшихъ сенаторахъ были для меня весьма полезны. Они дали мнѣ возможность еще въ юности ознакомиться съ жизнію провинціи и находиться въ сношеніяхъ со всѣми общественными слоями. Въ маѣ 1846 г. я получилъ опять отпускъ съ разрѣшеніемъ поѣхать за границу, откуда вернулся на сенатскую службу черезъ восемь мѣсяцевъ. Лѣтомъ 1847 г. я перешелъ изъ сената на должность помощника юрисконсульта, а въ 1849 г. поступилъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ съ 1855 года былъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. 1-го января 1858 года я вышелъ въ отставку [1]). Съ тѣхъ поръ я покинулъ Петербургъ, какъ постоянное мѣстопребываніе, и проживалъ сначала въ Калугѣ, гдѣ женился, потомъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, а затѣмъ за границей: преимущественно въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Италіи и на югѣ Франціи. Моя продолжительная жизнь за границей, которая была, впрочемъ, прервана возвращеніемъ на нѣкоторое время домой, была для меня не менѣе полезна, чѣмъ жизнь въ провинціи. Я убѣдился на опытѣ въ разумности и въ высокомъ нравственномъ значеніи многихъ сторонъ западно-европейскаго быта и проникся глубокимъ къ нимъ уваженіемъ и сознательнымъ сочувствіемъ. Съ 1884 г.

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной статьѣ, гдѣ была представлена краткая характеристика русскихъ современныхъ писателей, сказано было обо мнѣ, что я одно время былъ губернаторомъ. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы исправить эту ошибку. До моей послѣдней службы въ государственной канцеляріи, я служилъ только по вѣдомству министерства юстиціи.

я переселился окончательно въ Россію. Послѣдніе четыре года я живу въ деревнѣ, то у себя, въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, то у моихъ родственниковъ, большею частью въ Рязанской губерніи.

Я дѣлю мою жизнь послѣ выпуска изъ училища на два періода, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга по внутреннему своему содержанію: до отставки въ 1858 г. и послѣ отставки. Въ первомъ періодѣ было болѣе внѣшнихъ перемѣнъ и движенія, знакомствъ, обязанностей и такихъ занятій, которыя служащими чиновниками называются „дѣломъ"... Во второмъ было болѣе сосредоточенности, размышленія и критики. Критическое отношеніе къ окружавшему меня обществу заставило меня обернуться задомъ ко всему прошлому и пойти другой дорогой. Именно съ той минуты, когда я оказался безъ обязательнаго служебнаго дѣла, я началъ сознавать, что могу быть дѣльнымъ человѣкомъ. Я искренно уважалъ государственныхъ людей, достойныхъ этого имени; но, достигнувъ 37-ми-лѣтняго возраста, я началъ сомнѣваться въ томъ, что во мнѣ есть данныя для занятія когда-нибудь между ними мѣста. За все время моей службы я успѣлъ составить себѣ репутацію искуснаго редактора. Дѣйствительно, я умѣлъ хорошо писать бумаги и доклады и ловко редактировалъ чужія мнѣнія; и нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ я могъ бы „составить себѣ карьеру"; но меня—могу похвалиться—такая перспектива не привлекала. Въ мои лѣта пора уже было позаботиться о возможности выражать свои собственныя мнѣнія, вмѣсто того, чтобы редактировать чужія, да притомъ еще нерѣдко мнѣ антипатичныя. А потому я рѣшился, къ немалому удивленію многихъ моихъ сослуживцевъ и знакомыхъ, разстаться и съ званіемъ помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта, и съ званіемъ камеръ-юнкера.

Въ первомъ періодѣ моей жизни я убилъ много времени

даромъ. Жизнь чувственная часто преобладала совершенно надъ духовною. Не столько служба, сколько свѣтская жизнь нерѣдко засасывала меня какъ болото. Появлялись, конечно, и тогда болѣе или менѣе продолжительные свѣтлые промежутки. Они-то и подготовили возможность совершившейся со мною послѣ перемѣны. Еще на училищной скамьѣ я сдѣлалъ запасъ возвышенныхъ идеаловъ и честныхъ стремленій. Духъ училища въ мое время былъ превосходный. Этимъ духомъ мы были обязаны не столько нашимъ профессорамъ, между которыми были очень почтенные люди, но Грановскихъ не было, сколько самому основателю и попечителю нашего училища—принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Онъ, своимъ личнымъ характеромъ и обращеніемъ съ нами и нашими наставниками, способствовалъ къ развитію въ насъ чувства собственнаго достоинства, человѣчности и уваженія къ справедливости, законности, знаніямъ и просвѣщенію. Составъ моихъ товарищей былъ также очень хорошъ. Я былъ близокъ почти со всѣми воспитанниками трехъ первыхъ выпусковъ. Мы были воодушевлены самыми лучшими намѣреніями. Какъ добрыя начала, вынесенныя изъ училища, такъ и доходившія до меня потомъ вѣянія отъ людей сороковыхъ годовъ не дозволяли мнѣ безповоротно увлечься шумною, блестящею, но пустою жизнью. Въ первый періодъ моей жизни я, можетъ быть, многое проглядѣлъ изъ того, что̀ происходило вокругъ меня; но то, что̀ до меня доходило, оцѣнивалось мною по достоинству. Я продолжалъ мѣрить людей и дѣла мѣрою сохранившихся въ полной чистотѣ и неприкосновенности моихъ идеаловъ. Врожденная отзывчивость не дала душѣ моей заглохнуть. Я былъ всегда чуждъ равнодушію, и это было большое для меня счастіе. На своемъ вѣку я подмѣчалъ не разъ, какъ индифферентность вкрадывается въ человѣка бо̀льшею частью подъ личиною „благоразумія и

практичности въ воззрѣніяхъ на жизнь", а потомъ, мало-помалу, превращается въ нравственную гангрену, разрушающую одно за другимъ всѣ лучшія свойства не только сердца, но и ума. Послѣ моей отставки я, на полной свободѣ частной жизни, сблизился съ обществомъ писателей и со многими лучшими представителями направленія сороковыхъ годовъ, къ которымъ питаю до сихъ поръ особую симпатію и глубокое уваженіе. Они всегда были лучшими моими друзьями и наставниками.

Самымъ тяжелымъ и мрачнымъ временемъ моей жизни я считаю вступленіе мое на службу въ 4-й департаментъ сената послѣ выпуска изъ училища. Я помню, что первое порученное мнѣ занятіе состояло въ исправленіи стараго алфавитнаго указателя, въ которомъ наибольшая часть дѣлъ, чуть-ли не цѣлый томъ, значилась подъ буквою *О: о* наслѣдствѣ, *о* спорной землѣ, *о* духовномъ завѣщаніи и т. д. до безконечности. Помню также, что я около того же времени написалъ на черновомъ листѣ какой-то дѣловой бумаги стихотвореніе, въ которомъ призывалъ къ себѣ на помощь терпѣніе ослиное, такъ какъ человѣческаго было недостаточно. Самое лучшее время моей жизни было пребываніе мое въ Калугѣ вскорѣ послѣ выхода въ отставку. Тогда разрѣшался крестьянскій вопросъ. Я почитаю себя счастливымъ, что былъ свидѣтелемъ освобожденія крестьянъ въ Калужской губерніи, гдѣ тогда былъ губернаторомъ мой товарищъ по училищу и другъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, женатый на моей сестрѣ. Великое дѣло имѣло огромное вліяніе на русское общество. Оно вызвало и привлекло къ себѣ большое количество друзей и тружениковъ. Новые люди являлись повсюду, и общество росло умственно и нравственно, безъ преувеличенія, по днямъ и по часамъ. Недавніе чиновники и владѣтели душъ преображались въ доблестныхъ гражданъ своей земли... Хорошее было время! Я долженъ упомянуть еще объ одномъ обстоя-

тельствѣ того времени, чисто личномъ, но имѣвшемъ глубокое вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь. Я тогда сдѣлалъ знакомство, которое положило основаніе моему семейному счастію. Словомъ, это время было въ моей жизни свѣтлымъ праздникомъ.

Обстоятельства жизни отражались на моихъ литературныхъ занятіяхъ. Я началъ писать еще въ училищѣ, преимущественно стихами, и писалъ не мало [1]). Потомъ скучная служба и разсѣянная жизнь заставили меня замолкнуть. Въ печати я появился не прежде 1850 г. Сперва писалъ мало и лѣниво, какъ бы въ минуты пробужденія. Иногда мнѣ случалось относиться критически къ окружающей меня средѣ и тосковать о своей нравственной неволѣ. Когда, въ эпоху новыхъ вѣяній, я вышелъ въ отставку именно съ тѣмъ, чтобы имѣть право и возможность мыслить и чувствовать съ бо́льшею свободою и независимостью, во мнѣ родилось сомнѣніе въ дѣльности моихъ литературныхъ занятій. Мнѣ казалось, что мои стихи никому не нужны въ такое серьезное время. Поэзія на „гражданскіе мотивы“ была бы очень умѣстна въ эпоху пробужденія ума и совѣсти. Я сознавалъ все высокое ея значеніе, и меня къ ней тянуло; но эти пѣсни пѣлъ тогда Некрасовъ. Онѣ были такъ сильны и оригинальны, что тягаться съ ними я, конечно, не могъ, а вторить имъ, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне. Съ другой стороны, такъ называемая „чистая“ поэзія, отрѣшенная отъ злобы дня,—возвышенна и прекрасна всегда. Такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бываетъ. Но я чувствовалъ, что моя муза не обладаетъ ни лиризмомъ, ни кра-

[1]) Мы издавали въ училищѣ, кажется, въ продолженіе трехъ лѣтъ, ежемѣсячный рукописный журналъ подъ скромнымъ названіемъ: „Собраніе упражненій воспитанниковъ такого-то класса“. Я былъ однимъ изъ редакторовъ.

сотою, которыя я почиталъ необходимыми принадлежностями чистой поэзіи. Въ то время мои недостатки оказались бы еще замѣтнѣе. Вотъ почему я тогда почти бросилъ писать стихи и обратился къ прозѣ, такъ какъ дѣлиться съ обществомъ моими мыслями я все-таки чувствовалъ потребность. Въ то время я написалъ статью: „Современный просвѣтитель народа“ (напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“), въ которой подвергнулъ критическому разбору брошюру: „Печатная правда“, обращенную къ русскому народу съ цѣлью приготовить его, будто бы, къ пониманію объявленнаго уже правительствомъ преобразованія крестьянскаго быта; а позднѣе—статью: „Физіономіи и силы“ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“), въ которой, съ точки зрѣнія наступившаго переходнаго времени, старался отмѣтить черты нашего до-реформеннаго быта [1]). Когда я жилъ за границею, во мнѣ вновь родилась потребность писать стихи. Второй перерывъ въ стихотворствѣ совпадаетъ со временемъ болѣзни и смерти моей жены. Затѣмъ, въ особенности съ 1883 г., я началъ писать сравнительно много. Въ 1884 г. я вернулся въ Россію, и всѣ послѣдніе года мнѣ писалось болѣе, чѣмъ когда-нибудь въ моей жизни. Мнѣ казалось,—и продолжаетъ казаться до сихъ поръ,—что у меня есть что̀ сказать, и мнѣ хочется высказываться. Въ этомъ настроеніи чувствуется желаніе наверстать потерянное время и сознаніе, что

[1]) Прозою я писалъ еще менѣе, чѣмъ въ стихахъ. Кромѣ поименованныхъ статей, были напечатаны еще двѣ-три обличительнаго и полемическаго характера, и рядъ писемъ изъ-за границы во время и послѣ франко-прусской войны. Статьи были напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, подъ редакціею В. Ѳ. Корша, и въ „Днѣ“ И. С. Аксакова; а заграничныя письма—въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, подъ заглавіемъ: „Письма изъ нѣмецкаго захолустья“ и „Письма изъ нѣмецкаго города“, и были подписаны цифрами: I, VII. Я также напечаталъ, передъ нашею послѣднею войною, письмо въ газету „Голосъ“ о тогдашнемъ настроеніи нашего общества.

возможность писать можетъ прекратиться со дня на день. Быть можетъ, здѣсь есть также доля старческой болтливости.

До сихъ поръ не было издано ни одного сборника моихъ стихотвореній, и я представляю едва ли не единственный у насъ примѣръ поэта, дожившаго до 71-го года и не издавшаго ни одного такого собранія. Это произошло оттого, что въ юности я просто не заботился объ изданіи мною написаннаго; а потомъ все откладывалъ это дѣло—долженъ признаться—изъ самолюбія. Я охотно согласился на изданіе сочиненій популярнаго Кузьмы Пруткова, тѣмъ болѣе, что не я одинъ нахожусь за нихъ въ отвѣтственности. А стихи за подписью моего имени... это—другое дѣло. Я никогда не былъ популяренъ. Отзывы обо мнѣ появлялись въ печати очень рѣдко, и, можетъ быть, по той, между прочими, причинѣ, что я, не издавая собранія моихъ произведеній, не подавалъ повода замолвить о нихъ слово. Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ я былъ въ постоянной нерѣшительности. Мнѣ все хотѣлось написать еще что-нибудь получше прежняго, и я не терялъ надежды, что это исполню. Теперь издаю полное собраніе моихъ стихотвореній, но не потому, что надежда моя исполнилась, а потому, что наконецъ—пора! Въ мои лѣта откладывать исполненіе чего-либо на будущее время—не приходится. Пора подвести итоги и представить обществу отчетъ въ моей литературной дѣятельности, какова бы она ни была.

Мнѣ остается прибавить въ заключеніе, что я, передъ изданіемъ этого сборника, пересмотрѣлъ все написанное мною въ стихахъ,—кромѣ, конечно, моихъ школьныхъ сочиненій. Въ сборникъ вошло, за малыми исключеніями, то, что̀ было уже напечатано въ „Современникѣ", „Отечественныхъ Запискахъ" (подъ редакціею Краевскаго), „Библіотекѣ для Чтенія" (подъ редакціею Дружинина), „Искрѣ", „Русскомъ Вѣстникѣ" (1857—1859), „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", „Голосѣ", „Отечествен-

ныхъ Запискахъ" позднѣйшаго времени, „Вѣстникѣ Европы", „Русской Мысли", „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Сборникѣ въ память В. М. Гаршина" и „Сборникѣ въ пользу голодающихъ", изданномъ редакціею „Русскихъ Вѣдомостей" въ декабрѣ прошлаго года. Кое-что я исправилъ; кое-что сократилъ или переработалъ; два-три стихотворенія выкинулъ, не потому, что они слабы,—слабыхъ стихотвореній окажется въ этомъ собраніи, безъ сомнѣнія, не мало,—а потому, что они мнѣ не понравились. Кромѣ нихъ не попали въ это собраніе еще нѣсколько стихотвореній, появленіе которыхъ въ печати было бы, пожалуй, несвоевременно.

Алексѣй Жемчужниковъ.

с. Стенькино, Ряз. губ.
17 февр. 1892 г.

2

Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко, и быстро, и сильно растетъ,
И блещетъ красою, и жизнію дышитъ...

Имѣющій уши, чтобъ слышать, — да слышитъ!

1851 г.

ВЕРСТА НА СТАРОЙ ДОРОГѢ.

Подъ горой, дождемъ размытой,
У оврага безъ моста
Пріютилась подъ ракитой
Позабытая верста.

Наклонившись на бокъ низко,
Тусклой цифрою глядитъ;
Но далеко или близко —
Никому не говоритъ.

Безъ нужды старушка мѣритъ
Прежній путь, знакомый, свой;
Хоть и видитъ, а не вѣритъ,
Что проложенъ путь иной...

1854 г.

ПРОЩАНІЕ ІОАННА СЪ ПАТМОСОМЪ.

Тогда мягкосердый былъ Нерва на римскомъ престолѣ.
Смирилась нещадная злоба враговъ христіанъ;
Открылись темницы; молиться и плакать на волѣ
Дозволилъ самъ кесарь. Любимецъ Христа Іоаннъ,
Весь Патмосъ потрясши глаголомъ Христова ученья,
Бѣсовскую прелесть — господство грѣха и страстей —
Молитвой низвергнувъ, и много устроивъ церквей,
И людямъ болящимъ явивъ чудеса исцѣленья, —
Замыслилъ покинуть страну своего заточенья.

И всѣ христіане, о горькой утратѣ скорбя,
Къ апостолу съ плачемъ и громкимъ рыданьемъ взывали:
«Какъ будемъ спасаться, убогіе мы, безъ тебя?
«О, смысла податель! свѣтило въ дни нашей печали!
«Глаголъ, пробудившій молчанье тяжелой дремы,
«Средь коей мы всѣ пребывали безумно и праздно!
«Ковчегъ въ бурномъ морѣ мірской суеты и соблазна!
«Спасенья намъ книгу оставь, чтобъ отъ призраковъ тьмы
«Хранились сердца наши чисты и свѣтлы умы!»

Была же та книга написана такъ Іоанномъ
(Христосъ вдохновилъ его, славой своей осѣня!):

На Патмосѣ постъ заповѣдалъ онъ всѣмъ христіанамъ
И вышелъ молиться въ пустыню, гдѣ былъ онъ три дня,
На нѣкой высокой горѣ, непрестанно моляся.
И въ небѣ явилось блистанье; и громъ былъ великъ;
И, двигнута Божіей силой, гора потряслася;
И въ страхѣ палъ ницъ бывшій съ нимъ на горѣ ученикъ.
Въ то время апостолъ, исполнившись духа святого,
Безмолвно лежащаго въ прахѣ десницей воздвигъ,
Воскликнувъ: «Пиши что изъ устъ изречется моихъ»!
И въ славу Спасителя міра уста Богослова
Отверзлись, и началъ вѣщать онъ: *Въ началѣ бѣ Слово...*

Просившимъ вручилъ онъ сей свѣточъ въ юдоли невзгодъ,—
На Патмосѣ снова учивши по весямъ и градамъ.
Но слова спасенья и вѣры вселенная ждетъ...
Онъ сѣлъ на корабль и отплылъ къ ожидающимъ чадамъ.
Печально по берегу моря разбрелся народъ,
Какъ съ робкимъ бываетъ утратившимъ пастыря стадомъ.

1854 г.

* * *

Уже давно иду я, утомленный,
И на небѣ ужъ солнце высоко;
А негдѣ отдохнуть въ степи сожженной
И все еще до цѣли далеко.

Объятая безмолвіемъ и лѣнью,
Кругомъ пустыня скучная лежитъ...
Хоть вѣтеръ бы пахнулъ! Летучей тѣнью
И облако на мигъ не освѣжитъ...

Впередъ, впередъ! За степью безотрадной
Зеленый садъ, я знаю, ждетъ меня;
Тамъ я въ тѣни душистой и прохладной
Найду пріютъ отъ пламеннаго дня;

Тамъ жизнію я наслаждаться буду,
Бесѣдуя съ природою живой;
И отдохну, и навсегда забуду
Тоску пути, лежащаго за мной...

1855 г.

ДРУГУ.

Тебѣ, познавшему отраду тайныхъ слезъ
И посѣщенному глубокой, скорбной думой,
Я съ возрожденіемъ привѣтствіе принесъ:
Воскресни къ жизни, — плачь и думай!

Не говори: «Мнѣ дней самозабвенья жаль;
«Забавъ безпечныхъ рой меня покинулъ рано»...
Полюбишь ты свою разумную печаль, —
Возненавидишь блескъ обмана.

Живи! Теперь ты жить достоинъ! Свѣтскихъ нѣгъ
Пришла пора стряхнуть мертвящія оковы.
Къ тебѣ весна идетъ; холодный таетъ снѣгъ, —
Подъ нимъ цвѣты расцвѣсть готовы.

1855 г.

* * *

Я музыку страстно люблю, но порою
Настроено ухо такъ нѣжно, что трубы,
Литавры и флейты, и скрипки, — не скрою, —
Мнѣ кажутся рѣзки, пискливы и грубы.

Пускай бы звучала симфонія та же,
Какъ создалъ ее вдохновенный маэстро;
И духъ сохранился бы тотъ же, и даже
Остались бы тѣ же эффекты оркестра;

Но пусть инструменты иные по нотамъ
Исполнятъ ее, — и не бой барабана
И вздохъ, издаваемый длиннымъ фаготомъ,
Дадутъ намъ почувствовать forte и piano.

Нѣтъ, хоръ бы составили чудный и полный
Гулъ грома, и буря, и свистъ непогоды,
И робкіе листья, и шумныя волны...
Всего не исчислишь... всѣ звуки природы!

А паузъ молчанье — замѣнятъ мгновенья
Таинственной ночи, когда, молчаливый,
Міръ дремлетъ и грезитъ среди упоенья
Прохладною тьмою и нѣгой лѣнивой...

1855 г.

ПРИМИРЕНІЕ.

1.

Вотъ наконецъ и ночь! Пришла моя пора.
Какъ этотъ ясный день, безоблачный съ утра,
Торжественно сіялъ, и радостенъ, и звученъ!
Какъ этотъ длинный день мнѣ былъ тяжелъ и скученъ!
Теперь, когда кругомъ безмолвно и темно,
Упрековъ онъ не шлетъ, глядя въ мое окно,
Душѣ взволнованной мятежною тревогой...
Пойду чрезъ поле въ лѣсъ дремучій, и дорогой,
Нисшедшую ко мнѣ благословляя тьму,
Ни разу къ небесамъ очей не подыму.

2.

Какая темнота! Ужъ лѣсъ, нахмурясь, дремлетъ.
Порой вершинами лѣниво заколеблетъ,
Иль птица сонная пугливо прокричитъ, —
И снова, погрузясь въ дрему, онъ замолчитъ.
Я бодрствую одинъ. Одна душа живая
Здѣсь бродитъ, тихій сонъ природы нарушая,
И хочетъ у нея, какъ полуночный тать,

Хоть долю гордаго спокойствія отнять.
И долго я глядѣлъ съ завистливой тоскою,
Какъ, темнымъ пологомъ повиснувъ надо мною,
Безтрепетенъ и нѣмъ, межъ звѣздами небесъ
И дольнимъ сумракомъ, стоялъ могучій лѣсъ.
И, обезумленный, тогда я горькимъ словомъ
Хотѣлъ смутить его въ величіи суровомъ.
Мой голосъ раздался среди лѣсной глуши...
Но крикъ, изверженный изъ глубины души,
Откликнулся мнѣ такъ безсмысленно и дико,
Что въ немъ не узнавалъ я собственнаго крика...

3.

Передо мной обрывъ. Невидимый, внизу
Бѣжитъ потокъ, шумя по камнямъ. Я ползу
Къ нему по крутизнѣ. Мой слухъ внимаетъ жадно
Его сердитому стремленью. Мнѣ отрадно
Въ немъ слышать ропотъ.

4.

Нѣтъ!.. Не дикой красотой
Заглохшей пропасти; не сумрачной горой
И не бунтующимъ, стремительнымъ потокомъ
Прельщенный, я стою въ раздумьи глубокомъ;
Не эти зрѣлища угрюмыя земли
Плѣнили душу мнѣ и взоръ мой привлекли, —
Нѣтъ! Брошенный сюда далекою луною,
Мнѣ милъ привѣтный лучъ, играющій съ волною.
Нежданно проскользнувъ среди густыхъ вѣтвей,
И искрясь, и дрожа, онъ такъ ласкался къ ней!
Такъ блескъ его въ водѣ былъ нѣженъ и пріятенъ!
И тайный смыслъ его мнѣ сталъ тогда понятенъ...

О, небо чистое! со звѣздной высоты
На землю темную смотря любовно, ты
Меня, печальнаго, во мракѣ отыскало
И къ примирительной бесѣдѣ призывало..

1855 г.

НА КЛАДБИЩѢ.

Сквозь деревья освѣщаются гробницы,
По плитамъ скользитъ узорчатая тѣнь;
Въ знойномъ воздухѣ поютъ и рѣютъ птицы;
Надъ усопшими ликуетъ красный день.

Разрослись деревья; преизбытокъ силы
Дышитъ въ каждой жилкѣ влажнаго листа;
И кругомъ, куда ни взглянешь на могилы,
И цвѣты нарядны, и трава густа...

Дѣвушка, склонившись, плачетъ надъ могилой;
На щекахъ играетъ молодая кровь;
Въ сердцѣ юномъ память о подругѣ милой
Смѣнитъ къ милому горячая любовь...

Онъ тебя полюбитъ; поживешь на свѣтѣ, —
Поклониться праху пожелаешь ты,
И придутъ съ тобою на могилу дѣти,
И манить ихъ будутъ новые цвѣты.

Мнимымъ наслажденьемъ этой жизни мнимой
Будутъ и они какъ благомъ дорожить...

Слышны вопли; снова гробъ проносятъ мимо,
Снова кто-то кончилъ, коль не началъ жить...

Нѣтъ, не нахожу я въ сердцѣ примиренья
Съ этой ложью обольстительнаго сна.
Правда есть; но правда смерти, правда тлѣнья —
Правда на землѣ возможная одна...

И сидѣлъ я долго на плитѣ гробницы;
Отъ вѣтвей узорно колебалась тѣнь;
Воздухъ знойный пѣньемъ оглашали птицы;
Надъ могилами сіялъ веселый день.

И мгновенной жизнью пользуясь безпечно,
Проходили люди шумною толпой;
А во храмѣ, славя радость жизни вѣчной,
Грустно пѣли: «со святыми упокой...»

1855 г.

ДОРОЖНАЯ ВСТРѢЧА.

Ѣдетъ на встрѣчу мнѣ боромъ дремучимъ,
Въ длинную гору, надъ самымъ оврагомъ,
Все по пескамъ, по глубокимъ, сыпучимъ —
Ѣдетъ карета дорожная шагомъ.

Лѣсъ и дорога совсѣмъ потемнѣли;
Въ воздухѣ смолкли вечерніе звуки;
Мрачно стоятъ неподвижныя ели,
Вдаль протянувъ свои вѣтви, какъ руки.

Лошади медленнѣй тянутъ карету,
И ямщики погонять ужъ устали;
Слышу я — молятся: «дай-то Богъ къ свѣту
Выбраться въ поле!..» Вдругъ лошади стали.

Врѣзались разомъ колеса глубоко;
Крикъ не поможетъ: не сдвинешь, хоть тресни!
Все пріутихло... и вотъ, недалеко
Птички послышалась звонкая пѣсня...

Кто же въ каретѣ? Супругъ ли сановный
Рядомъ съ своей пожилою супругой, —

Спятъ, убаюканы качкою ровной
Гибкихъ рессоръ и подушки упругой?

Или сидитъ въ ней чета молодая,
Полная жизни, любви и надежды?
Передъ природою, сладко мечтая,
Оба открыли и сердце, и вѣжды.

Пѣніе птички имъ слушать отрадно, —
Голосъ любви они внятно въ немъ слышатъ;
Звѣзды, деревья и воздухъ прохладный
Тихой и чистой поэзіей дышатъ...

Стали межъ тѣмъ ямщики собираться.
Скучно имъ ѣхать песчаной дорогой,
Да ночевать не въ лѣсу же остаться...
«Съ Богомъ! дружнѣе вытягивай! трогай!..»

1856 г.

* * *

По-русски говорите, ради Бога!
Введите въ моду эту новизну.
И какъ бы вы ни говорили много,
Все мало будетъ мнѣ... О, васъ одну
Хочу я слышать! Съ вами неразлучно,
Не отходя отъ васъ ни шагу прочь,
Я слушалъ бы васъ день, и слушалъ ночь,
И не наслушался-бъ. Безъ васъ мнѣ скучно,
И лишь тогда не такъ тоскливо мнѣ,
Когда могу въ глубокой тишинѣ,
Мечтая, вспоминать о вашей рѣчи звучной.

Какъ русскій вашъ языкъ бываетъ смѣлъ!
Какъ онъ порой своеобразенъ, гибокъ!
И я его лишить бы не хотѣлъ
Ни выраженій странныхъ, ни ошибокъ,
Ни прелести туманной мысли... нѣтъ!
Сердечному предавшися волненью,
Внимаю вамъ, какъ вольной птички пѣнью.

Звучитъ добрѣй по-русски вашъ привѣтъ;
И кажется, что голосъ вашъ нѣжнѣе;
Что умный взглядъ еще тогда умнѣе,
А голубыхъ очей еще небеснѣй цвѣтъ.

1856 г.

ПРИЧИНА РАЗНОГЛАСІЯ.

Два господина однажды сошлись;
Чай въ кабинетѣ съ сигарою пили
И разговоромъ потомъ занялись —
Все о разумныхъ вещахъ говорили:
О томъ, что̀ такое обязанность, право?
И какъ надо дѣйствовать честно и право,
Съ пути не сбиваясь ни влѣво, ни вправо?

Кажется, мнѣнье должно быть одно:
Подлость и честь развѣ спорное дѣло?
Бѣлымъ нельзя же назвать что̀ черно,
Также и чернымъ назвать то, что̀ бѣло!
Пошли у нихъ толки, пошли примѣненья;
Того и другого терзали сомнѣнья;
Того и гляди, что раздѣлятся мнѣнья...

Входитъ къ нимъ третье лицо въ кабинетъ;
Въ споръ ихъ вступивши, оно обсудило
Съ новыхъ сторонъ тотъ же самый предметъ —
И окончательно съ толку ихъ сбило...

Одинъ изъ нихъ былъ Титулярный Совѣтникъ,
Межъ тѣмъ какъ другой былъ Коллежскій Совѣтникъ,
А третій—Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.

1856 г.

СЕПТУОРЪ БЕТХОВЕНА.

Безсмысленно, во слѣдъ за праздною толпой,
Я долго, долго шелъ избитою дорогой...
Благоразуміемъ я называлъ покой,
Не возмущаемый сердечною тревогой;

Я ни къ кому враждой не пламенѣлъ; привѣтъ
Готовъ былъ у меня всѣмъ встрѣчнымъ безъ изъятья;
Но научить меня не могъ бездушный свѣтъ
Любить и понимать святое слово: братья!

И совѣстно сказать, что жилъ я; мнѣ жилось.
Ни страсти, ни надеждъ, ни горя я не вѣдалъ;
И мыслей собственныхъ я сдерживалъ вопросъ,
И на призывъ другихъ ни въ чемъ отвѣта не далъ.

День за день такъ текли безплодные года...
Разъ я сидѣлъ одинъ. Ни раута, ни бала
Въ тотъ вечеръ не было; и, помню я, тогда
Мнѣ на душу тоска несносная напала...

Меня уже давно безъ зова навѣщать
Она повадилась, какъ вѣрная подруга.

Въ тотъ разъ рѣшился я убѣжища искать
За чайнымъ столикомъ пріятельскаго круга.

Двѣ дамы были тамъ. Нашъ вялый разговоръ
Былъ скученъ. Занялись Бетховеномъ отъ скуки:
Сыграть имъ вздумалось извѣстный септуоръ —
И дружно раздались плѣнительные звуки.

Мнѣ эта музыка была знакома; но
Въ тотъ вечеръ мнѣ она особенно звучала...
Смотрю — въ гостиную открыта дверь; темно
Въ ней было. Я туда ушелъ и сѣлъ. Сначала

Все слушалъ, слушалъ я; потомъ вторая часть —
Andante началось... Глубокое мечтанье
Вдругъ овладѣло мной. Чарующую власть
Имѣло чудное аккордовъ сочетанье!..

Все время прошлое мнѣ вспомнилось; стоялъ
Тотъ призракъ предо мной, какъ смерть безмолвенъ, блѣденъ,
И ясно въ первый разъ тогда я понималъ,
Какъ сердцемъ сухъ и черствъ, какъ жизнію я бѣденъ...

И грустно стало мнѣ! Жалѣлъ я о себѣ,
Объ участи души, надеждами богатой,
Средь свѣтской суеты и въ мелочной борьбѣ
Понесшей на пути утрату за утратой.

Я не съ улыбкою скептической читалъ
Невозвратимыхъ дней мной вызванную повѣсть, —
Я чувству скорбному просторъ и волю далъ;
Заговорила вслухъ встревоженная совѣсть.

Я честно, искренно покаялся во всемъ;
Я больше предъ собой не лгалъ, не лицемѣрилъ;

Не могъ и не хотѣлъ забыть я о быломъ,
Но въ обновленіе свое я твердо вѣрилъ...

. .

И стала музыка отраднѣй мнѣ звучать...
Какъ будто тяжкій сонъ прошелъ, — я пробудился,
И веселѣй смотрѣть, и легче мнѣ дышать,
И сердцемъ наконецъ до слезъ я умилился...

1856 г.

* * *

Странно! мы почти что незнакомы —
Слова два при встрѣчахъ и поклонъ...
А ты знаешь ли? Къ тебѣ влекомый
Сердцемъ полнымъ сладостной истомы —
Странно думать! — я въ тебя влюбленъ!

Чѣмъ спасусь отъ этой я напасти?..
Такъ своей покорна ты судьбѣ,
Такъ въ тебѣ надъ сердцемъ много власти...
Я жъ, безумный, думать о тебѣ
Не могу безъ боли и безъ страсти...

1857 г.

МЫСЛИТЕЛЮ.

Орелъ взмахнетъ могучими крылами
И, вольный, отрѣшившись отъ земли,
О немощныхъ, влачащихся въ пыли,
Не думаетъ, паря подъ небесами...

Но, отъ мертвящей лжи освободясь
И окрыленный мыслью животворной,
Когда для сферы свѣтлой и просторной
Ты, возлетѣвъ, покинешь мракъ и грязь;

Когда почувствуешь, какъ послѣ смрадной
И долго угнетавшей тѣсноты
Трепещетъ грудь отъ радости, и ты
Вдыхаешь воздухъ чистый и прохладный;

О, ты начнешь невольно вспоминать
О долѣ смертныхъ темной и ничтожной!
Взирая сверху, будетъ невозможно
Тебѣ, счастливому, не пожелать,

Чтобъ братьевъ, пресмыкающихся долу,
Свѣтъ истины скорѣй освободилъ!..

Когда жъ они безъ воли и безъ силъ,
Не будутъ твоему внимать глаголу, —

Съ высотъ своихъ ты властно имъ кричи!
Окованныхъ невѣжественнымъ страхомъ,
Заставь ты ихъ разстаться съ тьмой и съ прахомъ
И смѣлому полету научи!..

1857 г.

ОХОТА.

Съ утра я скитаюсь безъ пользы и толку...
Надвинулась новая туча!
Бросаю охоту и прячусь подъ елку,
Дождемъ безпрерывнымъ наскуча.
А все еще лѣсъ оглашаетъ охота,
И голосъ несется собачій...
Порскаютъ охотники... выстрѣлилъ кто-то...
Побѣду трубитъ доѣзжачій.

Опять прояснилось. Гляжу я на небо,
На влажныя лѣса макушки,
На желтое поле созрѣвшаго хлѣба,
На свѣжую зелень опушки.
Стою хоть съ ружьемъ, но безъ всякой заботы;
Мечтаю... Труда никакого...
Чу!.. Слышится вновь приближенье охоты,
И туча сбирается снова...

Раскинулась радуга лентой широкой;
Вдали видѣнъ дождь полосами;
Въ лѣсу прокатился гулъ грома далекій...
Вотъ заяцъ присѣлъ за кустами!

Косыхъ-то здѣсь много, да жаль что не хромыхъ,
По мнѣ черезчуръ они прытки.
Попробую, впрочемъ, я въ этого... Промахъ!
Другой ужъ не будетъ попытки.

Вотъ гончія слѣдъ отыскали горячій...
А дождикъ все болѣ и болѣ...
Порскаютъ, стрѣляютъ, трубитъ доѣзжачій...
Охота, знать, пуще неволи!..

1857 г.

ВОСПОМИНАНІЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ О ПЕТЕРБУРГѢ.

Жаль, что дни проходятъ скоро!
Къ возвращенью время близко.
Снова, небо скрывъ отъ взора,
Тучи тамъ повиснутъ низко.

Ночью, въ дождь, слезами словно
Обольются тамъ окошки;
А на улицѣ безмолвной,
Дребезжа, проѣдутъ дрожки;

Да очнувшись: вора нѣтъ ли, —
Стукнетъ палкой дворникъ сонный;
Да визжать на ржавой петлѣ
Будетъ крендель золоченый...

1857 г.

ЗИМНІЯ КАРТИНКИ.

1.

Первый снѣгъ.

Миновали дождливые дни —
Первый снѣгъ неожиданно выпалъ,
И всѣ крыши въ селѣ, и плетни,
И деревья въ саду онъ усыпалъ.

На охоту выходятъ стрѣлки...
Я, признаться, стрѣлокъ не хорошій;
Но день цѣлый, спустивши курки,
Я брожу и любуюсь порошей.

Заходящее солнце укрывъ,
Лѣсъ чернѣетъ на небѣ румяномъ,
И ложится огнистый отливъ
Полосами по снѣжнымъ полянамъ;

Тѣнь огромная вслѣдъ мнѣ идетъ,
Я конца ей не вижу отсюда;
На болотѣ застынувшемъ ледъ
И прозраченъ, и тонокъ, какъ слюда...

Вотъ снѣжокъ серебристый летитъ
Вновь на землю изъ тучки лиловой,
И полей умирающій видъ
Облекаетъ одеждою новой...

1857 г.

2.

Еще воспоминаніе о Петербургѣ.

Снова снѣгъ пушистый увидали мы,
Наискось летящій...
Закрутилъ онъ къ ночи, словно средь зимы,
Вьюгой настоящей.

Ничего не видно въ темное окно;
Мокрый снѣгъ на стеклахъ.
Будетъ завтра утромъ все занесено
На поляхъ поблеклыхъ...

Комната уютна, печка горяча, —
Что̀ мнѣ до мятели?
Далеко за полночь, но горитъ свѣча
У моей постели.

Сердце мнѣ сжимаютъ, какъ передъ бѣдой,
Вслѣдъ за думой дума:
Ужъ близка неволя съ пошлой суетой
Городского шума.

Этотъ міръ чиновный, этотъ блескъ и шумъ —
Тягостное иго!
Нужно мнѣ приволье для свободныхъ думъ,
Тишина и книга...

1857 г.

3.

Зимняя прогулка въ деревнѣ.

Видъ родной и грустный!.. Отъ него нельзя
Оторваться взору...
Тянутся избушки, будто бы скользя
Вдоль по косогору...

Изъ лощины тѣсной выше поднялся
Я крутой дорогой;
И тогда деревня мнѣ открылась вся
На горѣ отлогой.

Снѣжная равнина облегла кругомъ;
На деревьяхъ иней;
Проглянуло солнце, вырвавшись лучомъ
Изъ-за тучи синей.

Вонъ — старикъ прохожій съ нищенской сумой
Подошелъ къ окошку;
Пробѣжали санки, рыхлой полосой
Проложивъ дорожку.

Вонъ — дроздовъ веселыхъ за рѣкою вдругъ
Поднялася стая;
Снѣгъ во всемъ пространствѣ сыплется какъ пухъ,
Пó вѣтру лéтая.

Голуби воркуютъ; слышенъ разговоръ
На концѣ селенья;
И опять все смолкло, лишь стучитъ топоръ
Звонко въ отдаленьи...

И смотрѣть, и слушать не наскучитъ мнѣ,
На дорогѣ стоя...
Здѣсь бы жить остаться! Въ этой тишинѣ
Что-то есть святое...

1857 г.

4.

Зимній вечеръ въ деревнѣ.

На тучахъ снѣговыхъ вечерній лучъ погасъ;
Природа въ дѣвственномъ покоится убранствѣ;
Ужъ неба отъ земли не отличаетъ глазъ,
Блуждая далеко въ померкнувшемъ пространствѣ.

Поземный вихрь, весь день носившійся, утихъ;
Но въ небѣ нѣтъ луны, нѣтъ блестокъ въ глыбѣ снѣжной;
Въ потьмахъ кусты ракитъ и прутья липъ нагихъ
Рисункомъ кажутся набросаннымъ небрежно.

Ночь приближается; стихаетъ жизнь села;
Но каждый звукъ слышнѣй... Вотъ скрипнули ворота,
Вотъ голосомъ ночнымъ ужъ лаять начала
Собака чуткая... вдали промолвилъ кто-то.

Вотъ безотрадная, какъ приговоръ судьбы,
Тамъ пѣсня раздалась... Она въ пустой полянѣ
Замретъ, застонетъ вновь... То съ поздней молотьбы
На отдыхъ по домамъ расходятся крестьяне.

1857 г.

ПОСЛѢДНЯЯ ПРИСТАНЬ.

Мнѣ во дни печали умъ мой рисовалъ
Грустную картину:
Зимній день въ деревнѣ. Я одинъ. Насталъ
Часъ моей кончины...

И въ окно гляжу я; — вихрь не унялся,
Все сердито воетъ;
Ужъ мой домъ онъ скоро, снѣгомъ занеся,
Отъ прохожихъ скроетъ.

Вкругъ меня такъ пусто, словно край земли —
Мой пріютъ далекой...
Разстаюсь я съ жизнью, ото всѣхъ вдали,
Въ тишинѣ глубокой...

1857 г.

* * *

Я музыкальнымъ чувствомъ обладаю,
Я для любви возвышенной рожденъ
И ни на что ее не промѣняю, —
Я въ стройныя созвучія влюбленъ.
Природа — музыка! тебѣ внимаю...
Не умолкая, пѣснь свою поетъ
Весь міръ про жизнь, которою онъ дышитъ, —
И тотъ блаженъ, кто слушаетъ и слышитъ!
О, сколько онъ узнаетъ и пойметъ, —
Развѣдавъ путь въ звучащій міръ гармоній, —
Непонятыхъ поэмъ, невѣдомыхъ симфоній!..

1857 г.

O, BEATA SOLITUDO! O, SOLA BEATITUDO!

Поры той желанной я жду — не дождусь,
Какъ съ городомъ тѣснымъ и шумнымъ прощусь!
Въ деревню уѣду и счастье земное
Познаю въ трудѣ и въ разумномъ покоѣ.
Спаси тогда, Боже, отъ всякой бѣды,
Отъ раннихъ морозовъ, отъ полой воды,
Отъ бури, червя, градобитья, безводья,
И садъ мой, и ниву, и всѣ тѣ угодья,
Что̀ видитъ съ холма мой заботливый взоръ,
Гдѣ ходятъ соха, и коса, и топоръ!
Избави меня отъ житейскаго сора,
Отъ мелкихъ страстей, отъ тщеславнаго вздора...
И если для умныхъ, свободныхъ бесѣдъ,
Для чувствъ изліяній, развѣдаютъ слѣдъ
Къ пріюту пустынному другъ иль подруга, —
Съ востока и съ запада, съ сѣвера, съ юга —
Границы усадьбы моей охрани
Отъ близкихъ сосѣдей, отъ дальней родни!

1857 г.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ СКВОРЕЦЪ.

Скворушка, скворушка! Глянь-ко, какъ пышно
Дерево гибкія вѣтви развѣсило!
Солнце сверкаетъ на листьяхъ и слышно,
Какъ межъ собой они шепчутся весело.

Что-жъ ты сидишь такой чопорный, чинный?
Что не летаешь, не рѣзвишься, скворушка?
Хвостикъ коротенькій, носъ за то длинный,
Ножки высокія, пестрое перышко.

Вскочишь на вѣтку, соскочишь обратно;
Смотришь лѣниво на листья зеленые;
Пѣть не поешь, а бормочешь невнятно,
Будто съ просонья, слова заученыя.

Ты удивленія, птица, достойна;
Этакихъ птицъ на свободѣ не видано;
Очень ужъ что-то смирна и пристойна —
Въ клѣткѣ, знать, вскормлена, въ клѣткѣ воспитана.

Скворушка, скворушка, ты съ непривычки
Чуешь на волѣ тоску и лишенія;

Ты вѣдь не то, что всѣ прочія птички,
Дружныя съ волею прямо съ рожденія.

Вонъ какъ играютъ! Высоко, высоко
Въ небѣ ихъ стая нестройная носится;
Въ полѣ, въ лѣсу, за рѣкою далеко
Слышится звонкая разноголосица.

1857 г.

СОГЛЯДАТАЙ.

Я не одинъ; всегда насъ двое.
Другъ друга ненавидимъ мы.
Ему противно все живое;
Онъ — духъ безмолвія и тьмы.

Онъ шепчетъ страшныя угрозы,
Онъ видитъ все. Ни мысль, ни вздохъ,
Ни втайнѣ льющіяся слезы
Я отъ него сокрыть не могъ.

Не смѣя сѣсть со мною рядомъ
И повести открыто рѣчь,
Онъ любитъ вскользь лукавымъ взглядомъ
Движенья сердца подстеречь.

Не разъ терялъ я бодрость духа,
Пугали мысль мою не разъ
Его внимающее ухо,
Всегда за мной слѣдящій глазъ.

Быть можетъ, онъ меня погубитъ;
Борьба моя съ нимъ не легка...
Что̀ будетъ — будетъ! Но пока —
Все мыслитъ умъ, все сердце любитъ!..

1857 г.

ПОЧЕМУ?

Съ тѣхъ поръ какъ міръ живетъ и страждетъ человѣкъ
Подъ игомъ зла и заблужденья, —
Въ стремленіи къ добру и къ правдѣ каждый вѣкъ
Намъ бросилъ слово утѣшенья.
Умомъ ужъ не одинъ разоблаченъ кумиръ;
Но мысль трудиться не устала,
И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
Прося у жизни идеала...
Но почему-жъ досель и сердцу, и уму
Такъ оскорбительно, такъ тѣсно?
Такъ много льется слезъ и крови? Почему
Такъ все запугано, что̀ честно?
О, слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ!
Оно, звуча неумолимо,
Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
И въ жизни не проходитъ мимо.
Да! *почему:* и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
И все, что̀ радуетъ и мучитъ?
Хотя бы мы пока и вызвали отвѣтъ,
Который знанью не научитъ, —

Все будемъ требовать отвѣта: *почему?*
И снова требовать, и снова...
Какъ ночью молнія прорѣзываетъ тьму,
Такъ свѣтитъ въ жизни это слово.

1857 г.

НИЩАЯ.

Съ ней встрѣтились мы средь открытаго поля
Въ трескучій морозъ. Не лѣта
Ее истомили; но горькая доля,
Но голодъ, болѣзнь, нищета,
Ярмо крѣпостное, работа безъ прока
Въ ней юную силу сгубили до срока.

Лоскутья одеждъ на ней были надѣты;
Спеленатый грубымъ тряпьемъ,
Ребенокъ, заботливо ею пригрѣтый,
У сердца покоился сномъ...
Но если не сжалятся добрые люди,
Проснувшись, найдетъ ли онъ пищи у груди?

Шептали мольбу ея блѣдныя губы,
Рука подаянья ждала...
Но плотно мы были укутаны въ шубы;
Насъ тройка лихая несла,
Снѣгъ мерзлый взметая, какъ облако пыли...
Тогда въ монастырь мы къ вечернѣ спѣшили.

1857 г.

* * *

Когда очнусь душою праздной,
И станетъ страшно за себя,—
Бѣгу я прочь съ дороги грязной,
И негодуя, и скорбя...
Болящимъ сердцемъ я тоскую
И узы спутанныя рву;
И съ неба музу мнѣ родную
Въ молитвѣ пламенной зову...

Когда-жъ на зовъ она слетаетъ,
Какъ лѣтній сумракъ хороша,
И искаженная душа
Свой первообразъ въ ней узнаетъ, —
Какъ больно, слѣдуя за ней,
Въ ту область, гдѣ свѣтлѣй и чище,
Переносить свое кладбище
Погибшихъ звуковъ и тѣней!..

1857 г.

* * *

Мы долго лежали повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ;
Забита тяжелая крыша...

Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Нежданная рѣчь прозвучала, —
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.

Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ, —
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта!..

1857 г.

СКАЗКА О ЖИВЫХЪ МЕРТВЕЦАХЪ.

Граждàне — по чину, по навыку въ службѣ — витіи,
Два зрѣлые мужа судили о благѣ Россіи,
И такъ были плавны, умны и блестящи ихъ рѣчи,
Какъ будто они говорили на вѣчѣ.

По мнѣнью ихъ — «общество станетъ на прочныхъ основахъ
При старыхъ началахъ съ прибавкою къ онымъ изъ новыхъ
И съ тѣмъ, чтобы къ знанью законовъ и догматовъ вѣры
Не медля принять надлежащія мѣры.

«Чтобъ не былъ начальникъ источникомъ золъ и напасти,
Въ народѣ потребно развить уваженіе къ власти;
Полезно бы ложь и пороки преслѣдовать гласно, —
Но такъ, чтобы не было это опасно.

«Потомъ, безъ сомнѣнья, появятся съ помощью Бога
Въ чиновникахъ честность, въ бумагахъ изящество слога,
И общее будетъ тогда благоденствіе близко —
Когда сократится въ судахъ переписка.

«Лишь долгая опытность въ службѣ и практика въ жизни
Помогутъ устройству порядка въ любимой отчизнѣ;

Стремленья-жъ людей молодыхъ хоть разумны и честны, —
Но въ дѣлѣ столь важномъ совсѣмъ неумѣстны!..»

Они продолжали еще излагать свои мнѣнья,
Какъ прямо предъ ними явилося вдругъ привидѣнье...
Ихъ волосы дыбомъ... дрожащія подняты длани...
Прилипнулъ языкъ онѣмѣвшій къ гортани!..

И къ нимъ обратило видѣніе слово такое:
«Оставьте Россію, о, зрѣлые мужи, въ покоѣ!
Но пусть изъ васъ каждый — будь сказано вамъ не въ обиду —
Отслужитъ одинъ по другомъ панихиду!»

Исчезло видѣнье, и жутко имъ стало обоимъ.
Ихъ члены дрожали, объяты морозомъ и зноемъ...
Пригрезилось имъ, или вправду? не знаю я... То-есть —
Быть можетъ — видѣнье, а можетъ быть — совѣсть.

Потомъ они стали въ себя приходить понемногу;
Тотъ руку тихонько подыметъ, тотъ выдвинетъ ногу,
И въ знакъ, что осталась свобода ихъ тѣлодвиженьямъ —
Расшаркнулись другъ передъ другомъ съ почтеньемъ.

Разстались... но тайная долго ихъ грызла досада,
Затѣмъ, что не знали, чему удивляться имъ надо —
(Такъ были ихъ мнѣнья и чувства наивно-правдивы!)
Тому ли, что мертвы? тому ли, что живы?

1858 г.

* * *

Восторгомъ святымъ пламенѣя,
На все, что̀ свершается въ мірѣ,
Порой я взираю яснѣе,
Я мыслю свободнѣй и шире.

Я братъ на землѣ всѣмъ живущимъ
И въ жизнь отошедшимъ иную;
И, полонъ мгновеньемъ бѣгущимъ,
Присутствіе вѣчности чую.

Надзвѣздные слышны мнѣ хоры
И стону людскому я внемлю, —
И къ небу возносятся взоры,
И падаютъ слезы на землю.

РАСКАЯНІЕ.

Средь сонма бюрократовъ умныхъ
Я лестной чести не искалъ
Предметомъ быть ихъ толковъ шумныхъ
И поощряющихъ похвалъ.

Я зналъ ихъ всѣхъ; но межъ народомъ
Любилъ скрываться я въ тѣни,
И развѣ только мимоходомъ
Привѣтъ бросали мнѣ они.

Моихъ, однако, убѣжденій
Благонамѣренность цѣня,
Иной изъ нихъ, какъ добрый геній,
Порою въ гору влекъ меня.

Казалось, къ почестямъ такъ близко
И такъ легко... да, видно, лѣнь
Мѣшала мнѣ съ ступени низкой
Шагнуть на высшую ступень.

Мы не сошлись... Но въ нравѣ тихомъ
Не видя обществу вреда,

Они меня за то и лихомъ
Не поминаютъ никогда.

О, я достоинъ сожалѣнья!
Къ чему же я на свѣтѣ жилъ,
Когда ни злобы, ни презрѣнья
Отъ нихъ ничѣмъ не заслужилъ?

1859 г.

ТЯЖЕЛОЕ ПРИЗНАНІЕ.

Я грубой силы — врагъ заклятый
И не пойму ее никакъ,
Хоть всѣмъ намъ часто снится сжатый,
Висящій въ воздухѣ кулакъ;

Поклонникъ знанья и свободы,
Я эти блага такъ цѣню,
Что даже въ старческіе годы,
Быть можетъ, имъ не измѣню;

Хотя-бъ укоръ понесъ я въ лести
И восхваленьи сильныхъ лицъ,
Предъ подвигомъ гражданской чести
Готовъ повергнуться я ницъ;

Мнѣ жить нельзя безъ женской ласки,
Какъ міру безъ лучей весны;
Поэмы, звуки, формы, краски —
Какъ хлѣбъ насущный мнѣ нужны;

Я посѣщать люблю тѣ страны,
Гдѣ, при побѣдныхъ звукахъ лиръ,

Съ челомъ вѣнчаннымъ великаны
Царятъ Бетховенъ и Шекспиръ;

Бродя въ лугахъ иль въ темной рощѣ,
Гляжу съ любовью на цвѣты,
И словомъ — выражусь я проще —
Во мнѣ есть чувство красоты.

Но если такъ, то я загадка
Для психолога. Почему-жъ,
Когда при мнѣ красно и сладко
Рѣчь поведетъ чиновный мужъ

О пользѣ, о любви къ отчизнѣ,
О чести, правдѣ, — обо всемъ,
Чтò намъ такъ нужно въ нашей жизни,
Хоть и безъ этого живемъ;

О томъ, какъ юнымъ патріотамъ
Служить примѣромъ онъ готовъ
По государственнымъ заботамъ,
По неусыпности трудовъ;

О томъ, чтó Русь въ державахъ значитъ,
О томъ, какъ Богъ ее хранитъ,
И вдругъ, растроганный, заплачетъ, —
Меня при этомъ не тошнитъ?..

1859 г.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Вступилъ я въ жизнь къ борьбѣ готовый, —
Но скоро кончилась борьба!..
Неумолимъ былъ рокъ суровый
И на меня надѣлъ оковы,
Какъ на мятежнаго раба.
Покорно несъ я злую долю
И совѣсть робкая лгала;
Она меня на свѣтъ, на волю
Изъ тьмы безмолвной не звала.
Шла мимо жизнь, шло время даромъ!
Вотще я братьевъ слышалъ стонъ, —
Не ударялъ мнѣ въ сердце онъ
Больнымъ, сочувственнымъ ударомъ...
Когда теперь смотрю назадъ,
На время юности порочной, —
Среди пустыни, въ тьмѣ полночной
Блуждаетъ мой печальный взглядъ.
Вотъ мной пройденная дорога...
Ея предательскій изгибъ
Велъ къ страшной безднѣ!.. Много, много
Изъ насъ погибло... Воля Бога
Меня спасла, — я не погибъ.

Но не стою я горделиво,
Увѣнчанъ славою побѣдъ...
Еще въ душѣ воскресшей нѣтъ
Съ минувшимъ полнаго разрыва.
Я долго жилъ средь сквернъ и золъ!
У ихъ нечистаго подножья
Тупѣла мысль, нѣмѣлъ глаголъ,
Изнемогала сила Божья.
Еще я трепетомъ объятъ,
Еще болитъ живая рана
И на меня, какъ изъ тумана,
Видѣнья прежнія глядятъ:
И, полнъ знакомой мнѣ боязнью,
Еще я взгляды ихъ ловлю,
Мнѣ угрожающіе казнью
За то, что мыслю и люблю...

1859 г.

* * *

Когда, еще живя средь новыхъ поколѣній,
Я поздней старости заслышу тяжкій ходъ,
И буря пылкихъ чувствъ, восторженныхъ стремленій
И смѣлыхъ помысловъ въ душѣ моей заснетъ, —
Тогда съ людьми прощусь и, поселясь въ деревнѣ,
Средь быта мирнаго, природы чтитель древній,
Я пѣсни въ честь ея прощальныя сложу
И сельской тишины красу изображу.
Пойду-ль бродить въ поляхъ, я опишу подробно
Мой путь среди цвѣтовъ, растущихъ вдоль межи,
И воздухъ утренній, и шорохъ спѣлой ржи,
Своимъ движеніемъ — морскимъ волнамъ подобной.
Подъ вечеръ сяду ли къ любимому окну, —
Я разскажу, какъ день на небѣ догораетъ,
Какъ ласточка, звеня, въ лучахъ его играетъ,
А рѣзвый воробей уже готовъ ко сну
И, смолкнувъ, прячется подъ общую намъ крышу;
Скажу, что на зарѣ вдали я пѣсню слышу...
На все откликнется мой дружелюбный стихъ;
Но, Боже, до конца оставь мнѣ слухъ и зрѣнье,
Какъ утѣшеніе послѣднихъ дней моихъ
И ужъ единственный источникъ вдохновенья!..

1859 г.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ МѢСЯЦЪ.

Какъ разлитыя чернила,
Наша ночь была черна;
Вдругъ надъ лѣсомъ очень мило
Вышла на небо луна;

Поплелася еле-еле,
Но, споткнувшись на пути,
Съ той поры она доселѣ
Собирается взойти.

И взойдетъ ли — мы не знаемъ.
Время будто замерло,
Распахнувъ надъ соннымъ краемъ
Неподвижное крыло...

Сонмы силъ живыхъ и крѣпкихъ!
Побѣдите эту блажь;
Отъ верхушекъ лѣса цѣпкихъ
Оторвите мѣсяцъ нашъ!

Помогите! съ мѣста троньте!
Сталъ противенъ онъ для глазъ,

Пригвожденъ на горизонтѣ
Какъ аляповатый тазъ!

Все онъ тотъ же; ночь все та же;
Да и мы, для красоты,
Въ этомъ глупомъ пейзажѣ
Въ тѣхъ же позахъ заперты.

1859 г.

* * *

Свѣтло какъ въ полдень, — лампы, свѣчи;
Изященъ свѣтскій видъ мужчинъ;
Открыли дамы грудь и плечи;
И за столомъ, средь яствъ и винъ,
Они ведутъ пустыя рѣчи...

А небо хмуро и черно;
Въ тиши зловѣщей зрѣетъ буря;
Бѣда сбирается давно...
Но имъ покуда все равно, —
Они смѣются, балагуря...

1859 г.

СОСЛОВНЫЯ РѢЧИ.

Вослѣдъ за рѣчью рѣчь звучала:
«Народъ, законность, власть, права...»
Чтó-жъ это? громкія-ль слова?
Или гражданскія начала?..
Нѣтъ! гражданинъ сословныхъ правъ
Ярмомъ на земство не наложитъ!
И возглашать никто не можетъ, —
Народной думы не узнавъ
И отъ земли не полномоченъ, —
Что строй его правдивъ и проченъ!
Тотъ строй законенъ и живучъ,
Гдѣ равноправная свобода,
Какъ солнце надъ главой народа,
Льетъ всѣмъ живительный свой лучъ.
Во имя блага съ мыслью зрѣлой, —
И кромѣ блага — ничего!
Такъ вѣковое зиждутъ дѣло
Вожди народа своего.
А васъ, сословные витіи,
Васъ духъ недобрый подъучилъ
Почетной стражей стать въ Россіи
Противъ подъема русскихъ силъ!

1864 г.

* * *

О, скоро-ль минетъ это время,
Весь этотъ нравственный хаосъ,
Гдѣ прочность убѣжденій — бремя,
Гдѣ подвигъ доблести — доносъ;
Гдѣ, послѣ свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь въ толпѣ безсвязной
Ни чистой личности отъ грязной,
Ни вольнодумца отъ раба;
Гдѣ быта стараго оковы
Уже поржавѣли на насъ,
А свѣточъ, путь искавшій новый,
Чуть озаривъ его, погасъ;
Гдѣ то, что́ прежде создавала
Живая мысль, идетъ пока
Какъ бы снарядъ, идущій вяло
И силой прежняго толчка;
Гдѣ стыдъ и совѣсть убаюкать
Мы всѣ желаемъ чѣмъ-нибудь,
И только-бъ намъ ладонью стукать
Въ «патріотическую» грудь!..

1870 г.

* * *

Эпохи знаменіе въ томъ,
Что ложь безстыжая возстала
И въ бытъ нашъ лѣзетъ на-проломъ
Наглѣй и явнѣй, чѣмъ бывало...
О, глубоки еще слѣды
Пороковъ старыхъ и вражды
То затаенной, то открытой
Къ голодной черни, черни сытой!
Героевъ времени вражда.
Ко всѣмъ дѣламъ гражданской чести
Не знаетъ мѣры и стыда.
Какъ червь, ихъ точитъ жажда мести.
Вотъ наша язва! Вотъ предметъ
И отвращенія, и смѣха!
У нихъ иной заботы нѣтъ,
Лишь бы загадить путь успѣха
Нечистотой своихъ клеветъ...

1870 г.

КЕНТАВРЪ.

Свершилось чудо!.. Червь презрѣнный,
Который прежде, подъ землей,
Плодясь въ стыдѣ и потаенно,
Не выползалъ на свѣтъ дневной;
Который зналъ въ былые годы,
Что могъ онъ только воровски
Губить богатой жизни всходы,
Въ тиши подтачивать ростки, —
Преобразясь, возсталъ изъ праха!
Ничтожный гадъ сталъ крупный звѣрь;
И, прежняго не зная страха,
Подчасъ пугаетъ самъ теперь.
Заговоривъ людскою рѣчью,
Какъ звѣри сказочныхъ временъ,
Какъ бы природу человѣчью
Порой выказываетъ онъ.
Знать, съ классицизмомъ воротился
Миѳологическій къ намъ вѣкъ:
Ни жеребецъ, ни человѣкъ —
Кентавръ въ Россіи народился.

Носясь то вдоль, то поперекъ
По нашимъ нивамъ, весямъ, градамъ;
Кидая грязью съ рѣзвыхъ ногъ,
Взметая пыль, лягая задомъ, —
Когда онъ, бѣшеный, бѣжитъ,
То съ конскимъ ржаніемъ, то съ крикомъ
И топчетъ все въ порывѣ дикомъ, —
Сама земля подъ нимъ дрожитъ!..
И утомясь, но все же гордый,
Что совершилъ безумный бѣгъ,
Съ своей полуживотной морды
Онъ пѣной фыркаетъ на всѣхъ...
И всѣ сторонятся, робѣя,
Чтобъ онъ не могъ кого-нибудь, —
Принявъ, конечно, за плебея, —
Иль оплевать, или лягнуть.
Въ ляганьѣ вся задача скрыта;
Вся сила — въ мускулахъ ноги...
Какая-жъ мысль, давя мозги,
Приводитъ въ дѣйствіе копыта?
Судя по всѣмъ чертамъ лица,
Нѣтъ мысли! Кромѣ развѣ задней...
Зато природа жеребца
Въ немъ совершеннѣй и пригляднѣй...
Что за хребетъ! и что за ростъ!
Налюбоваться мы не можемъ!
Какъ гордо онъ вздымаетъ хвостъ, —
Своею мыслію тревожимъ...

Иныхъ мыслителей въ Москвѣ
Теперь, повидимому, бѣситъ,
Что, стать пытаясь во главѣ,
Кентавръ межъ нами куралеситъ.

Имъ злой почудился въ немъ духъ;
Глядятъ впередъ они тревожно...
Съ ихъ стороны такой испугъ
Мнѣ непонятенъ. Невозможно
Играть безплоднѣе въ слова
Иль заблуждаться простодушнѣй...
Вѣдь ты-жъ сама была, Москва,
Его заводскою конюшней!..

1870 г.

ЛИТЕРАТОРЫ-ГАСИЛЬНИКИ.

«Свободѣ слова, статься можетъ,
Грозитъ нежданная бѣда...»
Что́-жъ въ этомъ слухѣ ихъ тревожитъ?
Что́ ропщутъ эти господа?..
Корятъ стѣснительныя мѣры?
Дрожатъ за русскую печать?
Движенье умственное вспять
Страшитъ ихъ, что ли?.. Лицемѣры!..
Великодушный ихъ порывъ
Есть ложь! Они, одной рукою
Успѣшно жертву придушивъ,
На помощь къ ней зовутъ другою.

Храни насъ Богъ отъ мѣръ крутыхъ,
Отъ каръ суроваго закона,
Чтобы подъ вѣчнымъ страхомъ ихъ
Народа голосъ не затихъ,
Какъ было то во время о́но;
Но есть великая препона
Свободѣ слова — въ насъ самихъ!
Сперва возстанемъ силой дружной

На тѣхъ отступниковъ изъ насъ,
Которымъ любо или нужно,
Чтобъ русскій умъ опять угасъ.
Начнемъ борьбу съ преступнымъ дѣломъ
И не дозволимъ впредь никакъ,
Чтобы свободной мысли врагъ,
Съ осанкой важной, съ нравомъ смѣлымъ,
Со свитой сыщиковъ-писакъ
И сочиняющихъ лакеевъ,
Какъ власть имѣющій, — возникъ
Изъ насъ газетный Аракчеевъ,
Литературный временщикъ...

Тому едва ли больше году, —
(Вѣдь безцензурная печать
Уже намъ мыслить и писать
Дала, такъ думалось, свободу!)
Когда-бъ я, дерзкій, захотѣлъ
Представить очеркъ даже слабый
Народныхъ язвъ и темныхъ дѣлъ
На судъ согражданъ, — о, тогда бы
Какой я силой могъ унять
И клевету, и обвиненья?
Чѣмъ опровергнуть подозрѣнья?
Какія мѣры могъ принять,
Чтобы писака современный
Въ какой-нибудь статьѣ презрѣнной,
Меня «измѣнникомъ» назвавъ,
Значенье правды не ослабилъ;
Чтобъ онъ моихъ священныхъ правъ
Быть «русскимъ» ловко не ограбилъ;
Чтобъ уськнуть онъ не смѣлъ толпу,
Иль крикнуть голосомъ побѣднымъ
Съ сіяньемъ доблести на лбу,

При сочетаньѣ съ блескомъ мѣднымъ;
Чтобъ у него отнять предлогъ
Для намекающей морали;
Чтобы того, что̀ ужъ жевали,
Онъ пережевывать не могъ;
Чтобъ онъ газетной этой жвачки
Не изблевалъ передо мной
Ни изъ-за денежной подачки,
Ни хоть: «изъ чести лишь одной» *);
Чтобъ онъ, какъ шарять по карманамъ,
Не вздумалъ лазить въ душу мнѣ
И, побывавъ на самомъ днѣ,
Представить опись всѣмъ изъянамъ;
Чтобъ даже онъ не рылся тамъ
Для похвалы, что все-молъ чисто
Но въ ней потомъ оставилъ самъ
Слѣды и запахъ публициста?..

Теперь какъ будто для ума
Есть больше воли и простора, —
Хоть наша рѣчь еще не скоро
Освободится отъ клейма
Литературнаго террора...
Несли мы рабски этотъ гнетъ;
Привыкли къ грубымъ мы ударамъ.
Такое время не пройдетъ
Для нашей нравственности даромъ...
И если мы когда-нибудь
Поднимемъ дружно чести знамя,
И вступимъ всѣ на свѣтлый путь,
Который былъ заброшенъ нами;

*) „Изъ чести лишь одной я въ домѣ семъ служу". Такъ въ одной рукописной поэмѣ объясняетъ служанка позоръ своего общественнаго положенія.

И если ждетъ насъ впереди
Родного слова возрожденье,
И станутъ во главѣ движенья
Съ душой высокою вожди, —
Все-жъ не порвать съ прошедшимъ связи!
Мы не вспомянемъ никогда
Ни этой тьмы, ни этой грязи
Безъ краски гнѣва и стыда!..

1870 г.

СТАРИКЪ.

— Жарко, дѣдушка! Вставай-ка!
Ты подъ солнцемъ цѣлый день...
Вонъ прохладная лужайка
И кругомъ отъ кленовъ тѣнь. —

«Не прельщайте тѣнью, дѣти;
Нѣтъ, я съ солнца не сойду!
Знаю самъ, что клены эти
Хороши въ моемъ саду.

«Имъ годовъ теперь не мало, —
Мнѣ ровесники они...
Отдохните вы, пожалуй,
Въ освѣжающей тѣни:

«Но прохлады не хочу я;
Этотъ зной меня живитъ.
Можетъ быть, тепломъ врачуя,
Солнце дни мои продлитъ.

«О, небесное свѣтило!
Озаряй меня и грѣй

На краю сырой могилы,
У предѣла ясныхъ дней!

«Дорожить насъ старость учитъ
Въ жизни солнечнымъ тепломъ.
Будетъ время!.. Какъ умремъ —
Въ холодкѣ лежать наскучитъ...»

1870 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ.

—•—

1.

Съ тѣхъ поръ исполненный тревогъ.
Какъ на ноги крестьяне стали,
Онъ изумленъ, что столько ногъ
Еще земли не расшатали.

2.

Съ томленьемъ сумрачнымъ Гамлета,
Но съ бо́льшей вѣрой, можетъ быть,
Десятый годъ онъ ждетъ отвѣта
На свой вопросъ: бить, иль не бить?

3.

Ихъ прежде *сливками* считали;
Но вотъ реформъ пришла пора —
И нашей *солью* ихъ прозвали
Стряпни печатной повара.

4.

Пускай собою вы кичитесь — мы не ропщемъ;
(Болотомъ собственнымъ вѣдь хвалится-жъ куликъ!)
Лишь не препятствуйте радѣть о благѣ общемъ...
Vous comprenez... le bien public.

5.

Онъ образумился. Онъ хнычетъ и доноситъ.
Свободы пугало его бросаетъ въ знобъ...
Вотъ такъ и кажется — посѣчь себя попроситъ
Опохмелившійся холопъ.

6.

Онъ вѣчно говоритъ; молчать не въ силахъ онъ;
Межъ тѣмъ и сердца нѣтъ, и въ мысляхъ нѣтъ устоя...
Злосчастный! весь свой вѣкъ на то онъ обреченъ,
Чтобъ опоражнивать пустое.

7.

Свершивъ походъ на нигилизмъ
И осмотрясь не безъ злорадства,
Вдались они въ патріотизмъ
И принялись за казнокрадство.

8.

Онъ былъ такъ глупъ, когда боролись мы умомъ;
Но, выгоды познавъ теперешнихъ уловокъ,
Онъ уши навострилъ, взялъ въ руку грязи комъ —
И сталъ межъ насъ уменъ и ловокъ.

9.

Шарманка фразъ фальшиво-честныхъ,
Машинка, мелющая вздоръ,
Окрошка мыслей несовмѣстныхъ, —
Ты старый хламъ иль новый соръ?

10.

Затѣмъ глядитъ онъ свысока,
Что собиралъ во время ѻно
Дань удивленья съ дурака
И умиленія — съ шпіона.

11.

Съ фиглярствомъ, говорятъ, роль гражданъ этихъ сходна.
Но — нѣтъ! Они, храня достоинство и честь,
Вертѣться колесомъ умѣютъ благородно
    И величаво — паклю ѣсть.

12.

О, какъ довольны вы!.. Еще бы!
Вамъ вкусъ по свойствамъ вашимъ данъ.
Безъ свѣта, затхлыя трущобы
Вѣдь любятъ клопъ и тараканъ.

13.

Ихъ мучитъ странная забота:
Своихъ согражданъ обязать
Прибавкой къ званью *патріота*
Словъ: *съ позволенія сказать*.

14.

Забытъ и одинокъ онъ, голову понуря,
Идетъ во слѣдъ толпѣ безсильной жертвой зла.
Гдѣ воля? Думы гдѣ?.. Сломила волю буря
И думы крѣпкія, какъ листья, разнесла.

15.

Дойдетъ чреда до васъ, мыслителей-гражданъ!
Но пусть отъ общихъ мѣстъ сперва тошнить насъ станетъ,
И нашихъ дней герой, какъ выпившій буянъ
Съ задорнымъ ухарствомъ ревѣть *ура!* — устанетъ.

1870 г.

ЭПИТАФІИ.

—•—

1.

Газетѣ «Вѣсть».

О томъ, что «Вѣсти» нѣтъ, воздержимся тужить:
Она своимъ друзьямъ жить долго приказала;
И «Вѣсти» партія безъ «Вѣсти» будетъ жить,—
Не скажутъ про нее, что бéзъ вѣсти пропала.

2.

Нашему прогрессу.

Онъ росъ такъ честенъ, такъ уменъ;
Онъ такъ радѣлъ о мѐньшихъ братьяхъ,
Что былъ Россіей задушенъ
Въ ея признательныхъ объятьяхъ.

3.

Нашей цензурѣ.

Тебя ужъ нѣтъ!.. Рука твоя
Не подымается, чтобъ херить; —
Но духъ твой съ нами, и нельзя
Въ его безсмертіе не вѣрить!..

4.

Нашему институту мировыхъ посредниковъ.

Кто могъ подумать!.. Нашъ успѣхъ
Въ немъ выражался, — и давно ли?..
А ужъ почилъ онъ въ лонѣ тѣхъ,
Кто брали взятки и пороли!..

1871 г.

ДУМЫ ОПТИМИСТА.

Въ лучшемъ изъ міровъ
Все ко благу шествуетъ;
Лишь отъ разныхъ словъ
Человѣкъ въ немъ бѣдствуетъ.

Назовешь ихъ тьму;
Но, иныхъ не трогая,
Напримѣръ возьму:
Убѣжденье строгое.

Или вотъ еще:
Цѣль избравъ полезную,
То я горячо
Людямъ *соболѣзную;*

То я, какъ дитя,
За *свободой* бѣгаю,
Шалость эту чтя
Альфой и омегою.

Всѣмъ своя судьба!
Съ неизбѣжной долею

Всякая борьба —
Пустяки, не болѣе.

Ты смѣкай умомъ,
Но имѣй смиреніе;
Правила-жъ притомъ
Нѣтъ безъ исключенія.

Рѣчь разумныхъ лицъ
Властью не карается,
Какъ и пѣвчихъ птицъ,
Пѣнье не стѣсняется.

Люди развѣ всѣ
Мрутъ отъ истощенія?
Даже и о псѣ
Видимъ попеченія.

Кабы всѣмъ покой,
И притомъ почтительно
Жить бы подъ рукой
Благопопечительной,

Да слова забыть,
Отъ которыхъ бѣдствія...
Ахъ, могли бы быть
Чудныя послѣдствія!

Опытъ учитъ ждать.
Тѣ безумны націи,
Что спѣшатъ сорвать
Плодъ цивилизаціи.

Впереди — вѣка.
Имъ-то что-жъ останется?

Пусть виситъ пока,
Зрѣетъ да румянится.

Время подойдетъ —
Самъ собою свалится;
И кто съѣстъ тотъ плодъ —
Вѣкъ свой не нахвалится...

Нынѣ же — доколь
Это все устроится —
Были бы хлѣбъ-соль
Да святая троица.

1871 г.

ВЪ ЕВРОПѢ.

Посмотришь, всѣ нѣмцы въ лавровыхъ вѣнкахъ,
Во Франціи — миръ и порядокъ;
А въ сердце все будто бы крадется страхъ
И духъ современный мнѣ гадокъ.

Кулачное право господствуетъ вновь
И, словно нѣтъ дѣла на свѣтѣ,
Намъ жизнь ни почемъ, и пролитая кровь
Намъ видится въ розовомъ цвѣтѣ.

Того и гляди, что еще будетъ взрывъ,
И воины, злы безъ границы,
Могильные всюду кресты водрузивъ,
Крестами украсятъ петлицы.

Боюсь я, что мы, опорожнивъ свой лобъ
Отъ всѣхъ не-военныхъ вопросовъ,
Чрезъ годъ не поймемъ, что̀ за звѣрь—филантропъ,
И спросимъ: что̀ значитъ—философъ?

Тѣмъ больше, что въ наши мудреные дни
Забрали весь умъ дипломаты,

И нужны для міра съ перомъ — лишь они,
Да съ новымъ оружьемъ солдаты.

Два дѣла въ ходу: отрывать у людей
Отъ туловищъ руки и ноги;
Да, будто во имя высокихъ идей,
Свершать безъ зазора подлоги.

Когда же подносятъ съ любезностью въ даръ
Свободу, реформы, науку, —
Я, словно какъ въ циркѣ, все жду, что фигляръ
Предъ публикой выкинетъ штуку.

Всѣ рѣчи болѣзненно рѣжутъ мой слухъ,
Всѣ мысли темны иль нечисты...
На мирную пальму, на доблестный духъ
Мнѣ кажутъ вотще оптимисты.

Видъ символа мира имъ сладокъ и милъ, —
По мнѣ — это чуть ли не розга;
Гдѣ крѣпость имъ чудится нравственныхъ силъ,
Тамъ мнѣ — размягченіе мозга...

1871 г.

ОСЕННІЕ ЖУРАВЛИ.

Сквозь вечерній туманъ, мнѣ, подъ небомъ стемнѣвшимъ,
Слышенъ крикъ журавлей все яснѣй и яснѣй...
Сердце къ нимъ понеслось, издалёка летѣвшимъ,
Изъ холодной страны, съ обнаженныхъ степей.
Вотъ ужъ близко летятъ и все громче рыдая,
Словно скорбную вѣсть мнѣ они принесли...
Изъ какого же вы непривѣтнаго края
Прилетѣли сюда на ночлегъ, журавли?..

Я ту знаю страну, гдѣ ужъ солнце безъ силы;
Гдѣ ужъ савана ждетъ, холодѣя, земля,
И гдѣ въ голыхъ лѣсахъ воетъ вѣтеръ унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумракъ, бѣдность, тоска, непогода и слякоть,
Видъ угрюмый людей, видъ печальный земли...
О, какъ больно душѣ, какъ мнѣ хочется плакать!..
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

28 окт. 1871 года.
Югенгеймъ, близъ Рейна.

* * *

Ты на землѣ, — я вижу, другъ, —
Не легкомысленный прохожій.
Ты, полонъ думъ, глядишь вокругъ
И міръ благословляешь Божій.
Въ немъ цѣлей благость видишь ты
И соотвѣтствіе причинамъ,
И сущность вѣчной красоты —
Разнообразное въ единомъ.
Пытливой мыслію въ тайникъ
Силъ міровыхъ ты проникаешь;
Ты изучаешь ихъ изъ книгъ,
Ты ихъ творящихъ созерцаешь...

Ты правъ по множеству причинъ.
Да, наша хороша планета;
И, спора нѣтъ, машина эта
Искуснѣй всяческихъ машинъ.
Колеса движутся безъ смазки,
Не притупляются зубцы;
И вопреки какой-то сказкѣ,

Которой вѣрили отцы, —
Вся цѣликомъ, безъ остановокъ,
Машина вѣчная идетъ...
И какъ отчетливъ, чистъ и ловокъ
Ея огромный, сложный ходъ!
И то сказать: одна ошибка,
Немножко гдѣ-нибудь не такъ,
Чуть-чуть потише, слишкомъ шибко...
И вмѣсто міра — кавардакъ!
Подумать страхъ, чтò-бъ это было,
Когда-бъ земля — Богъ упаси! —
Свой долгъ вертѣться вкругъ оси
Хоть на мгновенье позабыла.
Или представь, что вдругъ исчезъ
Законъ Ньютоновъ тяготѣнья, —
Тогда-бъ въ обители небесъ
Всѣ вознеслись безъ исключенья...
Мнѣ эти случаи привесть
Хотѣлось только для примѣра.
Міръ не блажитъ. Всему въ немъ есть
Свои законы, вѣсъ и мѣра.
Итакъ, ты правъ, его хваля.
Коль исключимъ землетрясенья,
Кой-что еще, — то безъ сомнѣнья
Вещь превосходная — земля.
Но есть явленье на землѣ же, —
Его законы ужъ не тѣ.
Ты смотришь: равновѣсье гдѣ же?
И гдѣ-жъ враждебность къ пустотѣ?
Вѣдь почва тощая, сухая
Небесной влаги больше пьетъ,
Чѣмъ пресыщенная до края;
А межъ людей — наоборотъ.
Изъ нихъ ѣдятъ лишь тѣ, кто сыты.

Что̀-жъ это значитъ? Почему?
Явленья этого уму
Еще законы не открыты.

1872 г.

* * *

Кончено. Нѣтъ ея. Время тревожное,
    Время безсонныхъ ночей,
Трепетъ надежды, печаль безнадёжная,
    Страхъ и забота о ней;

Нѣжный уходъ за больной моей милою;
    Дума и ночи, и дня...
Кончено! Все это взято могилою;
    Больше не нужно меня.

О, вспоминать, одинокій, я стану ли
    Ночи послѣднихъ заботъ—
Сердце изъ бездны, куда онѣ канули,
    Снова ихъ, плача, зоветъ.

Ночь бы одну еще скорбно-отрадную!
    Я бы, склонясь на кровать,
Могъ поглядѣть на тебя, ненаглядную,
    Руки твои цѣловать...

Другъ мой, сама ты помедлить желала бы,
    Лишь бы я былъ близъ тебя;

Ты бы еще пострадала безъ жалобы,
Только пожить бы, любя.

Гдѣ-жъ этотъ зовъ дорогого мнѣ голоса?
Взглядъ за услугу мою?
Взглядъ, когда ты уже съ смертью боролася,
Все говорившій:—люблю!

Эта любовь, эта ласка прощальная,
Глазъ этихъ добрыхъ привѣтъ...
Милая, кроткая, многострадальная,
Нѣтъ ихъ ужъ болѣе—нѣтъ!..

1876 г.

* * *

Гляжу-ль на дѣтей и грущу
Среди опустѣлаго дома —
Все той же любви я ищу,
Чтò въ горѣ такъ сердцу знакома...

Къ тебѣ, другъ усопшій, къ тебѣ
Взываю въ безумной надеждѣ,
Что такъ же ты нашей судьбѣ
Родна и причастна, какъ прежде.

Все мнится—я долгой тоской,
Такъ больно гнетущей мнѣ душу,
Смущу твой холодный покой,
Твое безучастье нарушу;

Все жду, что въ таинственномъ снѣ
Мнѣ явишься ты, какъ живая,
И скажешь, съ участьемъ ко мнѣ:
«Поплакать съ тобою пришла я...»

1876 г.

* * *

Еслибъ ты видѣть могла мое горе—
Какъ ты жалѣла-бъ меня!
Праздникъ встрѣчать мнѣ приходится вскорѣ
Нашего лучшаго дня...

Словно мнѣ вѣсти грозятъ роковыя,
Словно я чую бѣду...
Милая, какъ же нашъ праздникъ впервые
Я безъ тебя проведу?

Въ день незабвенный союза съ тобою—
Счастья погибшаго день—
Буду вотще моей скорбной мольбою
Звать твою грустную тѣнь.

Пусто мнѣ будетъ. Въ безмолвьѣ глубокомъ
Глухо замретъ мой призывъ...
Ты не потужишь о мнѣ одинокомъ,
Нашу любовь позабывъ.

Я же, томимъ безутѣшной кручиной,
Помню, чѣмъ праздникъ нашъ былъ...
Жизни съ тобой я черты ни единой,
Другъ мой, еще не забылъ.

1876 г.

* * *

За днями ненастными съ темными тучами
Земля дождалась красныхъ дней;
И знойное солнце лучами могучими
Любовно сверкаетъ на ней.

Вблизи ли, вдали ли, мнѣ видится, слышится,
Что міръ, наслаждаясь, живетъ...
Такъ радостно въ полѣ былинка колышится,
Такъ весело птичка поетъ!

И въ запахахъ, въ блескѣ, въ журчаніи, въ шелестѣ,
Такъ явственъ восторгъ бытія,
Что, сердцемъ подвластенъ всей жизненной прелести,
Съ природою ожилъ и я...

О, сердце безумное, сердце живучее,
Открытое благамъ земли—
Ужель одиночества слезы горючія
Насквозь твоихъ ранъ не прожгли?

Чего тебѣ ждать, когда нѣтъ уже болѣе
Любовнаго сердца съ тобой?..
Плачь, плачь надъ былою, счастливою долею
И вѣчную память ей пой!..

1876 г.

* * *

Чувствъ и думъ несмѣтный рой
И толпа воспоминаній
Всюду слѣдуютъ за мной
По пути моихъ страданій...
Надо высказать мнѣ ихъ;
Мой замкнутый міръ имъ тѣсенъ,
Сердце, въ память дней былыхъ,
Проситъ пѣсенъ.

Спѣлъ бы я, какъ въ эти дни,
Мнѣ свѣтя, не заходило
Всеобъемлющей любви
Лучезарное свѣтило;
Какъ оно, сгорѣвъ до тла,
Меркло, грустно потухая,
И ужъ нѣтъ его... Пришла
Ночь глухая.

Душу вылилъ бы я всю;
Воплотилъ бы сердце въ звуки!
Пѣсни про любовь мою,
И про счастье, и про муки,

Про глубокую тоску —
Ихъ святыни не нарушатъ...
Спѣлъ бы я, да не могу —
Слезы душатъ...

1876 г.

СОВѢТЪ САМОМУ СЕБѢ.

Тебѣ, знать, не въ терпёжъ,
Когда, въ минорномъ тонѣ
Заладивши, поешь
О собственной персонѣ.
Ужъ будетъ о себѣ
Да о своемъ несчастьѣ!
Въ общественной судьбѣ
Пора принять участье.
Взгляни — со всѣхъ сторонъ
Какъ тучи понависли!
Достаточный резонъ —
Пропѣть бы въ этомъ смыслѣ.
Отчизны добрый сынъ
Не станетъ спать подъ тучей;
Совѣтъ — и не одинъ —
Онъ дастъ на этотъ случай;
Ужъ каждый далъ изъ насъ;
И ты предсталъ бы съ мнѣньемъ,
Добромъ руководясь
И крайнимъ разумѣньемъ.
Сказалъ бы:

«Господа!
«Проснулись? съ добрымъ утромъ!..
«Стряслась на насъ бѣда
«Въ покоѣ нашемъ мудромъ.
«Славяне стягъ войны
«Подняли за свободу...
«Вѣдь мы помочь должны
«Родному намъ народу!..
«Исторія насъ ждетъ,
«Развязки часъ назнача...
«Съ славянъ снять рабства гнетъ —
«Не наша ли задача?..
«Такъ!.. Но спросить дозволь,
«О, гражданинъ Россіи,
«Тебѣ къ лицу ли роль
«Славянскаго Мессіи, —
«Теперь, каковъ ты есть,
«Еще, вдобавокъ, зная,
«За что, питая месть,
«Враждуетъ смѣлый «райя»?
«И голоденъ, и нагъ, —
«Поклялся взять онъ съ боя
«Своихъ духовныхъ благъ
«Имущество святое...
«А ты?.. хотя изъ устъ
«И льются рѣчи плавно, —
«Вѣдь такъ душою пустъ
«Ты былъ еще недавно!
«Увы! страдальцевъ братъ,
«Ты братьямъ чѣмъ поможешь?
«Какимъ добромъ богатъ?
«Чтó обѣщать имъ можешь?
«И гдѣ твои права?
«Что русскій, молъ, ты истый?

«А нá руки сперва
«Взгляни-ка! Развѣ — чисты?
«Чтó если братчикъ твой
«Тебѣ самъ скажетъ: «Друже!
««Коль примется родной
««Насъ пачкать — будетъ хуже!»
«Охъ, засоренъ твой путь!
«И къ нравственнымъ побѣдамъ
«Тебѣ едва-ль шагнуть
«Отъ спячки съ пошлымъ бредомъ.
«Пришлось намъ низко пасть!
«И пали-то съ тѣхъ поръ мы,
«Какъ подняла насъ власть.
«Не вывезли реформы!
«Не вышло ничего.
«Все, не дозрѣвъ, пропало.
«Кругомъ — темно, мертво;
«Нѣтъ силъ, нѣтъ идеала;
«И интересъ одинъ:
«Кармана да желудка.
«О, русскій гражданинъ!
«Ужель тебѣ не жутко?..»

На лирѣ ты своей
Вотъ такъ-то пѣть попробуй,
Да громче; не робѣй!
Ты съ сердцемъ, а не съ злобой...
Вѣдь, правду коль сказать,
Въ одномъ лишь мы и ловки —
Другъ дружку лобызать
Да гладить по головкѣ.
Прибавь, что трудно лжи
Стоять за правду въ мірѣ;
Да кстати ужъ скажи,

Что дважды два — четыре.
Но этимъ не кончай;
Ты вотъ чѣмъ пѣснь окончи:

«Бываетъ, невзначай,
«Что тотъ, кто низокъ нонче,
«На завтра сталъ великъ.
«То духъ любви, повѣявъ,
«Избранника воздвигъ
«Гигантомъ изъ пигмеевъ...
«Что̀ если въ этотъ часъ
«Кроваваго событья,
«Ужъ осѣняетъ насъ
«Святой любви наитье?
«О, пусть же, нашу дрянь
«Съ насъ сбросивъ, эта сила
«Россіи скажетъ: «Встань!
««Тебя я воскресила!»
«И, съ края въ край полна
«Любви животворящей,
«Могла бы встать она,
«Какъ Лазарь всталъ смердящій!»

Тутъ кончи. Хоть успѣхъ,
Конечно, подъ сомнѣньемъ,
За то и вся, и всѣхъ
Задѣнешь пѣснопѣньемъ;
А то вѣдь это что-жъ!
О собственной персонѣ
Заладивши, поешь —
И все въ минорномъ тонѣ.

1876 г.

ПРИВѢТЪ ВЕСНЫ.

Взгляни: зима ужъ миновала;
На землю я сошла опять...
Съ волненьемъ радостнымъ, бывало,
Ты выходилъ меня встрѣчать.

Взгляни, какъ праздничныя дани
Землѣ я снова приношу;
Какъ по воздушной, зыбкой ткани
Живыми красками пишу.

Ты грозовыя видѣлъ тучи?
Вчера ты слышалъ первый громъ?
Взгляни теперь, какъ садъ пахучій
Блеститъ, обрызганный дождемъ.

Среди воскреснувшей природы
Ты слышишь: свѣту и теплу
Мои пернатые рапсоды
Поютъ восторженно хвалу?

Самъ восторгаясь этимъ пѣньемъ
Въ лучахъ ликующаго дня,

Бывало съ радостнымъ волненьемъ
Ты выходилъ встрѣчать меня...

Но нѣтъ теперь въ тебѣ отзыва;
Твоя душа уже не та...
Ты нѣмъ, какъ подъ шумящей ивой
Нѣма могильная плита.

Прилившей жизнью не взволнованъ,
Упорно ты глядишь назадъ
И, сердцемъ къ прошлому прикованъ,
Свой сторожишь зарытый кладъ...

1877 г.

ЗНАКОМАЯ КАРТИНА.

Все нашелъ какъ прежде;
Я ужъ зналъ заранѣ:
Мѣсяцъ въ свѣтлыхъ тучкахъ,
Озеро въ туманѣ;

Дальнихъ горъ узоры,
Садикъ передъ домомъ —
Все какъ было прежде;
Прибылъ я къ знакомымъ.

Не хвалися, мѣсяцъ, —
Садикъ, не хвалися, —
Что безъ бѣдъ надъ вами
Годы пронеслися!

Озеро и горы,
Не глумитесь тоже
Надъ судьбой моею,
Съ вашею несхожей!

Какъ припомню, вижу:
Эта злая сила,

Чтѣ меня ломала,
Васъ не пощадила.

Тѣ-жъ, пожалуй, краски,
Тѣ-же очертанья, —
Но куда дѣвалась
Власть очарованья?

Помню, какъ въ безмолвьи
Теплой, лѣтней ночи,
Вы манили душу,
Вы плѣняли очи...

А теперь не то вы,
Чтѣ во время ѣно,
Хоть на васъ усердно
Я гляжу съ балкона.

Всю картину вижу,
Стѣя передъ садомъ...
Но безъ сожалѣнья
Повернусь и задомъ.

1877 г.
Лозанна.

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ.

Полевые цвѣты на зеленомъ лугу...
Безучастно на нихъ я глядѣть не могу.
Умилителенъ видъ этой нѣжной красы
Въ блескѣ знойнаго дня иль сквозь слезы росы;
Безъ причудъ, безъ нужды, чтобъ чья-либо рука
Охраняла ее, какъ красу цвѣтника;
Этой щедрой красы, что́, не зная оградъ,
Всѣхъ привѣтомъ даритъ, всѣмъ струитъ ароматъ;
Этой скромной красы, безъ ревнивыхъ заботъ:
Полюбуется-ль кто, или мимо пройдетъ?..
Ей любуюся я и, мой другъ, узнаю
Душу щедрую въ ней и простую твою.
Видѣть я не могу полевые цвѣты,
Чтобъ не вспомнить тебя, не сказать: это ты!
Тебя нѣтъ на землѣ; миновали тѣ дни,
Когда, жизни полна, ты цвѣла какъ они..
Я увижу опять съ ними сходство твое,
Когда срѣжетъ въ лугу ихъ косы лезвее..

1877 г.

* * *

Что за прелесть сегодня погода!
Этотъ снѣгъ на вершинахъ вдали,
Эта ясность лазурнаго свода,
Эта зелень цвѣтущей земли...

Все покрыто торжественнымъ блескомъ;
Словно все упрекаетъ меня,
Что въ такомъ разногласіи рѣзкомъ
Мое сердце съ веселіемъ дня.

О, желалъ бы я самъ, чтобъ хоть нынѣ
На душѣ моей стало свѣтло,
Какъ на той вѣчно снѣжной вершинѣ,
Гдѣ сіяніе солнце зажгло;

Чтобъ чредой понеслись къ моимъ думамъ
Годы счастья былые мои,
Какъ рѣки этой съ ласковымъ шумомъ
Голубыя несутся струи...

Пусть затмитъ мнѣ минувшее время
Эту жизнь и что̀ ждетъ впереди...

Упади же съ души моей, бремя,
Хоть на этотъ лишь день упади!

Не боли хоть теперь, моя рана!
Дай пожить мнѣ блаженствомъ былымъ...
Много лѣтъ, горячо, безъ обмана
И любилъ я, и былъ я любимъ.

1877 г.
Тунъ, въ Швейцаріи.

Л. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

Ты правъ. Я вижу самъ: нѣтъ силы произвола
Въ моей душѣ, какъ въ оны дни;
Но не кори ее; ты съ арфою Эола
Ее, безвинную, сравни!

Какъ жертва непогодъ, лишь струны вѣтеръ тронетъ,
Не можетъ не звучать она,—
Такъ чуткая душа подъ бурей жизни стонетъ
И плачъ окончить не вольна.

Съ тѣхъ поръ, какъ друга нѣтъ, душа напрасно проситъ
Отрадъ, надеждъ и свѣтлыхъ грёзъ,—
Далеко отъ меня ихъ тотъ же вихрь уноситъ,
Который жизнь ея унесъ.

Такъ пусть душа звучитъ; пусть пѣсня скорби льется
И поминается мой другъ,
Пока послѣдняя струна не оборвется,
Издавъ тоски послѣдній звукъ!

1877 г.

НА ГОРѢ

Небо виситъ надо мною, прозрачно и сине;
Ходятъ внизу облака...
Слава осеннему утру на горной вершинѣ!
Съ сердца спадаетъ тоска.

Вижу далекія горы, долины, озёра,
Птицъ подо мною полетъ;
Чую, что вслѣдъ за растущею силою взора
Сила и духа растетъ.

Крѣпнетъ рѣшимость—разстаться съ привычкою горя,
Волю воздвигнуть мою;
Мыслью спокойной я жизнь, не ропща и не споря,
Какъ она есть признаю.

Холодно, мрачно, пустынно безъ милаго друга;
Нѣтъ ея нѣжной любви...
Что же! Быть съ ласковой жизнью въ ладу—не заслуга.
Жизнью скорбящихъ живи!

Горныя выси внезапную бодрость мнѣ дали...
Другъ мой, любившій меня,

Ты, чья душа мнѣ свѣтила въ дни бѣдъ и печали
Пыломъ святого огня, —

Благословеньемъ своимъ и теперь помоги же
Другу въ духовной борьбѣ!
Кажется мнѣ, въ это утро, что къ небу я ближе,
Ближе я также къ тебѣ.

1877 г.
Риги Кульмъ.

ОСЕНЬЮ ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕРЕВНѢ.

Въ часъ позднихъ сумерекъ я вышелъ на дорогу;
Нѣтъ встрѣчныхъ; кончился обрядъ житейскій дня!
И тихій вечеръ снялъ съ души моей тревогу;
Спокойствіе—во мнѣ и около меня.

Вотъ облака ползутъ, своимъ покровомъ мутнымъ
Скрывая очерки знакомыхъ мнѣ вершинъ;
Вотъ парусъ, вѣтеркомъ изогнутый попутнымъ,
Въ пустынѣ озера виднѣется одинъ.

Вотъ къ берегу струи бѣгутъ неторопливо;
Чуть слышенъ плескъ воды и шорохъ тростника;
И прерываетъ строй природы молчаливой
Лишь мимолетное гудѣніе жука.

Нѣтъ; звукъ еще одинъ я слышу; онъ заранѣ
Про смерть мнѣ говоритъ, пока еще живу:
То съ яблонь или съ грушъ, стоящихъ на полянѣ,
Отжившаго плода паденіе въ траву.

Сурово для ума звучатъ напоминанья;
А сердце такъ, межъ тѣмъ, настроено мое,

Что я, внимая имъ, не чувствую желанья
Теперь ни продолжать, ни кончить бытіе.

Извѣдалъ радости я лучшія на свѣтѣ;
Пришелъ конецъ и имъ, какъ эта ночь пришла...
О, будьте счастливы, возлюбленныя дѣти!
Желанье пылкое вамъ шлю въ моемъ привѣтѣ,
Чтобъ длилась ваша жизнь отрадна и свѣтла!..

1878 г.
На берегу Люцернскаго озера.

ЗЕМЛЯ.

Волнуемъ воздухомъ, какъ легкая завѣса,
Съ вершинъ альпійскихъ горъ спускается туманъ.
Ужъ высятся надъ нимъ кой-гдѣ макушки лѣса...
И вотъ — весь выступилъ онъ, красками убранъ,
Въ которыя рядитъ деревья любитъ осень,
Не трогая межъ нихъ зеленыхъ вѣчно сосенъ.

Какъ много радости и свѣта въ міръ принесъ,
Побѣду одержавъ надъ мглою, день прозрачный!
Не сумраченъ обрывъ, повеселѣлъ утесъ,
И празднично-свѣтло по всей долинѣ злачной;
Лишь около деревъ развѣсистыхъ на ней
Узоры темные колеблются тѣней.

Казалось, что теперь небесное свѣтило,
Вступивъ на зимній путь, прощальный свѣтъ лило;
И, на него глядя, земля благодарила
За яркіе лучи, за влажное тепло,
Чтó разносилъ, струясь надъ нею, воздухъ зыбкой,
И озарялась вся привѣтливой улыбкой.

Красавица-земля! Не въ этой лишь странѣ,
Въ виду гигантовъ-горъ склонюсь я предъ тобою;
Сегодня ты была-бъ вездѣ прелестна мнѣ, —
Лишь бы съ деревьями, съ кустами и съ травою,
Гдѣ красокъ осени игралъ бы переливъ,
Или хоть съ блѣдною соломой сжатыхъ нивъ.

Чѣмъ дольше я смотрю, тѣмъ шире и сильнѣе
Все разростается къ тебѣ моя любовь.
О, запахъ милый мнѣ!.. То, сладостно пьянѣя,
Какъ бы туманюсь имъ, то возбуждаюсь вновь...
Землею пахнетъ!.. Я — твое, земля, созданье, —
И нѣтъ иного мнѣ милѣй благоуханья.

Земля-кормилица! Работница-земля!
Твой вѣченъ трудъ; твои неистощимы нѣдра...
Межъ тѣмъ какъ чадъ своихъ ты, нуждамъ ихъ внемля,
Плодами и зерномъ ужъ одарила щедро, —
Я вижу — требуя еще твоихъ услугъ,
Тебя тамъ на холмѣ опять взрываетъ плугъ.

Я жизни путь прошелъ, топча тебя небрежно,
Какъ будто я не сынъ тебѣ, родимый прахъ.
Найти я внѣ тебя рвался душой мятежной
Причину тайную житейскихъ золъ и благъ;
И мысль, страшась конца, не вѣдая начала,
Во тьмѣ и пустотѣ, тоскливая, блуждала.

Земля! Чтò-жъ такъ влекутъ меня стремленья думъ
И сердца пылъ къ тебѣ? Не знаю... Оттого ли,
Что отъ меня далекъ тревожный жизни шумъ?
Иль правды я ищу? Иль я усталъ отъ боли
Разрушенныхъ надеждъ, оплаканныхъ потерь?
Иль твой къ покою зовъ мнѣ слышится теперь?..

О, мать-земля! Я здѣсь одинъ; людей не видно...
Хотѣлъ бы пасть я ницъ и лобызать тебя!..
Увы! я не могу и не людей мнѣ стыдно...
Восторгомъ былъ я полнъ, красу твою любя;
Но лишь тебя призналъ я матерью моею,—
Печаленъ и смущенъ, ласкать тебя не смѣю.

Ты мнѣ чужда еще, но я отнынѣ твой.
Дай силы мнѣ своей на бодрый подвигъ жизни,
Чтобъ я, на склонѣ лѣтъ, одинъ съ самимъ собой,
Отрады не искалъ въ тоскѣ и въ укоризнѣ;
И чтобъ меня, когда наступитъ смерти мгла,
Ты, примиреннаго съ тобою, приняла!

Поднялся вѣтерокъ, свѣжѣя понемногу;
Я вижу на горахъ вечернюю зарю,
И тѣни длинныя ложатся на дорогу...
Пора домой идти. Земля, благодарю!
Обязанъ я тебѣ, твоимъ осеннимъ чарамъ,
Что уходящій день прожитъ былъ мной не даромъ.

1878 г.
Тамъ же.

СНѢГЪ.

Ужъ видимо ко сну природу клонитъ
И осени кончается пора.
Глядя въ окно, какъ вѣтеръ тучи гонитъ,
Я нынче ждалъ зимы еще съ утра.

Неслись онѣ какъ сумрачныя мысли;
Потомъ, сгустясь, замедлили свой бѣгъ;
А къ вечеру, тяжелыя, нависли
И начали обильно сыпать снѣгъ.

И сумерки спуститься не успѣли,
Какъ все — въ снѣгу, куда ни поглядишь;
Покрылъ онъ садъ, повисъ на вѣтвяхъ ели,
Занесъ крыльцо и легъ по склонамъ крышъ.

Я снѣгу радъ, зимой здѣсь гость онъ рѣдкій;
Окрестность мнѣ не видится вдали,
За бѣлою, колеблющейся сѣткой,
Простертою отъ неба до земли.

Я на нее смотрѣлъ, пока стемнѣло;
И грезилось мнѣ живо, что за ней,
На мѣсто горъ, — подъ пеленою бѣлой
Родная гладь зимующихъ полей.

1878 г.
Тамъ же.

ЗИМНЕЕ ЧУВСТВО.

Хоть въ зимній часъ приходятъ дни съ востока,
А все еще природа хороша;
Она не спитъ безмолвно и глубоко,
Морозомъ въ ней не скована душа.

И листья лѣсъ не всѣ еще утратилъ,
И жизни шумъ не прекратился въ немъ;
По дереву стучитъ красивый дятелъ,
Въ кустахъ скворецъ шуршитъ сухимъ листомъ.

Но пусть зима приходитъ! Мнѣ пріятно,
Когда, летя, мнѣ снѣгъ туманитъ взоръ.
Люблю въ лугахъ бѣлѣющія пятна
И серебро залитыхъ солнцемъ горъ.

Пускай земли подъ снѣгомъ жизнь застынетъ,—
Мнѣ эта смерть природы не страшна;
Я знаю — срокъ оцѣпенѣнья минетъ,
И снова жизнь вдохнетъ въ нее весна.

117

Дожить бы мнѣ до праздника земного!
Тогда весны увижу красоту,
И бѣлизну долинъ увижу снова —
Но ужъ не снѣгъ, а яблони въ цвѣту.

1878 г.
Тамъ же.

* * *

О, жизнь! я вновь ее люблю,
И ею вновь любимъ взаимно...
Природы другъ, я въ ней ловлю
Всѣ звуки жизненнаго гимна;

Я исцѣленъ отъ слѣпоты,
Красу весны я вижу снова
И подмѣчаю всѣ черты
Ея стремленія живого.

На нивѣ колосъ ужъ высокъ,
Уже густа трава въ полянѣ;
Уже пчела и мотылекъ
Съ цвѣтовъ сбираютъ много дани;

Ужъ тѣнь даетъ зеленый лѣсъ
И, полонъ тайны, шепчетъ что-то;
Ужъ полдень пламенный съ небесъ
Все кроетъ знойной позолотой;

Съ душистой яблони уже
Долъ убѣленъ слетѣвшимъ цвѣтомъ...

Весна стоитъ на рубежѣ,
Гдѣ ждетъ ее сліянье съ лѣтомъ.

Бродить я вышелъ вдоль полей,
Весь впечатлѣньямъ преданъ внѣшнимъ;
Заботы всѣ души моей —
О настоящемъ и о здѣшнемъ.

Заботъ я этихъ не гоню,
Иныхъ пока не призываю, —
Весь преданъ солнечному дню,
Весь преданъ радостному маю!

Кровь льется въ жилахъ горячо;
Есть чувство бодрости и мощи;
Кукушка много лѣтъ еще
Сулитъ любезно мнѣ изъ рощи;

Привѣтъ мнѣ добрый шлютъ поля,
Подобный дружбы поцѣлую,
И вѣтерокъ, со мной шаля,
Мнѣ треплетъ бороду сѣдую...

О, жизнь! я ею вновь любимъ,
И вновь люблю ее взаимно...
Стихомъ участвую моимъ
Я въ хорѣ жизненнаго гимна.

1879 г.
Близъ Фрейбурга, въ Швейцаріи.

* * *

Грустно смотрю я на жизнь, какъ въ окно на ненастную осень...
Словно холодный туманъ, всю природу сокрывшій отъ взора,
Нравственной мглы пелена облекаетъ весь міръ нашъ духовный.
Разума яркое солнце не можетъ лучомъ благотворнымъ
Эту мглу пронизать и достигнуть до нашей юдоли.
Помню: когда-то просторъ разстилался красиво предъ нами;
Помню: виднѣлися намъ насъ зовущіе въ даль горизонты...
Нынѣ-жъ: взгляну ли вокругъ — ничего ни откуда не видно,
Кромѣ безжизненной, сѣрой, отвсюду нахлынувшей мути.
Жизни явленья застыли. Недвижны крылатыя мысли.
Сердце любить опасается. Зàмерло вѣщее слово...
Страшно подумать, что жизнью зовется подобіе смерти!
Жутко, въ себя заглянувъ, сознать, что однѣ за другими
Всѣ отлетѣли, поблекнувъ, живыя когда-то надежды,
Словно въ ненастную осень послѣдніе съ дерева листья!..

1879 г.

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ.

Изъ вольныхъ мысли сферъ къ намъ вѣтеръ потянулъ
Въ міръ душный чувствъ нѣмыхъ и думъ, объятыхъ тайной;
Въ честь слова на Руси, какъ колокола гулъ,
Пронесся къ торжеству призывъ необычайный.
И рады были мы увидѣть ликъ пѣвца,
Въ комъ духа русскаго живутъ краса и сила;
Великолѣпная фигура мертвеца
Насъ, жизнь влачащихъ, оживила.

Теперь узналъ я все, чтó тамъ произошло.
Хоть не было меня на праздникѣ народномъ,
Но сердцемъ былъ я съ тѣмъ, кто честно и свѣтло,
Кто рѣчью смѣлою и разумомъ свободнымъ
Поэту памятникъ почтилъ въ стѣнахъ Москвы;
И пусть бы онъ въ толпѣ хвалы не вызвалъ шумной,
Лишь былъ привѣта бы достоинъ этой умной,
Къ нему склоненной головы.

Но конченъ праздникъ... Что-жъ! гость пушкинскаго пира
Въ грязь жизни нашей вновь ужель сойти готовъ?
Мнѣ дѣло не до нихъ, дѣтей суровыхъ міра,
Сказавшихъ напрямикъ, что имъ не до стиховъ,

Пока есть на землѣ бѣднякъ, просящій хлѣба.
Такъ пахарь-труженикъ, желающій дождя,
Не станетъ пѣть, въ пыли за плугомъ вслѣдъ идя,
Красу безоблачнаго неба.

Я спрашиваю васъ, цѣнители искусствъ:
Откройтесь же и вы, какъ тѣ, безъ отговорокъ.
Вотъ ты хоть, напримѣръ, отборныхъ полный чувствъ,
Въ комъ тонкій вкусъ развитъ, кому такъ Пушкинъ дорогъ;
Ты, въ комъ рождаютъ пылъ возвышенной мечты
Стихи и музыка, статуя и картина, —
Но до сѣдыхъ волосъ лишь въ чести гражданина
Не усмотрѣвшій красоты.

Или вотъ ты еще... Но васъ теперь такъ много,
Насъ поучающихъ прекрасному писакъ!
Вы совѣсть, родину, науку, власть и Бога
Кладете подъ перо и пишете вы такъ,
Какъ удержалъ бы стыдъ писать порою прошлой...
Но нашъ читатель добръ; онъ ужъ давно привыкъ,
Чтобы языкъ родной, чтобъ Пушкина языкъ
Звучалъ такъ подло и такъ пошло.

Вы всѣ, въ комъ такъ любовь къ отечеству сильна,
Любовь, которая все лучшее въ немъ губитъ, —
И хочется сказать, что въ наши времена
Тотъ — честный человѣкъ, кто родину не любитъ.
И ты особенно, кѣмъ дышетъ клевета,
И чья такая-жъ роль въ событьяхъ свѣтлыхъ міра,
Какъ рядомъ съ дѣйствіемъ высокимъ у Шекспира
Роль злая мрачнаго шута...

О, докажите же, разсѣявъ всѣ сомнѣнья,
Что славный тризны день въ васъ вызвалъ честь и стыдъ!

И смолкнутъ голоса укора и презрѣнья,
И будетъ старый грѣхъ отпущенъ и забытъ...
Но если низкая еще васъ гложетъ злоба,
И мигъ раскаянья исчезнулъ безъ слѣда,—
Пусть васъ народная преслѣдуетъ вражда,
Вражда безъ устали до гроба!

1880 г.
Близъ Фрейбурга, въ Швейцаріи.

ВЪ ТЕАТРѢ.

—•—

О, добрый Моцартъ!.. Фигаро,
Сусанна, пажъ, графъ Альмавива...
Какъ это мило и старó!
Какъ старину я вспомнилъ живо!

Теперь меня плѣняютъ вновь,
Какъ въ пору чувствъ и мыслей юныхъ,
Въ напѣвахъ нѣжная любовь
И музыкальный юморъ въ струнахъ.

Все тотъ же я почти совсѣмъ;
И живъ покуда, слава Богу...
А вѣдь другіе, между тѣмъ,
Все исчезали понемногу.

Всѣ тѣ, кого злой рокъ унесъ,
Передо мной какъ бы воскресли;
И вотъ — о смерти привелось
Мнѣ думать въ театральномъ креслѣ.

Опять поютъ любви мольбу,
Опять звучитъ въ оркестрѣ шутка...
Но отъ молчанія въ гробу
Мнѣ стало холодно и жутко.

1882 г.
Франкфуртъ-н.-М.

3.

Воля.

О, наши прежнія затѣи!!
О, волей грезившіе дни!..
Хоть были и тогда лакеи, —
Но подъ шитьемъ своей ливреи
По ней вздыхали и они!..

4.

Изъ современныхъ типовъ.

Все въ немъ двусмысленно, невѣрно, непонятно.
Съ плодомъ сомнительнымъ сравненъ онъ можетъ быть:
Посмотришь, повертишь, рѣшишься раскусить,
И думаешь: а ну, какъ выплюну обратно?

5.

Послѣ чтенія газетъ.

Надъ міромъ туча все виситъ...
Чѣмъ это кончится — Богъ знаетъ!
И разразиться не грозитъ,
И разойтись не обѣщаетъ.

6.

Въ насмѣшку и въ позоръ моей родной земли,
Такъ нѣкогда сказалъ нашъ врагъ иноплеменный:
«Лишь внѣшность русскаго немножко поскобли:
Подъ ней — татаринъ непремѣнно».

Теперь проявимся мы въ образѣ иномъ.
Такъ отатарить насъ «народниковъ» дружина,
Что сколько ни скреби татарина потомъ, —
Не доскребешь до славянина.

7.

Философія червяка.

Впередъ я двигаюсь безъ фальши;
Ползну, отмѣряю, и — дальше.
Живу смиренно здѣсь внизу;
Но все куда-нибудь ползу,
И доползти всегда въ надеждѣ, —
Коль не раздавленъ буду прежде.

8.

Идетъ трагедія. Набрали безъ разбора
Актеровъ съ улицы. Своихъ ролей никто
Впередъ не вытвердилъ. Всѣ смотрятъ на суфлера.
Суфлеръ или молчитъ, иль говоритъ не то.
По сценѣ мечется толпа въ переполохѣ.
То невпопадъ кричитъ, то шепчетъ лицедѣй...
Довольно!.. Оттого душѣ не веселѣй,
Что драму мрачную играютъ скоморохи.

1883 г.

* * *

Мгновенія мимо,
Какъ вихри, летятъ въ пустоту;
И старость, по жизни тоскою томима;
Считаетъ ихъ жадно, цѣпляясь за нихъ налету.

1883 г.

* * *

Ранней осени подарокъ —
Голубой, прозрачный день...
Полдень блещущій не жарокъ;
Не нужна густая тѣнь.

Близъ пути, подъ дикой грушей,
На травѣ скамья стоитъ;
«Сядь сюда! Смотри да слушай!»
Мнѣ какъ будто говоритъ.

Сѣлъ. Смотрю кругомъ и внемлю.
Долго, кажется, сижу...
То на небо, то на землю
Съ благодарностью гляжу.

Нѣтъ болтливаго народу...
Тишина... Лишь мошекъ рой
Все про ясную погоду
Распѣваетъ надо мной...

1883 г.
Близъ Цюриха.

* * *

Лишь вступитъ жизнь въ такую пору,
Когда конецъ все ближе къ ней, —
Былое умственному взору,
Представши, видится яснѣй.

И какъ страстей шумѣла буря,
И какъ боролась съ правдой ложь, —
Сѣдую голову понуря,
Припомнишь все — и все поймешь.

На прожитое взглянешь прямо,
То съ краской счастья, то стыда;
И предъ тобой, какъ панорама,
Проходятъ дальніе года...

Такъ поздней осенью, порою,
Когда летитъ увядшій листъ,
И, разрѣженъ отъ мглы и зною,
Спокойный воздухъ свѣжъ и чистъ,

Въ часы, когда ужъ солнце низко, —
На озаренной имъ землѣ
Даль подступаетъ къ намъ такъ близко,
Такъ ясно все, что̀ было въ мглѣ.

1883 г.
Тамъ же.

ДѢТИ УѢХАЛИ.

И нѣтъ ихъ здѣсь; и небо сѣро;
И вѣетъ грустью тишина;
И въ силу жизни гаснетъ вѣра,
Которой грудь была полна;

И, подъ напоромъ страховъ мнимыхъ,
Я плакать, кажется, готовъ,
Не видя личиковъ любимыхъ,
Родныхъ не слыша голосовъ.

1883 г.
Тамъ же.

* * *

Süsses Leben! schöne, freundliche
Gewohnheit des Daseyns.
Гете («Эгмонтъ»).

О томъ, какъ насъ судьба влечетъ къ бѣдѣ и къ худу,
Я въ одиночествѣ, случается, забуду.
Тогда, возрадуясь, поетъ во мнѣ душа:
«А міръ-то Божій милъ! А жизнь вѣдь хороша!»
Сегодня выдалась подобная минута.
Сижу, смотрю въ окно и радуюсь чему-то.
Чему же?.. Такъ отъ глазъ въ туманѣ скрылась даль,
Что различить ее нельзя, какъ ихъ ни пяль.
Вблизи же вижу я, что вѣтреною шуткой
Совсѣмъ измучила погода флюгеръ чуткой:
Дастъ изрѣдка ему спокойно постоять,
И тотчасъ примется вертѣть его опять.
Деревья мечутся, и листья, ниспадая,
Летаютъ по вѣтру, какъ желтыхъ птичекъ стая;
И, словно изъ большихъ висящихъ съ неба ситъ,
На землю мокрую дождь мелкій моросить.
Исчислилъ, кажется, я все, что́ видно взору,
А слышу: звукъ шаговъ порой по корридору;
За садомъ пастуха гортанный къ стаду зовъ;

Да колокольчики пасущихся коровъ;
Да въ стекла, безъ того ужъ влажныя отъ стужи,
Вдругъ броситъ брызгами, какъ бисеромъ, снаружи;
И можно заключить, по шалости дождя,
Какъ вѣтеръ повернулъ, на флюгеръ не глядя...
Вотъ — все. Нѣтъ, позабылъ еще условій пару:
Пью кофе и курю изъ Гамбурга сигару.
И больше данныхъ нѣтъ для счастья моего.
А все же радостно на сердцѣ!.. Отчего?
Недугъ тѣлесный мой, какъ врагъ уставшій, дремлетъ;
А бодрый разумъ бдитъ, а сердце чутко внемлетъ,—
Такъ не поэтому-ль со страстью преданъ я,
Какъ Эгмонтъ, сладостной привычкѣ бытія?

1883 г.
Тамъ же.

ОТГОЛОСОКЪ

ПЯТНАДЦАТОЙ ПРЕЛЮДІИ ШОПЕНА.

(Посвящается Ольгѣ Алексѣевнѣ Жемчужниковой).

Мнѣ больно!.. Рвется стонъ изъ груди;
Ручьями слезы льютъ невольно;
И хочется, чтобъ знали люди,
Какъ на душѣ мнѣ больно, больно.

Мнѣ больно!.. Боль невыносима...
Кто-жъ скажетъ ей: не мучь, довольно!?
Никто!.. Толпа проходитъ мимо,
Не слыша криковъ, какъ мнѣ больно.

Мнѣ больно!.. Вопль не достигаетъ
И до небесъ о скорби дольной...
И, оборвавшись, замираетъ,
Никѣмъ не понятъ, какъ мнѣ больно.

1883 г.

В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

О, другъ ты мой,— какъ сердца струны
Всѣ задрожали, всѣ звучатъ!..
И лѣтъ минувшихъ призракъ юный
Манящій издали назадъ;
И призракъ старости жестокой,
Впередъ торопящій меня,
Туда, къ той грани недалекой,
Гдѣ нѣтъ ужъ завтрашняго дня;
И тѣхъ судьба, кто сердцу милы,
Кому чередъ пожить теперь;
И молчаливыя могилы —
Моихъ владѣтели потерь...
Какъ бы смычкомъ, порой такъ больно,
Вся жизнь по сердцу поведетъ, —
И сердце бѣдное невольно
Подъ нимъ и плачетъ, и поетъ.

1883 г.

НОЧЬЮ.

Тамъ, гдѣ городъ, вдали засвѣтились огни,
Словно зорко глядящія очи;
Но окрестность темна, и лишь явнѣй они
Говорятъ о присутствіи ночи...

Такъ со мракомъ въ борьбѣ, о, благіе умы,
Вѣчно бдите вы, ярко сверкая;
И виднѣй вы во тьмѣ, — но изъ умственной тьмы
Не выходитъ громада людская.

1884 г.
Schloss Himmel, близъ Вѣны.

Я опоздалъ къ порѣ весенней,
Къ мольбамъ любовнымъ соловья,
Когда онъ въ хорѣ пѣснопѣній,
Поетъ звучнѣй и вдохновеннѣй,
Чѣмъ вся пернатая семья...

О, этотъ видъ! О, эти звуки!
О, край родной, какъ ты мнѣ милъ!
Отъ долговременной разлуки,
Какія радости и муки
Въ моей душѣ ты пробудилъ!..

Твоя природа такъ прелестна;
Она такъ скромно-хороша!
Но намъ, сынамъ твоимъ, извѣстно,
Какъ на твоемъ просторѣ тѣсно
И въ узахъ мучится душа...

О, край ты мой! Чтò-жъ это значитъ,
Что никакой другой народъ
Такъ не тоскуетъ и не плачетъ,
Такъ дара жизни не клянетъ?

Шумятъ лѣса свободнымъ шумомъ,
Играютъ птицы... О, зачѣмъ
Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ
И человѣкъ угрюмъ и нѣмъ?

Понятны мнѣ его недуги
И страсть — всѣ радости свои,
На утомительномъ досугѣ,
Искать въ бреду и въ забытьи.

Онъ дорожитъ своей находкой,
И лишь начнетъ сосать тоска —

Ужъ потянулась къ штофу съ водкой
Его дрожащая рука.

За преступленья и пороки
Его винить я не хочу.
Чуть освѣтитъ онъ мракъ глубокій,
Какъ буйнымъ вихремъ рокъ жестокій
Задуетъ разума свѣчу...

Но тѣ мнѣ, Русь, противны люди,
Тѣ изъ твоихъ отборныхъ чадъ,
Чтò, колотя въ пустыя груди,
Все о любви къ тебѣ кричатъ.

Противно въ нихъ соединенье
Гордыни съ низостью въ борьбѣ,
И къ русскимъ гражданамъ презрѣнье
Съ подобострастіемъ къ тебѣ.

Противны затхлость ихъ понятій,
Шумиха фразы налету,
И видъ ихъ пламенныхъ объятій,
Всегда простертыхъ въ пустоту.

И отвращенія, и злобы
Исполненъ къ нимъ я съ давнихъ лѣтъ.
Они — «повапленные» грòбы...
Лишь настоящее прошло бы,
А тамъ — имъ будущаго нѣтъ...

1884 г.
Рунторгъ (имѣніе моей сестры А. М. Арцимовичъ, въ Витебской губерніи).

* * *

Когда вступаешь въ тѣ года,
Къ которымъ близокъ годъ послѣдній,
И ужъ исчезли безъ слѣда
Всѣ пылкой молодости бредни;

И не даютъ уже отрадъ
Краснорѣчивые обманы, —
А между тѣмъ болятъ, болятъ
Въ еще живучемъ сердцѣ раны;

Когда погасли всѣ лучи
Надеждъ завѣтныхъ и, печаленъ,
Ты бродишь будто бы въ ночи
Межъ дорогихъ тебѣ развалинъ; —

О, какъ стихаетъ гнетъ тоски
Среди измѣнъ, среди крушенья,
При видѣ — ковнямъ вопреки —
Добру упорнаго служенья!

Двадцатилѣтнему труду
Развитья родины и знанья

Я въ сердцѣ горестномъ найду
Привѣтъ и свѣтлыя желанья.

Законность, правосудье, честь
И вольности святое пламя...
Вѣдь кто несетъ такое знамя,
Тотъ обреченъ и крестъ свой несть.

1885 г.
Петербургъ.

СЕЛЬСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И КАРТИНКИ.

1.

Въ вагонѣ за Москвою.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмомъ тихихъ ангеловъ хранимый!
Только-что простившись съ жизнью городскою,
Я одинъ остался, окруженъ тобою,
И ужъ грузъ душевный—страхи и тревоги—
Побросалъ за окна вдоль моей дороги.
Думы, мои думы также по-неволѣ
То плутаютъ въ рощахъ, то гуляютъ въ полѣ;
А теперь умчались къ крайнимъ тѣмъ полянамъ,
Гдѣ садится солнце въ заревѣ румяномъ.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмомъ тихихъ ангеловъ хранимый!
Прелестью безмолвной, жизнію безлюдной
Ты цѣлишь иль губишь? распознать мнѣ трудно.
Ласкою ли нѣжной прочь кручину гонишь?
Къ сонному-ль покою умъ и совѣсть клонишь?..

Грёзы роемъ легкимъ вьются надо мною,
Словно опьяненъ я брагою хмельною.
Вотъ и сумракъ сходитъ, въ воздухѣ прохлада...
Ни о чемъ не мыслю, ничего не надо.

1886 г.

2.

Ракиты на большой дорогѣ.

Нѣтъ; сердце, значитъ, не остыло,
Не загрубѣлъ съ лѣтами вкусъ!
На то, что̀ прежде было мило,
Я и теперь не нагляжусь.
Меня плѣняетъ особливо
Своеобразный этотъ видъ
Дороги грустно молчаливой
Съ ея аллеями ракитъ.
Я ихъ разгадываю думу,
Когда подъ тѣнью ихъ иду;
И съ ними самъ, въ отвѣтъ ихъ шуму,
Бесѣды долгія веду.
Онѣ, вѣтвисты и могучи,
Про старину мнѣ говорятъ;
Про вихри, грозовыя тучи,
Снѣга, метель, морозъ трескучій
И дней счастливыхъ длинный рядъ.
Но вотъ сухія двѣ ракиты
Лежатъ въ изнеможеньи силъ...
Не бурей злой онѣ убиты, —
Злой человѣкъ ихъ погубилъ.
Онѣ сломились и вѣтвями,
Какъ будто крѣпкими руками,

Упавъ, о землю оперлись;
И, распростившись съ небесами,
Съ тѣхъ поръ печально смотрятъ внизъ.
Но смерть ракиты вѣковыя
Со свѣта выжить не могла:
Пошли побѣги молодые
Отъ расщепленнаго ствола.
О, какъ предъ смертію безсильной
Я за мои ракиты радъ!
И мнится мнѣ: глядя умильно,
И эти также говорятъ;
Мнѣ говорятъ, являя обѣ
Дупло прожженное внутри:
«Наперекоръ жестокой злобѣ,
Мы все живемъ еще, смотри!»
Бѣдняги! На меня похожи.
Имъ лучше медленно хирѣть,
Лишь только-бъ свѣтъ имъ видѣть Божій,
Лишь-бы попозже умереть.

1886 г.

3.

Прогулка по большой дорогѣ.

Иду давно — и предъ глазами
Дороги тотъ же все просторъ;
Все тотъ же, съ пестрыми цвѣтами,
Зеленый стелется коверъ.

Здѣсь рѣдко люди проѣзжаютъ;
Почти-что некому пройти;
И только бабочки летаютъ
Вдоль по широкому пути.

И тишина зато какая!
Какъ будто съ тѣмъ проложена
Была дорога, чтобъ нѣмая
Здѣсь воцарилась тишина.

Шумятъ лишь ласково деревья
Да мнѣ доноситъ вѣтерокъ
При стадѣ мальчика со жневья
Поющій пѣсню голосокъ.

Сравнить покой мнѣ этотъ нé съ чѣмъ,
Какъ съ тихой грёзой въ сладкомъ снѣ;
Лишь воронъ разъ ее при мнѣ
Нарушилъ карканьемъ зловѣщимъ.

1886 г.

4.

Отдыхъ при дорогѣ.

На муравѣ присѣвъ кудрявой,
Я въ одиночествѣ счастливъ;
И все любуюсь — то направо
Сребристой гладью сжатыхъ нивъ;

То милымъ зрѣлищемъ налѣво,
Какъ нѣжной зеленью взошли
Ростки озимаго посѣва
На черномъ бархатѣ земли.

Смотрю, какъ тучки въ небѣ таютъ;
Какъ тѣни ихъ, при блескѣ дня,

Окрестность дымкой застилаютъ —
И будто меркнутъ зеленя;

Иль какъ несутся тѣни эти
За горизонтъ поверхъ полей...
Чтб проще можетъ быть на свѣтѣ
И чтò же можетъ быть милѣй?..

1886 г.

5.

Бѣшеная собака.

Я лѣтомъ посѣтилъ не мало деревень,
Гдѣ слышать мнѣ пришлось, едва-ль не каждый день
О грозномъ бѣдствіи въ быту крестьянъ убогомъ
Отъ бѣшеныхъ собакъ, бродящихъ по дорогамъ.
Такую видѣлъ я собаку самъ вблизи.
На встрѣчу мнѣ она, худая, вся въ грязи,
Шла, пробираяся по кочкамъ поля топкимъ,
Съ опущеннымъ хвостомъ, со взглядомъ злобно-робкимъ,
Слѣдящимъ, какъ шпіонъ разгаданный, за мной
И съ длинной до земли, тягучею слюной.
Я, въ сторону свернувъ, ей уступилъ дорогу
И съ нею безъ бѣды разстался, слава Богу.
Межъ тѣмъ она мой умъ — опасность чуть прошла —
На любопытное сближенье навела.
Не стану разбирать, счастливо ли и кстати-ль —
Мнѣ вспомнился одинъ нашъ публицистъ писатель.
А разъ онъ вспомнился, то ясно почему. —
Едва лишь только мысль представится уму
О псахъ, блюющихъ смерть изъ пастей ядовитыхъ, —
И рядъ его статей я вспомню знаменитыхъ.

1886 г.

6.

Темень.

Подъ безлуннымъ небомъ, тучами покрытымъ,
По межамъ заросшимъ, колеямъ изрытымъ,
Ѣду, но не вижу: полемъ иль оврагомъ,
Съ бубенцами тройкой въ тарантасѣ шагомъ.
Черная дорога; вороные кони;
Всѣ предметы черны; всѣ на черномъ фонѣ.
Только видны пятна — да и тѣхъ немного —
При дорогѣ самой иль копёнъ, иль стóга;
Да порой, взобравшись на бугоръ открытый,
Встрѣтишь очертанье сироты-ракиты...
Слышу: гдѣ-то ѣдутъ; близокъ звукъ рессорный;
Ничего не вижу, кромѣ ночи черной.
Съ кѣмъ-то на распутьи мы, не безъ испуга,
Съѣхавшись, разстались, не видавъ другъ друга.
Черной ночи царство, царство чернозема...
Огонекъ бы видѣть! Быть скорѣй бы дома!

1886 г.

7.

Осенній дождь въ деревнѣ.

Прозрачныхъ дней прошла пора
И туча сѣрая нависла.
Льетъ дождь осенній тихо, кисло, —
Не лѣтній дождь, какъ изъ ведра.
Ужъ третьи сутки льетъ исправно;
Знать, зарядилъ онъ, не шутя;
И ропщутъ всѣ на дождь, хотя

«Дождь даждь!» молились всѣ недавно.
Здѣсь я — хозяинъ. Какъ же быть,
Чтобъ не порвать съ хозяйствомъ связи,
Когда и по двору ходить
Нельзя по этой страшной грязи?..
И я по комнатамъ хожу.
Потомъ, у оконъ долго стоя,
Сперва въ одно, затѣмъ въ другое
Съ тоской покорною гляжу;
Но рѣдко что-нибудь увижу...
Вотъ Марья-скотница спѣшитъ,
Мокая храбро лапти въ жижу.
А вотъ милѣй, пожалуй, видъ:
Съ перилъ балкона мокрыхъ галка
Однимъ глазкомъ за мной слѣдитъ;
Да улетѣла скоро... Жалко!
И нѣтъ живой души опять.
Вдали — во мглѣ — пустая гладь;
А возлѣ — садъ подъ сѣрой тучей.
Лишь къ вечеру судьба послать
Мнѣ вздумала счастливый случай:
Вдругъ вижу въ цвѣтникѣ телятъ!
Я, какъ хозяинъ, разсердился,
Велѣлъ согнать, и очень радъ,
Что чѣмъ-нибудь распорядился.
Скорѣй бы этотъ день прошелъ!..
А завтра что́ мнѣ дѣлать?.. Боже!
Ужель и завтра — снова то же?..
Межъ тѣмъ накрыли мнѣ на столъ.
И, выпивъ водки, у закуски
Я, по-хозяйски и по-русски,
Придумалъ такъ: велю Петру,
Чтобъ завтра ѣхалъ поутру, —
Лишь только я съ постели встану, —

Верхомъ въ село къ отцу Ивану
Сказать, что такъ какъ на гумнѣ
Мѣшаетъ дождь его занятьямъ,
То я прошу его ко мнѣ:
Служить молебенъ съ водосвятьемъ.

1886 г.

8.

По поводу дождя и снѣга.

Сегодня снѣгъ примчали облака.
Ужъ звѣздами онъ пó вѣтру летаетъ.
Усадьбу всю запорошивъ слегка,
Онъ на травѣ застынувшей не таетъ;
И хоть къ полудню близко, но пока
Ночной морозъ еще не отпускаетъ;
И, въ жесткіе комки преобразясь,
Вчерашняя совсѣмъ исчезла грязь.

Я первый снѣгъ, любимый мной измлада,
Встрѣчалъ всегда и нѣжно, и добро;
Но думать вамъ, читатель мой, не надо,
Что я теперь затѣмъ беру перо,
Чтобъ воспѣвать и легкій снѣгъ, и сада
Одѣтыя деревья въ серебро.
Про снѣгъ довольно. И притомъ едва ли
Дни осени дождливой миновали.

Мнѣ хочется повѣдать вамъ мой страхъ,
Что, можетъ быть, увлекъ я васъ обманомъ,
Дня три тому задумавши въ стихахъ
Упреки слать за мглу сырымъ туманамъ

И рѣчь вести съ досадой о дождяхъ.
Хозяевамъ уподобляясь рьянымъ,
Я лишь вошелъ въ ихъ роль, когда дожди
Имъ говорятъ, дразня ихъ: подожди!

Моя душа, напротивъ, наслаждалась
Въ сообществѣ осенняго дождя.
Я былъ совсѣмъ одинъ и мнѣ писалось.
Хоть слабое, а все-таки дитя
На свѣтъ моею музой зарождалось.
И хорошо мнѣ было! Не шутя,
Однѣ лишь эти радости не мнимы.
Творить и наслаждаться — синонимы.

Дни ясные-ль еще ко мнѣ придутъ,
И озарятъ весь видъ вдали и возлѣ;
Осенніе-ль дожди опять польютъ;
Поля и садъ посеребритъ морозъ ли, —
Все будетъ милъ мнѣ тихій мой пріютъ.
И помяну признательно я послѣ,
Среди суетъ и праздной болтовни,
Въ безмолвіи прожитые тамъ дни.

1886 г.

9.

Зима идетъ.

Средь ночи бурной и ненастной,
Когда гудѣлъ со всѣхъ сторонъ
Осенній вѣтеръ, я напрасно
На помощь звалъ безмолвный сонъ.

Притомъ же, близъ меня, нерѣдко
Съ двора, гдѣ было такъ темно,
Сухой постукивала вѣткой
Сирень тревожная въ окно.

Мнѣ было жутко и печально...
Однако все же я заснулъ;
И нынче радостно изъ спальной
Въ окно веселое взглянулъ.

Кругомъ вездѣ — свѣтло и бѣло!
А было грязно такъ вчера.
Съ покровомъ чистымъ подоспѣла
Зимы опрятная пора.

Весь сельскій бытъ, съ явленьемъ снѣга,
Вдругъ измѣнился тамъ и тутъ...
Въ сарай ужъ вдвинута телѣга;
Зерно въ амбаръ въ саняхъ везутъ.

Привѣтъ зимѣ у всѣхъ на лицахъ;
Вчерашней скуки нѣтъ ни въ комъ;
Всѣмъ веселѣе въ рукавицахъ
И въ полушубкѣ съ кушакомъ.

Самъ одѣваюсь я поспѣшнѣй
И на дорогу выхожу:
Скорѣй на видъ природы здѣшней
Въ уборѣ снѣжномъ погляжу.

Зима идетъ, морозомъ вѣя...
И я, какъ всѣ, ей тоже радъ;
И воробьи еще рѣзвѣе
Въ кустахъ, чирикая, шуршатъ.

Гостепріимный запахъ дыма
Изъ трубъ доносится ко мнѣ;
Роняя снѣгъ, проходятъ мимо
Подъ солнцемъ тучки въ тишинѣ.

Какъ тихо тамъ въ дубовой рощѣ!
Какъ въ чистомъ воздухѣ свѣжо!
Что можетъ быть на свѣтѣ проще,
И какъ все это хорошо!

1886 г.
Павловка.

10.

Отъѣздъ изъ деревни.

На колесахъ ѣхалъ. Снѣгъ недавній стаялъ.
Я дорогъ подобныхъ никогда не чаялъ.
Земскія дороги... Ихъ ремонтъ не дорогъ.
Я съ утра до ночи одолѣлъ верстъ сорокъ.
Тщетно пѣшехода догоняла тройка,
Хоть и онъ по грязи двигался не бойко.
Пылъ воображенья и картинность въ слогѣ
Передать безсильны земскія дороги.
А при самомъ въѣздѣ въ городъ нашъ уѣздный
Чуть-что не былъ грязной поглощенъ я бездной;
И когда, разбитый, я ввалился въ номеръ,
Очень былъ доволенъ, что еще не померъ.
Но желанье тутъ же овладѣло мною
Тотъ же путь проѣхать будущей весною.
Чтобъ пожить въ деревнѣ, вынесть я способенъ
Даже пытку земскихъ рытвинъ и колдобинъ.

1886 г.
Москва.

НА ЛИТЕРАТУРНОЙ ПИРУШКѢ.

Сердце! Жить мнѣ трудно стало.
Чтò мнѣ дѣлать? Ахъ, отвѣть!
И мнѣ сердце отвѣчало:
Надо чаще — пить и пѣть.

Ну, а разумъ! Ты вѣдь свѣтелъ;
Просвѣти-ка, не обидь!
И мнѣ разумъ мой отвѣтилъ:
Хорошо бы — пѣть и пить.

Оба такъ они рѣшили.
Значитъ, какъ тутъ ни вертѣть,
Остается только: или —
Пѣть и пить, иль пить и пѣть.

1886 г.
Петербургъ.

ДВА ГРѢХОВОДНИКА.

Когда я слышу и читаю,
Съ чѣмъ, за послѣднiй рядъ годинъ,
Идетъ на зовъ къ родному краю
Нашъ одичалый гражданинъ;
Чтò изъ былого имъ забыто;
Чтò сохранить бы онъ желалъ;
Какой общественнаго быта
Имъ возлелѣянъ идеалъ; —
Тогда, ему противорѣча,
Моя душа возмущена —
И вспоминается одна
Мнѣ живо уличная встрѣча.
О, еслибъ мой разсказъ о ней
Могъ быть урокомъ и уликой!

Широкой масляницы дней
Смѣнилъ безумство постъ великiй.
Церковный благовѣстъ пресѣкъ
Тотъ пиръ, чтó дни и ночи длился,
И въ кабакѣ перекрестился
Скотоподобный человѣкъ.

Онъ одуренъ хмельнымъ угаромъ,
Но ужъ внимаетъ въ смутномъ снѣ,
И улицъ трезвой тишинѣ,
И мѣрнымъ въ колоколъ ударамъ.
Пора замаливать свой грѣхъ!
Тому, кто ищетъ въ буйствѣ пьяномъ
Душѣ скучающей утѣхъ;
Кто на землѣ живетъ обманомъ;
Кто сердцемъ золъ и горделивъ;
Кто волей слабъ, кто духомъ боленъ
И всѣмъ намъ грѣшнымъ съ колоколенъ
Звучитъ задумчивый призывъ.
Я шелъ близъ церкви. Двери входа
Открыты были въ этотъ часъ,
И много всякаго народа
Входило, набожно крестясь.
И натолкнулся я невольно
На одного изъ тѣхъ гулякъ,
Которымъ позывъ богомольный
Помогъ забыть родной кабакъ.
Сюда явясь оттуда прямо,
Хотѣлъ и онъ войти, но вотъ —
Остановясь въ преддверьѣ храма,
Застылъ, не двигаясь впередъ...
Тамъ дымъ кадила благовонный
Волнами ходитъ вверхъ и внизъ;
Тамъ смотрятъ на людей иконы
Изъ золотыхъ вѣнцовъ и ризъ;
Тамъ ангелы и херувимы
Глядятъ изъ купола на нихъ;
Тамъ силъ небесныхъ сонмъ незримый
Въ мольбахъ участвуетъ людскихъ!..
Хоть, правда, входъ во храмъ священный
И бѣднякамъ открытъ, но тамъ

Всѣ люди чисты, всѣ степенны
И свѣчи ставятъ къ образамъ;
А онъ бы нищенкѣ сосѣдней
Не смѣлъ похлопать по плечу,
Чтобъ чрезъ нее, на грошъ послѣдній,
Послать Спасителю свѣчу.
Въ одномъ, безъ пуговицъ, «пенджакѣ»
Съ висящей спереди полой,
Оторванной въ кабачной дракѣ;
Въ штанахъ дырявыхъ съ бахромой;
Въ калошахъ на босую ногу,
Въ которыхъ онъ прибрелъ, скользя...
Хоть такъ молиться можно Богу,
Но только стоя у порогу;
Такъ въ Божій домъ войти нельзя!
А про лицо, про образъ Божій,
Какъ и подумать безъ стыда?
Съ такой подбитой, пьяной рожей
Не входятъ въ церковь никогда...
И онъ, бѣднякъ, дрожа отъ стужи,
На томъ же мѣстѣ все стоитъ;
Все въ дверь стеклянную, снаружи
За службой тщательно слѣдитъ.
Дойдетъ ли возгласъ іерея,
Раздастся-ль пѣвчихъ стройный хоръ, —
Его все глубже, все больнѣе
Тревожитъ совѣсти укоръ.
Но, не ища себѣ покою,
Межъ тѣмъ какъ бьетъ его ознобъ,
Усердно грязною рукою
Онъ креститъ свой разбитый лобъ...

Съ моимъ гулякою, пожалуй,
Удобно можетъ быть сравненъ

Тотъ гражданинъ нашъ одичалый,
Сынъ блудный нынѣшнихъ временъ; —
Но не съ молившимся у храма;
Не въ день возмездья; не тогда,
Какъ, чуя гнетъ грѣховъ и срама,
Весь изнывалъ онъ отъ стыда.
О, торжествующій межъ нами,
Покрытъ и срамомъ, и грѣхами,
Нашъ современникъ не таковъ!
Онъ, гордо лобъ закинувъ мѣдный,
Предъ алтаремъ отчизны бѣдной
Священнодѣйствовать готовъ.

1886 г.
Петербургъ.

* * *

Какъ будто все всѣмъ надоѣло.
Застыли чувства; умъ зачахъ;
Ни въ чемъ, нигдѣ — живого дѣла,
И лишь по горло всѣ въ дѣлахъ.

Средь современности безцвѣтной
Вступили въ связь добро и зло;
И равнодушье незамѣтно,
Какъ ночь, насъ всѣхъ заволокло.

Намъ жизнь не скорбь и не утѣха;
Въ нее нашъ вѣкъ лишь скуку внесъ;
Нѣтъ въ этой пошлой шуткѣ — смѣха;
Нѣтъ въ этой жёсткой драмѣ — слезъ.

Порой, какъ силъ подземныхъ взрывы,
Насъ вѣсть бѣды всколышетъ вдругъ, —
И бытъ безпечный и лѣнивый
Охватятъ ужасъ и испугъ.

Иль вдругъ родится мысль больная,
Что людямъ надобна война, —

И рвемся мы къ войнѣ, не зная
Ни почему, ни съ кѣмъ она.

Но чуть лишь мы, затишью вѣря,
Отъ передряги отдохнемъ,
Какъ страхъ и злая похоть звѣря
Ужъ въ насъ смѣнились прежнимъ сномъ.

И вновь, унылой мглой одѣты,
Дни скучной тянутся чредой,
Какъ похоронныя кареты
За гробомъ улицей пустой.

1887 г.
Петербургъ.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Зиму жизни озаряетъ
Отблескъ вешній. То, что̀ было,
Юность намъ напоминаетъ;
Потому оно и мило.

Мнѣ седьмой идетъ десятокъ;
Свой романъ я кончу скоро.
Въ немъ не мало опечатокъ
И умышленнаго вздора;

Но я, путь свершая жизни,
Много слышалъ, много видѣлъ;
Много я въ моей отчизнѣ
И любилъ, и ненавидѣлъ.

Живы всѣ воспоминанья!
Вижу въ прошломъ, будто нынѣ,
Пробужденье въ насъ сознанья —
Словно выходъ изъ пустыни.

Сколько въ высь и въ ширь стремленій!
Но задержекъ сколько вмѣстѣ!..

Все же болѣй или менѣй
Не стояли мы на мѣстѣ.

Наконецъ пора приспѣла:
Мы прославились на дѣлѣ,
И въ лицо Европѣ смѣло,
Какъ роднѣ своей, глядѣли.

Но эпохи этой славной
Все вспомянутое мною
Было собственно недавно;
Нынче-жъ вѣетъ стариною.

Мы, шагнувъ еще немножко,
Къ временамъ вернемся давнимъ.
Европейское окошко
Закрывается ужъ ставнемъ.

Ржа доспѣховъ, пыль архива
Въ жизни внутренней и внѣшней;
Звукъ стариннаго мотива;
Утро жизни; отблескъ вешній...

Такъ все нынче повторяетъ
Что́ давно ужъ съ нами было,
Юность такъ напоминаетъ, —
Что должно быть очень мило!

1887 г.
Петербургъ.

СТОЛКОВАЛИСЬ.

КОНСЕРВАТОРЪ.

Вѣдь умъ — гордецъ и забіяка!
Будь по природѣ онъ слугой —
И разговоръ бы былъ другой!
Не такъ ли?

ЛИБЕРАЛЪ.

Да; но все-жъ однако...

КОНСЕРВАТОРЪ—*перебивая.*

Его замкнуть бы въ тѣсный кругъ
Рукою властною полезно.
Такъ прыть коня уздой желѣзной
Мы умѣряемъ.

ЛИБЕРАЛЪ.

Ну, а вдругъ?..

КОНСЕРВАТОРЪ—*перебивая.*

По духу времени, не есть ли
Политики задача въ томъ,

Чтобъ руководствовать умомъ?
Чтобъ подчинять его?

ЛИБЕРАЛЪ.

А если...?

КОНСЕРВАТОРЪ—*перебивая.*

Противъ ума вести умно
Борьбу обдуманную надо.
Умъ — крѣпость вражья...

ЛИБЕРАЛЪ.

Но...

КОНСЕРВАТОРЪ.

Осада
Ея нужна!

ЛИБЕРАЛЪ.

Конечно; но...

КОНСЕРВАТОРЪ—*перебивая.*

Чтò: но?

ЛИБЕРАЛЪ—*сконфуженный.*

Конечно, мы упрочимъ,
Такъ безопасность; но... но мы...
А если вдругъ...? Вѣдь есть умы,
Напротивъ, такъ сказать... А впрочемъ!!..

Махаетъ рукой.

1887 г.
Петербургъ.

ЦВѢТУЩАЯ СТАРОСТЬ.

(Посвящается Виктору Антоновичу Арцимовичу).

Земля, для дней веселыхъ мая,
Одѣлась въ лучшій свой нарядъ;
И весь въ цвѣту, благоухая,
Предсталъ предъ нимъ фруктовый садъ.

Въ кругу цвѣтущей молодежи
Есть яблонь старая. Она
Ужъ къ долу клонится, но тоже
Богатымъ цвѣтомъ убрана.

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней сѣдой старикъ, —
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ.

Для всѣхъ явленій жизни зорки
Въ привѣтъ веснѣ они слились:
Старушка — лежа на подпоркѣ,
Старикъ — на посохъ опершись.

1887 г.
Рунторгъ.

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Внушаетъ старость мнѣ почтеніе невольно...
Не даромъ старъ я самъ. Но какъ зато мнѣ больно,
Когда приходится увидѣть старика
Еще здороваго, который даже въ силахъ
И тяжкій трудъ подъять, и пошалить слегка,
Но ужъ носителя и чувствъ, и мыслей хилыхъ!
По жизненной стезѣ осмысленно онъ шелъ;
Когда-то былъ уменъ, и съ сердцемъ былъ не черствымъ,
И различать умѣлъ причины благъ и золъ;
И правду защищалъ съ безтрепетнымъ упорствомъ...
Вдругъ — превращеніе. Великій въ жизни даръ,
Такъ свойственный тому, кто опытенъ и старъ,
Даръ прозорливости смѣнился почему-то
Въ немъ дальновидностью дѣвицъ изъ института.
Отчизну возлюбивъ теперь еще сильнѣй,
Онъ духа доблести страшиться началъ въ ней;
Блеснетъ ли свѣта лучъ — ручьемъ онъ слезы точитъ;
Гдѣ плакать надо бы — онъ чуть-что не хохочетъ;
Онъ въ смерти видитъ жизнь; онъ въ камнѣ видитъ хлѣбъ..
Такъ сердцемъ онъ заглохъ! такъ умственно ослѣпъ!
Онъ — чадо времени. Насъ злой какой-то геній

Дурачитъ зрѣлищемъ волшебныхъ превращеній,
И за людей нельзя ручаться въ наши дни.
Чтò ежели и мнѣ... О, Боже, сохрани!..
И мнѣ, на старости, вдругъ станетъ неизвѣстно:
Чтò глупо, чтò умно, чтó честно, чтò безчестно??..

1887 г.
Петербургъ.

* * *

Сняла съ меня судьба, въ жестокій этотъ вѣкъ,
Такой великій страхъ и жгучую тревогу,
Что я сравнительно — счастливый человѣкъ:
Нѣтъ сына у меня; онъ умеръ, слава Богу!
Ребенкомъ умеръ онъ. Хорошій мальчикъ былъ;
Съ улыбкой доброю; отзывчивый на ласки;
И, мнилось, огонекъ загадочный таилъ
Которымъ вспыхивали глазки.

Онъ былъ бы юношей теперь. Въ томъ и бѣда.
О, какъ невесело быть юнымъ въ наше время!
Не столько старости недужные года,
Какъ молодость теперь есть тягостное бремя.
А впрочемъ, удрученъ безвыходной тоской,
Которая у насъ на утрѣ жизни гложетъ,
Въ самоубійствѣ бы обрѣлъ уже, быть можетъ,
Онъ преждевременный покой.

Но еслибъ взяли верхъ упорство и живучесть,
Въ ряды преступные не сталъ ли бы и онъ?
И горько я его оплакивалъ бы участь —
Изъ міра, въ цвѣтѣ лѣтъ, быть выброшеннымъ вонъ.

Иль, можетъ быть, въ средѣ распутства и наживы,
Соблазномъ окруженъ и юной волей слабъ,
Онъ духа времени покорный былъ бы рабъ...
Такіе здравствуютъ и живы.

А сколько юношей на жизненномъ пути
Какъ бы блуждающихъ средь мрака и въ пустынѣ!
Гдѣ цѣль высокая, къ которой имъ идти?
Въ чемъ жизни нашей смыслъ? Въ чемъ идеалы нынѣ?
Съ кого примѣры брать? Гдѣ подвигъ дѣлъ благихъ?
Гдѣ торжество ума и доблестнаго слова?..
Какъ страшно было бы за сына мнѣ родного,
Когда такъ жутко за другихъ!

1888 г.
Петербургъ.

ВЫСТАВКА МАШИНЪ.

Когда-то я выставку видѣлъ машинъ;
Всѣ шли онѣ будто бы въ дѣлѣ.
На нихъ торговéцъ, фабрикантъ, селянинъ
Съ большимъ интересомъ глядѣли.

Да могъ ли и быть интересъ не великъ?
Крутятся, какъ вихри, колеса;
Огромный порхаетъ, гудя, маховикъ;
Работаетъ поршень насоса.

Какъ легкія ленты мелькаютъ ремни;
Стараются клапаны, краны;
Усердны въ трудѣ — рычаги, шестерни;
Упорны — винты, барабаны.

Ивотъ — регуляторы мирной борьбы,
Ведомой вполнѣ машинально,
Сверкаютъ шары, словно мѣдные лбы,
Впередъ выступая нахально.

Машины на сложный разсчитаны трудъ,
Искусной сноровкой владѣютъ;

Но въ этомъ собраньѣ не шьютъ и не ткутъ,
Не жнутъ, не молотятъ, не сѣютъ...

Когда провожу, среди дамъ и мужчинъ,
Часы въ словопреніяхъ разныхъ, —
Случается выставку вспомнить машинъ,
Блестящихъ, шумящихъ — и праздныхъ.

1888 г.
Петербургъ.

МОЕЙ МУЗѢ.

Чтобъ мнѣ въ моихъ скорбяхъ помочь,
Со мной ты плакала, бывало...
Теперь не плачь! Пускай, какъ ночь,
Когда дождей пора настала,
Одинъ я, молча, слезы лью,
Храня, какъ тайну, грусть мою.

То грусть порой по старомъ счастьѣ...
Ее сравнить могла бы ты
Съ тоской стебля, когда ненастье
Вдругъ оборветъ съ него цвѣты
И унесетъ ихъ въ даль, куда-то,
Откуда нѣтъ уже возврата.

Порой грущу, что старъ ужъ я;
Что чую смерти близкій холодъ
И жуткій мракъ небытія,—
Межъ тѣмъ какъ я—душою молодъ
И животворный сердца пылъ
Еще съ лѣтами не остылъ.

Не надо звуковъ скорбной нѣги;
Не надо старческую грусть

Принаряжать въ стихахъ элегій.
А если плачется, — ну, пусть, —
Коль сердцу есть въ слезахъ отрада;
Но слезъ риѳмованныхъ — не надо!

1888 г.
Москва.

* * *

(Посвящается О. А. Р.).

Живу, какъ будто съ новой силой
Всѣ блага жизни возлюбя;
Но я сильнѣй, о, другъ мой милый,
Дитя мое, люблю тебя.

Ужъ если сердцемъ престарѣлымъ
Влекусь я къ радостямъ земнымъ,—
Всѣ блага жизни быть удѣломъ
Должны бы, юная, твоимъ.

Тебя, межъ тѣмъ, уже невзгода
Постигла горестныхъ утратъ;
Въ твоей любви зарю восхода
Смѣнилъ безвременно закатъ.

И, словно день тоскливо-сѣрый,
Проходитъ скучно жизнь твоя;
Живешь ты въ будущее вѣрой,
Тоску по прошломъ затая.

И намъ, въ твоемъ безмолвьѣ гордомъ,
Душевныхъ струнъ не слышенъ стонъ...

О, еслибъ радостнымъ аккордомъ
Былъ наконецъ онъ разрѣшенъ!

Теперь, когда я съ новой силой
Всѣ блага жизни возлюбилъ,
Цѣною ихъ, о, другъ мой милый,
Тебѣ бы счастье я купилъ.

И еслибъ то, чего желала-бъ
Моя любовь къ тебѣ, сбылось, —
Разлуку съ жизнью бы безъ жалобъ
И безъ борьбы я перенесъ.

1888 г.
Павловка.

* * *

Прошли тѣ сильные года̀,
Съ ихъ неподкупностію строгой,
Съ ихъ волей страстною, когда
Отъ жизни требовалъ я много...
Ужъ тѣ прошли мои года̀!

Все въ этой жизни было лживо;
Но съ ней разлуки труденъ мигъ,
Какъ съ лаской женщины красивой
Тому, кто къ ласкѣ той привыкъ, —
Хотя бы все въ ней было лживо.

«Ласкай меня! Не уходи!»
Такъ нынѣ къ жизни я взываю.
«Немного лѣтъ мнѣ впереди...
«Я зло забылъ; я все прощаю,
«Лишь отъ меня не уходи!»

1888 г.
Павловка.

* * *

О, пѣсни старости — завѣтъ предсмертныхъ думъ
И трепетъ радостный души еще живучей!..
Такъ осенью намъ лѣсъ даритъ послѣдній шумъ,
И листьевъ въ воздухѣ играетъ рой летучій.

1888 г.
Павловка.

«ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ».

Первое посланіе къ Өессалоникійцамъ
Св. Ап. Павла *(IV, 19)*.

Я къ вамъ, ровесники мои, отцы и дѣды,
О родинѣ скорбя, держать задумалъ рѣчь.
Мнѣ кажется, что я какъ гору скину съ плечъ,
Вамъ душу высказавъ средь искренней бесѣды.
Вѣдь въ сѣти юныхъ грёзъ намъ, зрѣлымъ, трудно впасть;
Въ насъ нѣтъ охоты быть ни жертвой, ни героемъ; —
Итакъ, въ бесѣдѣ мы, порядокъ чтя и власть,
Лишь на себя глаза откроемъ.

Хоть тотъ же дѣятель на сценѣ, да не тотъ!
Участникъ дѣлъ былыхъ порой неузнаваемъ...
Мы время темное теперь переживаемъ;
Кто скажетъ: что̀ въ судьбахъ грядущаго насъ ждетъ?
Участникъ дѣлъ былыхъ, надеждами богатыхъ,
Почтенный дѣятель въ недавней старинѣ, —
Какъ будто опьянѣвъ, почилъ на лаврахъ смятыхъ
И спитъ, кощунствуя во снѣ.

Благочестивыми воздвигнутъ былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россіи новый строй;

Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой
И вѣрующихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ...
Теперь онъ опустѣлъ; всѣ входы прахъ занесъ;
Священнодѣйствій нѣтъ; онъ теменъ и печаленъ;
И ползаетъ въ немъ гадъ; и, лая, бродитъ песъ,
Какъ средь заброшенныхъ развалинъ.

Подумать — страхъ беретъ, что нынѣ меньшинство,
Покуда вѣрное гражданственнымъ началамъ,
Ужъ представляется явленьемъ запоздалымъ.
Таковъ переворотъ. Чѣмъ объяснимъ его?
Что̀ возбуждаетъ въ насъ враждебность и сомнѣнья?
Иль барщина честнѣй свободнаго труда?
Иль мракъ невѣжества полезнѣй просвѣщенья?
Безсудье-ль правильнѣй суда?

Я знаю: былъ объятъ за родину тревогой
Ты, русскій гражданинъ, въ тѣ смутъ крамольныхъ дни...
Ты правъ: ученіе преступное казни, —
Но неповинныхъ въ немъ святыхъ началъ не трогай!
Та проповѣдь средь насъ опасностей полна,
Что будто бы они съ порядкомъ несовмѣстны;
Порядка вѣрный стражъ — тотъ въ наши времена,
Кто ихъ послѣдователь честный.

Но смѣлость доблести въ насъ никнетъ; духъ нашъ спитъ;
Звучатъ еще слова, но мысли — ни единой;
Но искры Божьей нѣтъ. Затянутаго тиной
Болотнаго пруда таковъ сонливый видъ.
Грѣшны и жалки мы, безъ пользы жизнь кончая
И безъ луча надеждъ! Что̀ сѣешь, то̀ пожнешь.
И сердце черствое, и голова пустая —
Такъ въ жизнь вступаетъ молодежь.

О, если чувство въ насъ еще не вовсе глухо,
Дѣтей и родину спасемъ, разсѣявъ сонъ!
Завѣтъ апостола: «не угашайте духа!» —
Напоминаю вамъ. Какъ знать? Въ дали временъ,
Быть можетъ, къ нравственной воззвать придется силѣ;
И вотъ — сердца молчатъ, заглохшій разумъ — нѣмъ...
Отвѣтитъ тишина могильная — затѣмъ,
Что духа нѣтъ, духъ угасили.

1888 г.
Павловка.

* * *

Они какъ звѣзды въ мутной мглѣ,
Иль будто въ сумракѣ видѣнья —
Тѣ годы мира на землѣ
И межъ людей благоволенья...

Меня сподобила судьба
Тогда узрѣть въ моей отчизнѣ
Съ освобожденіемъ раба
Преображеніе всей жизни...

Той свѣтлой жизни въ старомъ злѣ
Пришла пора исчезновенья...
Какъ звѣзды гаснутъ въ мутной мглѣ,
Какъ меркнутъ въ сумракѣ видѣнья.

Къ дѣламъ добра затерянъ слѣдъ;
Въ сердцахъ опять — вражда и злоба...
Чего-жъ мнѣ ждать на склонѣ лѣтъ,
Уже вблизи, быть можетъ, гроба?

О, годы мира на землѣ
И межъ людей благоволенья!
На быстромъ времени крылѣ
Вы мчитесь къ пропасти забвенья.

1889 г.
Рунторть.

ЗАБЫТЫЯ СЛОВА.

(Посвящается памяти М. Е. Салтыкова).

Слова священныя, слова временъ былыхъ,
Когда они еще знакомо намъ звучали...
Увы! Зачѣмъ же, полнъ гражданственной печали,
Предъ смертью не успѣлъ ты намъ напомнить ихъ?
Тѣ лучшія слова, такъ людямъ дорогія,
Въ комъ сердце чувствуетъ, чья мыслитъ голова:
Отчизна, совѣсть, честь и многія другія
Забытыя слова.

Быть можетъ, честное перо твое могло-бъ
Любовь къ отечеству напомнить «патріотамъ»;
Поднять подавленныхъ тяжелымъ жизни гнетомъ;
Заставить хоть на мигъ поникнуть мѣдный лобъ;
Спасти обрывки чувствъ, которыя остались;
Уму отвоевать хоть скромныя права;
И, можетъ быть, средь насъ тѣ вновь бы повторялись
Забытыя слова.

Преемника тебѣ не видимъ мы пока.
Чей смѣхъ такъ золъ? и чья душа такъ человѣчна?

О, пусть твоей души намъ память будетъ вѣчна;
Земля-жъ могильная костямъ твоимъ легка!
Ты, правдой прослуживъ весь вѣкъ своей отчизнѣ,
Ужъ смерти обреченъ, дыша уже едва,
Намъ вспомнить завѣщалъ, среди пошлой нашей жизни,
Забытыя слова.

1889 г.
Рунторгъ.

ПѢСНИ ОБЪ УЕДИНЕНІИ.

1.

Уединеніе въ деревнѣ—мнѣ отрада.
Хотѣлъ бы, чтобъ сюда заглохли всѣ пути.
Свободы, тишины, безмолвія мнѣ надо,
Отъ современности подальше бы уйти.

Сама, въ нашъ грубый вѣкъ, Европа одичала.
Средь важныхъ мелочей и хитроумныхъ дрязгъ
Безмолвствуютъ добра великія начала,
И угрожающій желѣза слышенъ лязгъ.

На родинѣ еще мнѣ ближе и знакомѣй
Дѣла и помыслы героевъ нашихъ дней...
Ихъ торжествующихъ здѣсь нѣтъ физіономій,
И, слава Богу, здѣсь не слышно ихъ рѣчей.

О, современникъ нашъ какъ жалокъ зачастую!
Онъ свѣжей новизны обидъ не перенесъ
И обратился вспять на старину гнилую,
Какъ на блевотину свою нечистый песъ.

Мнѣ опротивѣли и толки, и сужденья,
И эта суета, и праздный этотъ духъ
Коль не ребяческой потѣхи истребленья,
То кропотливости помѣшанныхъ старухъ.

Переливанье же въ пустое изъ пустого
(Занятье русское) ужъ мнѣ не въ мочь: я старъ.
Мы безъ бѣды могли-бъ лишиться дара слова —
Для высшихъ думъ теперь не нуженъ этотъ даръ.

Мой опытъ жизни всѣ надежды уничтожилъ;
Не вѣрю ничему въ отечествѣ моемъ...
И вотъ я до чего, живя на свѣтѣ, дожилъ!
Уединеніе—отрада вся лишь въ немъ.

1889 г.

2.

Обитель мирная, пріютъ благословенный,
Обѣтованная мнѣ Господомъ земля!
Мнѣ краше и милѣй, о, вы, во всей вселенной —
Мой сельскій домъ, и садъ, и роща, и поля.

Здѣсь отъ житейскихъ бурь я въ старческіе годы
Себѣ убѣжище нашелъ. Такъ ветхій челнъ,
Въ затишьѣ пристани, во время непогоды,
Спокойно зыблется въ сосѣдствѣ шумныхъ волнъ.

За все, что́ есть въ тебѣ, за все, что̀ слышу, вижу,
За тихій твой просторъ, за красоту твою,
За то, что нѣтъ въ тебѣ того, что̀ ненавижу,
Родимый уголъ мой, тебя я такъ люблю.

Прими же ты меня подъ сѣнь свою радушно!
Покой цѣлительный дай сердцу и уму!
На людяхъ — какъ въ тюрьмѣ становится мнѣ душно;
Мнѣ хочется пожить на волѣ одному.

Свободы, тишины, безмолвія хочу я.
Съ природой бы родной прожить остатокъ дней
Въ уединеніи! Потомъ, конецъ почуя,
Хотѣлъ бы хоть въ окно успѣть проститься съ ней.

А ты, природа-мать, и свѣтлыхъ дней лучами,
И тьмой, и звѣздами, и красками зари,
И всѣми чудными твоими голосами
Со мной, пока живу, немолчно говори!

1889 г.
Павловка.

СЕЛЬСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И КАРТИНКИ.

(*Серія вторая*).

I.—ЛѢТОМЪ.

1.

Вечерняя заря.

Была пора уборки хлѣба,
Пора въ поляхъ работы страдной.
Садилось солнце, меркло небо
И вѣтерокъ подулъ прохладный.

Ужъ бабы съ граблями толпою
Ушли съ оконченной работы;
И ихъ напѣва, подъ горою,
Чуть слышны тающія ноты.

Ушли крестьяне молчаливо;
А между тѣмъ ужъ солнце сѣло,
Когда покинутая нива
Еще не вовсе опустѣла.

Въ телѣгѣ кормитъ мать ребенка;
Отецъ и мальчикъ расторопный
Ужъ запрягли; но лошаденка
Туда все тянется, гдѣ кóпны.

И вдругъ за этой кучкой черни,
Надъ скуднымъ бытомъ темныхъ міра —
Зажглись огни зари вечерней
И развернулася порфира...

Я ихъ узрѣлъ, съ ихъ нищетою,
Съ ихъ видомъ кроткимъ и усталымъ,
Парчей убранныхъ золотою,
Среди лучей, подъ сводомъ алымъ.

И мнилось мнѣ, что съ небосклона
Въ юдоль труда и воздыханья
Сошла явленная икона
Въ вѣнцѣ небеснаго сіянья.

1888 г.
Павловка.

2.

Какъ шумятъ мои липы.

Въ часы ли отрады, иль горя,
Люблю навѣщать я мой садъ.
Тамъ старыя липы, мнѣ вторя,
Сочувственнымъ звукомъ шумятъ.

Сижу ли я утромъ въ аллеѣ,
Погодѣ сіяющей радъ, —
И липы мои веселѣе,
Какъ будто, мнѣ сверху шумятъ.

Духовнымъ ли взоромъ порою,
Грустя, оглянусь я назадъ, —
Возросшія вмѣстѣ со мною
И липы такъ грустно шумятъ.

Подъ вечеръ предамся ли думамъ, —
Очнувшись, я слышу: мнѣ въ ладъ
Какимъ-то таинственнымъ шумомъ
Задумчиво липы шумятъ.

Спасибо имъ! Нынѣшнимъ лѣтомъ
Мнѣ, цѣлыми днями подъ-рядъ,
Все добрымъ, радушнымъ привѣтомъ
Родимыя липы шумятъ.

Когда же на краѣ равнины
Свершается солнца закатъ, —
Молитву прошепчутъ вершины
И въ алой зарѣ замолчатъ.

1888 г.
Павловка.

II.—ОСЕНЬЮ.

—•—

1.

Та̀къ полночь темная тепла,
Та́къ въ жаркій полдень много свѣта,
Какъ будто осень не пришла
И длится пламенное лѣто.

Плывутъ и таютъ облака
Въ просторѣ яркомъ и спокойномъ;
На горизонтѣ, какъ рѣка,
Струится воздухъ паромъ знойнымъ;

Освобожденныя поля
Блестятъ подъ паутиной тонкой;
Порой на пашнѣ вихрь, пыля,
Бѣжитъ крутящейся воронкой;

Плодами сильно пахнетъ садъ;
Гумно — мякиной и соломой;
И дуба вѣетъ ароматъ
Изъ рощи съ дѣтства мнѣ знакомой.

Опять, какъ въ юные года,
Я здѣсь живу въ тиши привольной...
Мнѣ было радостно тогда;
Теперь — мнѣ радостно и больно.

1889 г.
Павловка.

2.

Душа то грустію томима,
То тихой радостью полна...
Летѣли дни неуловимо, —
И пролетѣло лѣто мимо,
Какъ грёза прерваннаго сна.

Все къ неминуемой развязкѣ
Въ природѣ вянущей идетъ.
Нѣтъ съ неба прежней теплой ласки!
Ужъ былъ морозъ; другія краски;
Другіе звуки; видъ не тотъ.

Аллея липъ въ саду раскрыта;
И съ высоты вѣтвей нагихъ,
Гдѣ гнѣздъ весною много свито,
Грачи мнѣ вслѣдъ кричатъ сердито
За то, что я встревожилъ ихъ.

Тогда, какъ были дни свѣтлѣе,
Зайду, бывало, въ старый садъ —
Темна тѣнистая аллея...
Но я, о лѣтѣ сожалѣя,
Признаться, днямъ осеннимъ радъ.

Пока есть слухъ, пока есть зрѣнье
И впечатлѣніе свѣжо,

Любя въ природѣ всѣ явленья,
Твержу я, полнъ благоговѣнья:
«Все хорошо! все хорошо!»

1887 г.
Павловка.

3.

Вечерняя прогулка въ октябрѣ.

Ненастные настали вечера
И сумерки на землю сходятъ рано.
Я, запоздавъ, съ прогулки шелъ вчера
Не то сквозь дождь, не то среди тумана.

И съ вѣтромъ я изъ всѣхъ боролся силъ,
Медлительно шагая по-неволѣ;
А мимо онъ, бушуя, проносилъ,
Какъ быстрыхъ птицъ, сухіе листья въ поле.

И все темнѣй средь поля и темнѣй;
Ужъ я едва могъ различать дорогу...
Но вотъ сперва — миганіе огней,
Затѣмъ и домъ, все ближе понемногу.

Онъ будто звалъ подъ мирный кровъ меня
Оттуда, гдѣ такъ холодно и бурно;
И слышалась, вой вѣтра замѣня,
Мелодія Шопенова ноктурна.

Благая жизнь! Участья къ намъ полна
И ласками привѣтствуя насъ часто,
Какъ услаждать умѣетъ насъ она
Пріемами красиваго контраста!

1890 г.
Павловка.

III.—ЗИМОЮ.

1.

Первый снѣгъ.

Поверхность всей моей усадьбы
Сегодня къ утру снѣгъ покрылъ...
Подмѣтить все и записать бы, —
Тàкъ первый снѣгъ мнѣ этотъ милъ!

Скорѣй подмѣтить! Онъ побѣду
Уступитъ солнечному дню;
И къ деревенскому обѣду
Ужъ я всего не оцѣню.

Тамъ, въ полѣ, вижу черной пашни
Съ каймою снѣжной борозду;
Весь измѣнился видъ вчерашній
Вкругъ дома, въ рощѣ и въ саду.

Кусты въ уборѣ бѣлыхъ шапокъ,
Узоры стынущей воды,
И въ рыхломъ снѣгѣ птичьихъ лапокъ
Звѣздообразные слѣды...

1888 г.
Павловка.

2.

Красивая смерть.

Ни толкотни людей, ни бѣга экипажей,
Ни улицъ, ни домовъ не видно изъ окна.
За днями дни идутъ, и лишь одна и та же
Снѣговъ глубокихъ гладь мнѣ бѣлая видна.

То деревенское спокойствіе, въ которомъ
Мнѣ жить такъ пó сердцу, не можетъ быть полнѣй.
Предъ слухомъ — тишина; пустыня — передъ взоромъ;
И смерти чуется владычество надъ ней.

Но, Боже, чтó за смерть! О, какъ она красива,
Когда, соединясь, и солнце, и морозъ
Въ причудахъ инея, какъ сказочное диво,
Меня уносятъ въ міръ какъ бы застывшихъ грёзъ!

Гуляя межъ снѣговъ, и весело, и странно
Мнѣ на пути встрѣчать, въ волшебные тѣ дни,
То формы скудныя съ отдѣлкой филигранной,
То искръ безчисленныхъ холодные огни.

Вездѣ цѣпочки звѣздъ, подвѣски и запястья;
Все радужной игрой лучей озарено...
Зима не вѣдаетъ отличья и пристрастья
И жертвы смерти всѣ украсила равно.

1889 г.
Рунтортъ.

3.

Обыкновенный случай.

Не саванъ простертый бѣлѣетъ, къ обряду готовъ погребенья;
Не хора хватаетъ за сердце надъ гробомъ печальное пѣнье;

Не гробъ уже въ яму опущенъ и прахомъ могильнымъ покрытъ;
Не блѣдный покойникъ во гробѣ подъ крышкою низкой лежитъ

То снѣга бѣлѣетъ равнина, бѣлѣетъ отъ края до края;
То мерзлая вьюга гуляетъ, крутитъ и мететъ, завывая;
То въ полѣ возокъ еле виденъ, въ сугробѣ себя схоронивъ;
То путникъ злосчастный полъ-сутокъ сидитъ въ немъ не мертвъ и
не живъ.

1890 г.
Павловка.

4.

Одиночество.

Глубокая въ домѣ царитъ тишина
И крадется время шагами нескорыми.
Предъ снѣжной пустыней стою у окна;
Смотрю черезъ мерзлыя стекла съ узорами.

Близъ дома: сугробы метель намела;
Деревья покрыты пылинками инея;
Вдали — непроглядная бѣлая мгла;
Межъ небомъ и доломъ стушевана линія.

Безмолвны долины, безмолвны холмы;
Какъ будто объяла ихъ дума угрюмая...
И я—передъ грустной картиной зимы—
Безмолвно стою, вспоминая и думая.

1890 г.
Павловка.

IV.—ВЕСНОЮ.

—•—

*
* *

На той же я сижу скамейкѣ,
Какъ прошлогоднею весной;
И снова зрѣетъ надо мной
Ожившей липы листикъ клейкій.

Опять запѣли соловьи;
Опять въ саду — пора цвѣтенья;
Опять по воздуху теченье
Ароматической струи.

На все гляжу, всему внимаю
И, солнцемъ благостнымъ пригрѣтъ,
Опять во всемъ ловлю привѣтъ
Къ землѣ вернувшемуся маю.

Вновь изъ сосѣдняго лѣску,
Гдѣ уже ландышъ есть душистый,
Однообразно, голосисто
Ко мнѣ доносится: ку-ку!..

За цвѣтъ черёмухи и вишни,
За эти пѣсни соловья,
За все, чѣмъ вновь любуюсь я —
Благодарю Тебя, Всевышній!

1891 г.
Стенькино.

* * *

Мнѣ за «гражданскую» тоску
Одинъ философъ задалъ гонку
И прочиталъ мнѣ, старику,
Нравоученье, какъ ребенку.

«Впадать въ унынье — не умно;
Смотрѣть на жизнь должны мы бодро.
Вѣдь послѣ дня — всегда темно,
И дождь всегда смѣняетъ вёдро.
Въ явленьяхъ жизни есть черёдъ;
Но ни добра въ нихъ нѣтъ, ни худа.
Вчера бѣжали мы впередъ;
Сегодня пятимся покуда.
Пускай свистятъ бичи сатиръ,
Пусть ноютъ жалобныя пѣсни, —
Когда въ дрему впадаетъ міръ,
Не разбудить его — хоть тресни!
Коль мы безспорно признаёмъ
Законы жизни міровые —
Подъ неизбѣжнымъ ихъ ярмомъ
Покорно склонимъ наши выи.
Гражданскихъ слезъ логичнѣй — смѣхъ!
Противъ рожна не претъ философъ.

Не признаю я вашихъ всѣхъ
Такъ называемыхъ вопросовъ.
Плачъ не спасетъ отъ бѣдъ и золъ.
Въ стихахъ же плачъ не дастъ и славы.
Прощайте. Dixi».

И ушелъ.
Что-жъ! Вѣдь его сужденья—здравы.
Онъ самъ—и молодъ, и здоровъ...
Какія-жъ могутъ быть причины,
Что отъ здоровья этихъ словъ
Такъ вѣетъ запахъ мертвечины?

1890 г.
Стенькино.

—•—•—

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

1.

О чести.

Онъ, честь дворянскую ногами попирая,
Самъ родомъ дворянинъ по прихоти судьбы,
Въ ворота ломится потеряннаго рая,
Гдѣ грезятся ему и розги, и рабы.

2.

О правдивости.

Всѣ тайны—на-гòло! всѣ души—на-распашку!..
Такъ люди не были правдивы никогда.
Но можно маску снять; зачѣмъ снимать рубашку?
Пусть лицемѣрья нѣтъ; зачѣмъ же нѣтъ стыда?
Что-жъ! Просто-ль ихъ тѣснятъ приличныя одежды?
Иль представляются имъ выше наконецъ:
Гонитель знанія—стыдливаго невѣжды,
И робкаго льстеца—отъявленный подлецъ?

3.

О правдѣ.

Друзьямъ безстыднымъ лжи — свѣтъ правды ненавистенъ.
И вотъ—они на мысль, искательницу истинъ,
Хотѣли-бъ наложить молчанія печать —
И съ повелѣніемъ — безропотно молчать!

4.

О приличіи.

Чернить особенно людей онъ честныхъ хочетъ.
Блудница трезвая, однако, не порочитъ
Нахально женщину за то лишь, что она —
И мать хорошая, и честная жена.
Вотъ только гдѣ теперь встрѣчаются примѣры,
Какъ и въ безстыдности блюдется чувство мѣры.

5.

О духовной скудости.

Для творческихъ идей духъ времени— препона;
Отъ лучшихъ замысловъ получится уродъ.
Изъ мрамора рѣзцомъ ваяютъ Аполлона;
Но развѣ вылѣпишь его изъ нечистотъ?

1890 г.
Стенькино.

* * *

Христу не надобны ни страстность изувѣра,
Ни фарисейское приличье ханжества.
Лишь добрыя дѣла Ему угодны. Вѣра
Безъ дѣлъ — мертва.

Подумайте-жъ о всѣхъ тяжелой доли жертвахъ,
О, вы, которыхъ рокъ взлелѣялъ и вознесъ!
Подумайте о нихъ въ тотъ день, когда изъ мертвыхъ
Воскресъ Христосъ!

И можетъ оживить васъ благодать Господня,
Какъ землю мерзлую весенній лучъ съ небесъ;
И вы воскликнете: «Во мнѣ самомъ сегодня
«Христосъ воскресъ!»

1890 г.
Стенькино.

* * *

Пускай живетъ! Хотя старикъ,
Онъ не убогъ и не калѣка;
И мудрость правила постигъ —
Не заѣдать чужого вѣка.

Не только радуетъ его
Все, чтò велико и прекрасно,
А зла и мрака торжество
Волнуетъ ненавистью страстной;

Но въ мірѣ всѣхъ явленій рядъ
Уму не чуждъ; и, какъ ни малы,
Лишь западутъ въ него, родя̀тъ
Какъ бы мгновенные кристаллы.

О, если жить охота есть,
О, если милъ ему міръ Божій, —
Пускай живетъ! Еще принесть
Онъ можетъ пользу молодежи.

1891 г.
Стенькино.

УМНЫЕ ПОЛИТИКИ.

Порой въ отчаянье приводитъ
Меня нашъ старый шаръ земной:
Онъ такъ давно вкругъ солнца ходитъ
Своей незримою тропой;
Въ немъ все такъ сложно, такъ огромно;
Такъ онъ красивъ и такъ богатъ...
Но качествъ этихъ результатъ
Для жизни — менѣе, чѣмъ скромный.
Зачѣмъ вертится онъ вѣка,
Какъ въ колесѣ вертится бѣлка?
Зачѣмъ такъ форма велика,
Коль содержаніе такъ мелко?..
Всему политики виной
Съ душой ко злу лишь только чуткой.
Безъ нихъ такой нелѣпой шуткой
Мнѣ не казался-бъ шаръ земной.
Ну, не обидно-ль въ самомъ дѣлѣ?
Они пришли, какъ ночью тать,
Судьбой вселенной завладѣли
И родъ людской вернули вспять.

Хоть грезятъ миромъ филантропы,
Но ихъ задача не легка;
Въ цивилизацію Европы
Вновь лѣзетъ право кулака.
Опять — стремленье всѣхъ ослабить,
И къ старой цѣли — старый путь:
Нахально друга обмануть,
Нещадно недруга ограбить.
Народы всѣ — возбуждены
И ждутъ лишь рокового часа,
Потѣхамъ бѣшеной войны
Готовя пушечное мясо.
Какой тутъ нравственный успѣхъ?
Мы только грубой силѣ вѣримъ,
Когда, въ чаду такихъ потѣхъ,
Отъ человѣка пахнетъ звѣремъ...

Мнѣ и досадно, и смѣшно,
Когда я слышу хоръ хвалебный
Творцамъ политики враждебной:
«Какъ дальновидно! какъ умно!»
Ума тутъ нѣтъ. Я протестую.
И, кстати, истину простую
Пусть подтвердитъ мое перо:
«Умно тȍ только, чтȍ добро».

1891 г.
Стенькино.

ПРЕЛЮДІЯ КЪ ПРОЩАЛЬНЫМЪ ПѢСНЯМЪ.

Дни жизни моей пронеслись быстролетной чредою.
И утро, и полдень, и вечеръ мои — позади.
Все ближе ночной надвигается мракъ надо мною;
Напрасно просить: подожди!

Такъ пусть же пылаетъ свѣтильникъ души среди ночи;
Пусть въ пѣсняхъ прощальныхъ я выскажу душу мою,
Пока еще сномъ непробуднымъ смежающій очи
Конецъ не пришелъ бытію.

Пусть выскажу то, о чемъ прежде молчалъ я лѣниво;
И то, что̀ позднѣе мнѣ опытомъ жизни дано.
Моя не заглохла средь терній духовная нива;
Въ ней новое зрѣетъ зерно.

Добромъ помяну все, что̀ было хорошаго въ жизни;
Что̀ умъ мой будило, что̀ сердце плѣняло мое;
Въ послѣднемъ признаніи выскажу бѣдной отчизнѣ,
Какъ больно люблю я ее.

Напутствовать юное хочется мнѣ поколѣнье;
Отъ мрака и грязи умы и сердца уберечь.

Быть можетъ, средь нравственной скверны, иныхъ отъ паденья
Спасетъ задушевная рѣчь.

А еслибы пѣсни мои прозвучали въ пустынѣ, —
Я все же сказалъ бы, имъ честность въ заслугу вмѣня:
«Чтò сдѣлать я могъ, тò я сдѣлалъ, и съ миромъ ты нынѣ,
О, жизнь, отпускаешь меня».

1891 г.
Стенькино.

РАННЯЯ ВЕСНА.

I.

Три послѣдніе года подъ-рядъ я встрѣчалъ весну въ деревнѣ. Казалось бы, что я, какъ любитель природы, долженъ радоваться, что могъ слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ ея оживленіемъ; а между тѣмъ именно въ пору ранней весны я тоскую по городу. Вторая половина марта возбуждаетъ во мнѣ особое духовное настроеніе, которое сильнѣе и глубже любви къ природѣ. Въ это время я живо вспоминаю тѣ давно минувшіе годы, когда, мистически-религіозный юноша, я жилъ въ Петербургѣ и любилъ посѣщать великопостную службу.

II.

Бывало, на первой или на страстной недѣлѣ, выйдешь на улицу — обычной сутолоки не замѣчаешь; движеніе народонаселенія—спокойное; пьяныхъ, которыхъ будетъ такъ отвратительно много послѣ, въ праздникъ,—вовсе не видно; вездѣ слышится монотонный, пріятно раздражающій звукъ желѣзныхъ лопатъ, соскабливающихъ мокрый снѣгъ съ тротуаровъ; на солнечной сторонѣ каплетъ съ крышъ; легко дышется мягкимъ воздухомъ; и говоришь себѣ: постомъ великимъ пахнетъ;

И благовѣстъ надъ городомъ звучитъ;
Не радостный, обыкновенно въ праздникъ
Сзывающій во всѣ колокола;
Но медленнымъ и тихимъ перезвономъ,
Задумчиво и грустно съ высоты
Онъ падаетъ, слезамъ подобенъ крупнымъ.
«Во храмъ зову!» — такъ плачетъ этотъ звонъ: —
«Сегодня тамъ въ молитвахъ поминаютъ
«Жестокія мученія и казнь
«Учителя любви и милосердья».
И я иду, глубокихъ полонъ думъ,
Страстямъ Христа съ молитвой поклониться.

III.

Я понималъ, что̀ значитъ для людей
Смерть на крестѣ Учителя благого:
То̀ — міровой судьбы переворотъ!
Явленье въ жизнь и чувствъ, и мыслей новыхъ;
Между людьми паденіе преградъ;
Вознесено, что̀ было въ долѣ низкой;
Низвергнуто, что̀ было высоко;
Исканье благъ нетлѣнныхъ; жажда правды,
И торжество духовной красоты,
И сладость слезъ, невѣдомая прежде...

IV.

О, сладкія молитвенныя слезы!
Я ихъ знавалъ. Мнѣ памятны онѣ.
Ужъ никогда я послѣ такъ не плакалъ,
Какъ въ юности восторженной моей.
На утренней зарѣ духовной жизни

Я возлюбилъ ученіе Христа
И мыслію, и сердцемъ умиленнымъ.
Въ тѣ грубыя безправья времена
Одинъ Христосъ смягчалъ людское сердце.
Онъ юнаго меня училъ любить
Трудящихся и всѣхъ обремененныхъ...
Чѣмъ былъ бы я на старости—какъ знать!—
Когда-бъ въ тѣ дни евангельскаго слова
Не снизошла мнѣ въ сердце благодать?

V.

Отъ юности моей борола много
Меня страстей безумная тревога.
Потомъ ко мнѣ, мечтательности врагъ,
Пришло чредой законной размышленье;
И, засоренъ отбросами сомнѣнья,
Источникъ слезъ молитвенныхъ изсякъ.
Но, увлеченъ забвеньемъ ли преступнымъ,
Въ холодное-ль раздумье погруженъ,—
Лишь раннею весной заслышу звонъ,
Чтó падаетъ, слезамъ подобенъ крупнымъ,
Задумчиво и грустно съ высоты,—
О, молодость! въ душѣ всплываешь ты;
И хочется тогда мнѣ возвратиться
Къ утраченнымъ раскаянья слезамъ;
И я иду въ забытый мною храмъ
Страстямъ Христа съ молитвой поклониться.

VI.

Опять подъ сводами церковными стою;
И сердце смягчено; и духа прибываетъ;
И совѣсть я блюду свободную мою

Предъ Тѣмъ, Кто лишь хулы на духа не прощаетъ.
Стою среди толпы, склоняющейся въ прахъ;
И чувствую: душа участьемъ къ ней согрѣта.
Источникъ истины, любви, добра и свѣта.
Одинъ лишь Богъ Христа—помощникъ ей въ скорбяхъ.
Въ надеждѣ, что придутъ ей свыше утѣшенья,
Она лишь проситъ силъ въ страданьяхъ и въ борьбѣ;
И, съ нею за-одно, я полонъ умиленья
При пѣньи: «Господи! воззвахъ къ Тебѣ...»

VII.

Выносится въ толпу святая плащаница.
Всѣ разступаются, склоняясь передъ ней.
Я слышу тихій плачъ. Заплаканныя лица
Мнѣ видны сквозь огни безчисленныхъ свѣчей.
Свершилось! Кончены предсмертныя страданья.
Умершій на крестѣ положенъ въ гробъ Христосъ.
И въ пѣньи клироса мнѣ слышится рыданье,
И я роняю самъ скупыя капли слезъ...

VIII.

Благодарю мое задумчивое дѣтство,
И юность пылкую мою благодарю;
Я не растратилъ ихъ духовнаго наслѣдства,
И прежнимъ пламенемъ порой еще горю.
Но я—отжившаго обломокъ поколѣнья...
О, прежде чѣмъ придутъ послѣднія мгновенья,—
Тотъ духъ евангельскій пусть овладѣетъ мной,
Что́ вѣялъ благостно мнѣ раннею весной!
И мой къ могилѣ путь, среди житейскихъ терній,
Тогда бы озарилъ свѣтъ тихій, свѣтъ вечерній.

1891 г.
Стенькино.

ОСЕНЬЮ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

О, тотъ во истину блаженъ,
Кто этой осенью прелестной
Не замкнутъ улицею тѣсной,
Не заслоненъ громадой стѣнъ!

Блаженъ, кто въ эти дни не слышитъ
Докучныхъ шумовъ городскихъ;
Здѣсь Божій міръ теперь такъ тихъ;
Здѣсь воздухъ листья чуть колышитъ.

Замолкли рѣчи о трудѣ;
Поля—свободны; всходъ озимый,
Кустяся, льнетъ къ землѣ родимой;
Движенье замерло вездѣ.

Лишь паутинъ клубки летаютъ,
Блестящи, бѣлы и легки;
То въ даль куда-то паучки
Воздухоплаванье свершаютъ.

Чуть шелестя въ вершинахъ, лѣсъ,
Весь въ облаченьи золотистомъ,

Какъ бы стремится къ высямъ чистымъ
Надъ нимъ синѣющихъ небесъ.

О, какъ средь свѣтлаго раздолья
Душа блаженствуетъ моя!..
Теперь не то гуляю я,
Не то хожу на богомолье.

1891 г.
Стенькино.

* * *

Не спѣша, мѣняйтеся, картины, —
Шествуй, время, медленной стопою, —
Чтобы день не минулъ ни единый
Пережитъ, но не замѣченъ мною.

Тишина покоя и всѣ шумы,
Жизнью наполняющіе землю;
Злоба дня и вѣковыя думы;
Смѣхъ и плачъ людскіе—вамъ я внемлю.

Въ чуткомъ сердцѣ впечатлѣнья живы;
Дверь ума открыта свѣту настежь...
Ты лишь, смерти призракъ молчаливый,
Отойди немного,—ты мнѣ застишь!

1891 г.
Стенькино.

ВСѢМЪ ХЛѢБА!

Рабочій людъ едва не весь
На нашей родинѣ—безъ хлѣба.
«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!»
Такъ онъ, голодный, молитъ небо.

О, братья! хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

Утробной пищей сыты мы;
Но безъ духовнаго питанья
Ослабли тощіе умы,
Безплодны скудныя познанья.

Хоть удается намъ порой,
Пускаясь въ хитрость и въ обманы,
Прикрыть дешевой мишурой
Неблаговидные изъяны;

Хоть, искусившись въ похвальбѣ,
Среди народовъ даже нынѣ

Что ни одной черты въ ней рѣзкой не откроешь...
Я вспомнилъ скромную природу нашу: въ ней
Бываетъ вечеромъ спокойствіе такое-жъ.
Недвижный прудъ заснулъ подъ отблескомъ зари;
Порой лишь зарябитъ поверхность кругъ случайный,
Да изрѣдка со дна всплываютъ пузыри —
Нѣмые вѣстники какой-то жизни тайной,
Всплывутъ и лопнутъ, и опять —
Какъ мертвая, тиха темнѣющая гладь.
Тебя смиренностью такой же привлекаютъ
Скрижали блѣдныя довѣрчивой души:
На нихъ что̀ хочешь, то̀ пиши, —
Все съ благодарностью покорной принимаютъ...
Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель зрѣлыхъ лѣтъ [1]),
И бойся съ жизнію расплаты!
Въ посланіи къ тебѣ благой подамъ совѣтъ
Я—старецъ, опытомъ богатый.

II.

Нерѣдко слыхивалъ я въ дѣтскія лѣта
Разсказы о творцѣ военныхъ поселеній.
Вотъ онъ дѣйствительно казарменный былъ геній, —
Не вамъ теперешнимъ чета.
Казался-бъ между васъ колоссомъ средь пигмеевъ
Казенный нигилистъ, свирѣпый Аракчеевъ.
Онъ разсуждалъ: «Хоть будь семи пядей во лбу,
Не потерплю противорѣчья!»
Ему—то звѣрю, то рабу—
Была невѣдома природа человѣчья.
Ни жалобъ, ни борьбы онъ не встрѣчалъ ни въ комъ;

---

[1]) Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой...

(*Лермонтовъ.*)

И на судьбу людей не могъ взирать иначе,
Какъ на судьбу почтовой клячи,
Всегда безмолвной подъ кнутомъ.
Жестокость въ немъ росла, какъ въ часъ прилива море,
И воля вьюгою гуляла на просторѣ...
Желанье выразилъ разъ деспотъ въ старину,
Чтобъ голову имѣлъ народъ его одну;
Желанье странное пришло къ нему не даромъ:
Онъ обезглавилъ бы его однимъ ударомъ.
Но не былъ фантазеръ россійскій нашъ герой
И не давалъ притомъ потачки;
Охотно весь народъ прогналъ бы онъ сквозь строй,
Не торопясь, по-одиначкѣ.
Должно быть, часто онъ вздыхалъ: «Кабы мнѣ власть,
Ужъ я потѣшился бы всласть!»
Вошла намъ въ плоть и кровь имъ созданная школа.
Духъ Аракчеевскій, духъ дикій произвола,
Средь дѣтскихъ игръ моихъ пугалъ меня не разъ;
Вотъ почему о немъ продлилъ я мой разсказъ.
И юности во мнѣ такъ живы впечатлѣнья!..
Какой-то сѣрый тонъ... нѣмая тишь да гладь...
Лишь громко заповѣдь звучитъ: «Не разсуждать!» —
Основа главная отечеству служенья.
Та жизнь мнѣ чудится, какъ плѣсень и застой;
Какъ прудъ, о коемъ здѣсь сейчасъ упоминалось,
Но только съ разницею той,
Что даже пузырямъ всплывать не разрѣшалось.

III.

Вотъ съ временемъ какимъ знакомы были мы.
Ужъ, кажется, чего рѣшительнѣй и строже!
Всѣ знали, что запретъ наложенъ на умы;

И что же!
Не обходилося, однако, безъ бѣды.—
Порядка и тогда случались нарушенья.
Все гладко, чисто... Вдругъ, то здѣсь, то тамъ, слѣды
Проявятся мышленья —
И засоряется метеная стезя.
Запретовъ много есть, ихъ всѣхъ не перечислить:
Все можно выполнить, лишь одного нельзя:
Коль мысли есть,—нельзя не мыслить.
Ты возразишь мнѣ: «Да, но можно онѣмѣть.
Намъ думать про себя никто не воспрещаетъ.
Не мысль, а просто рѣчи свободныя прельщаетъ.
Предъ суетной толпой звенящая какъ мѣдь».
Нѣтъ! Не дѣйствительна людская мысль безъ слова.
И только смерть кладетъ безмолвія печать:
Сегодня мысль нѣма, а завтра будетъ снова
Во всеуслышанье рѣшать.
Бываетъ, что врагу сдается умъ безъ боя,
Не вѣдая стыда, не мучимый тоской
Безъ принужденья самъ собою
Онъ удаляется отъ жизни въ покой.
Идутъ событія—въ порядкѣ ли [illegible].
Въ судьбѣ ли родины [illegible] —
Умъ, обезсиленный [illegible] безучастнымъ.
Не видитъ—онъ ослѣпъ, не слышитъ—онъ оглохъ.
Смѣняется [illegible]
Великодушіе, такъ [illegible]
И слово [illegible]
Ему [illegible]
Бывало такъ [illegible]
Но [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Ихъ ожиданьямъ и надеждѣ.
Съ себя стряхнувъ наносный соръ,
Воспрянетъ смѣлъ и чистъ, какъ прежде
Такъ снова на стѣнѣ являются порой,
Въ былой красѣ и въ прежнемъ блескѣ,
Когда-то грубою рукой
Заштукатуренныя фрески...

IV.

Но я въ высокій слогъ пустился. Извини.
Потребны для тебя лишь доводы одни
Чтобъ дани не платить невольной увлеченью,
Я прямо приступлю теперь къ нравоученью...
А впрочемъ, ежели ты логики не врагъ,
Обоимъ безъ него намъ обойтись возможно;
Придешь ты къ истинѣ простой и непреложной
Безъ помощи чужой, самъ разсуждая такъ:
«Походитъ нашъ народъ на прочіе народы;
«Подумать, посудить не прочь подчасъ и онъ.
«Хоть это въ немъ порокъ, но вмѣстѣ и законъ
«Людской его природы.
«Уму для жительства предѣловъ не дано;
«Ему лишь былъ бы мозгъ, а чей онъ — все равно.
«Хоть въ этомъ-то и вредъ; хоть я вполнѣ увѣренъ,
«Что миновала бы насъ всякая бѣда
«При раздѣленіи труда:
«Я буду умница, ты будь благонамѣренъ...
«Тогда бы всѣ дѣла пошли не на-авось,
«А къ благу общему безспорно;
«Хоть намъ безъ критики задорной
«Едва ли хуже бы жилось;
«И образъ мыслей быть превратенъ

«Безъ мыслей могъ ли бы едва, —
«Но вѣдь какъ солнце не безъ пятенъ,
«Такъ не безъ мыслей голова».

1892 г.
Стенькино.

* * *

Погода сдѣлала затворникомъ меня.
Морозы лютые, дыханье леденя,
Смѣнили буйное неистовство метелей, —
И такъ упорно шла недѣля за недѣлей.
Сегодня — оттепель на солнцѣ; вѣтеръ стихъ
И на окнѣ ужъ нѣтъ узоровъ ледяныхъ.
Смотрю: живущая въ саду, сосѣдка дома, —
Которая была мнѣ съ осени знакома, —
Явилася опять синица у окна.
Головку приподнявъ и прыгая, она
Мнѣ прямо въ комнату, какъ прежде, заглянула:
«А я-молъ все еще жива!» — и упорхнула.

1892 г.
Стенькино.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

А. М. Жемчужниковъ.

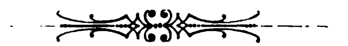
СТИХОТВОРЕНІЯ

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

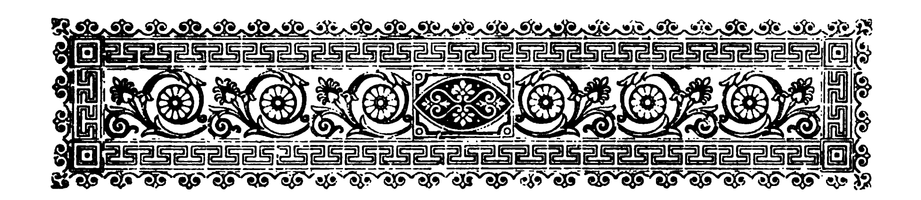
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28

1901

3026

Оглавленіе второго тома.

СТРАННАЯ НОЧЬ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь, 30-ти лѣтъ.

Княгиня, 22-хъ лѣтъ.

Арсеній Семеньічъ Ардатовъ, за 50 лѣтъ,—держится важно и прямо, говоритъ съ самоувѣренностью, сѣдой и завитой, одѣтъ изысканно.

Лакей.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ, близъ Петербурга.

Богато меблированная комната. Двери съ обѣихъ сторонъ. Въ глубинѣ большая отворенная дверь. Направо отъ зрителей каминъ; на немъ часы и зажженныя канделябры. Налѣво письменный столъ и на первомъ планѣ окно. Въ растворенную дверь видна ярко освѣщенная зала, чрезъ которую проходитъ толпа гостей въ бальныхъ платьяхъ. У большой двери, по обѣимъ сторонамъ, стоятъ лакеи въ ливреяхъ. Черезъ нѣсколько времени по поднятіи занавѣса, когда всѣ гости прошли, подходитъ къ двери третій лакей.

I.

ЛАКЕЙ—*обращаясь къ тѣмъ, которые стоятъ у двери.*

Хоть вдовушкой была—дѣвицѣ не уступитъ;
Какъ подаритъ чѣмъ — чтò ни взглянетъ, чтó ни ступитъ.
А свадебныхъ гостей теперь пора за дверь.
И вы подите прочь — по той причинѣ:
Вотъ князь и съ молодой своей княгиней.

II.

Князь и Княгиня.

(*Князь ведетъ княгиню подъ-руку. Онъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ; она въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ. Всѣ три лакея уходятъ и затворяютъ дверь. Князь и княгиня подходятъ на аванъ-сцену.*)

КНЯЗЬ.

Княгиня, мы одни.

КНЯГИНЯ.

Князь, мы одни теперь.

КНЯЗЬ.

Одни мы наконецъ... повѣрьте мнѣ...

КНЯГИНЯ.

Я вѣрю.

КНЯЗЬ.

Вы шутите?

(*Княгиня смотритъ на него, улыбаясь, и жметъ ему руку.*)

Мой милый другъ, повѣрь...
Я вовсе не шучу, ничуть не лицемѣрю,
Но говорю отъ сердца... вѣрь, что я...
Что я люблю тебя безумно, страстно...
Непостижимо... Но напрасно
Я говорю... всего пересказать нельзя...
Ты такъ мила! ты такъ прекрасна!..
Послушай!

КНЯГИНЯ.

Что̀?

КНЯЗЬ.

Ужели ты моя?

КНЯГИНЯ.

Твоя жена.

КНЯЗЬ.

Меня ты любишь?

КНЯГИНЯ.

Очень!

КНЯЗЬ.

Боже!..
Но... мы изъ-подъ вѣнца... а черезъ десять лѣтъ
Ты скажешь: да, люблю немножко... Такъ ли?

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Какъ? ты черезъ десять лѣтъ опять мнѣ скажешь...

КНЯГИНЯ.

То же.

КНЯЗЬ.

Мой другъ, смотри же, помни... Ты сама
Сказала...

КНЯГИНЯ.

Я люблю тебя всей женской страстью
И никогда не разлюблю!

КНЯЗЬ — *цѣлуетъ ея руку и обнимаетъ ее.*

Я счастью
Не вѣрю своему!.. боюсь сойти съ ума!..
О, въ будущемъ намъ сколько наслажденій!..
Не жизнь, а рай судьба готовитъ намъ!..
Съ тобою...

(*Стучатъ у дверей.*)

КНЯГИНЯ.

Тсс! стучатъ!

КНЯЗЬ.

Стучатъ? кто тамъ?

III.

Тѣ же и Лакей.

КНЯЗЬ.

Что̀ надобно тебѣ?

ЛАКЕЙ.

Арсеній
Семеновичъ Ардатовъ.

КНЯЗЬ.

Въ этотъ часъ?

КНЯГИНЯ—*смотритъ на часы.*

Двѣнадцатый.

ЛАКЕЙ—*князю.*

Они желаютъ видѣть васъ.

КНЯЗЬ.

Сказать, что дома нѣтъ.

ЛАКЕЙ.

Я ужъ сказалъ, что дома.
Они на почтовы́хъ подъѣхали сюда.
Должно быть, при разъѣздѣ господа
Имъ не попались ли.

КНЯЗЬ.

Проси.

(*Лакей уходитъ.*)

IV.

Князь и Княгиня.

КНЯЗЬ.

Ты не знакома
Съ Ардатовымъ?

КНЯГИНЯ.

Знакома, такъ, едва...
Я встрѣтилась съ нимъ какъ-то за границей,
Не помню гдѣ, въ Висбаденѣ иль въ Ниццѣ,
Назадъ тому три года или два.
А впрочемъ, можетъ быть, что я и ошибаюсь...
Онъ холостой или женатъ?

КНЯЗЬ.

Женатъ.

(*Лакей отворяетъ дверь.*)

КНЯГИНЯ.

Я васъ должна оставить.

КНЯЗЬ.

Виноватъ.

КНЯГИНЯ.

Но не надолго?

КНЯЗЬ.

Постараюсь.

(*Княгиня уходитъ направо. Ардатовъ показывается въ глубинѣ и останавливается въ дверяхъ. Онъ въ коротенькомъ сюртукѣ, клѣтчатыхъ шароварахъ и пестромъ жилетѣ.*)

V.

Князь и Ардатовъ.

АРДАТОВЪ.

Чтȍ это — раутъ или балъ?
Некстати, можетъ быть, на праздникъ я попалъ
Въ дорожномъ платьѣ и съ душой тревожной...
Что-жъ, князь, войти мнѣ можно, иль не можно?..

КНЯЗЬ.

Ужъ всѣ разъѣхались... Немножко поздно, но —
Я радъ.

(*Ардатовъ входитъ.*)

Здорова ли Елена Николавна?

АРДАТОВЪ — *помолчавъ, смотритъ на него пристально.*

Князь, у меня къ вамъ дѣло есть одно.
О немъ узналъ я лишь недавно, —

Иначе я пріѣхалъ бы давно...
Елена Николавна? Слава Богу!
Мы жили вмѣстѣ всѣ въ деревнѣ, близъ Орла;
Но передъ тѣмъ, чтобъ мнѣ отправиться въ дорогу,
Хандра какая-то вдругъ на нее нашла.

(*Опять смотритъ пристально на князя.*)

Во-первыхъ, князь, — насъ не услышатъ люди?

КНЯЗЬ.

Мы здѣсь одни. Чтò вамъ угодно?

АРДАТОВЪ.

Можно сѣсть?

(*Князь показываетъ ему на кресла. Оба садятся.*)

АРДАТОВЪ—*съ разстановкою.*

Я долженъ вамъ сказать, что... гм!.. но безъ прелюдій...

(*Вынимаетъ изъ кармана письмо и даетъ князю.*)

Вотъ потрудитеся прочесть.

КНЯЗЬ.

Прочесть?

АРДАТОВЪ.

Такъ точно.

КНЯЗЬ—*беретъ письмо.*

Это?

АРДАТОВЪ.

Это.

(*Князь смотритъ на письмо и черезъ нѣсколько времени отдаетъ его Ардатову.*)

АРДАТОВЪ.

Прочли?

КНЯЗЬ.

Прочелъ.

АРДАТОВЪ.

Князь, вы писали?

КНЯЗЬ.

Я.

АРДАТОВЪ.

Къ кому — сказала мнѣ сама жена моя.

КНЯЗЬ.

Отъ непріятнаго избавленъ я отвѣта.

(*Ардатовъ встаетъ, потомъ князь.*)

АРДАТОВЪ—*поправляя воротничекъ.*

Письмомъ вы этимъ, князь, мнѣ запятнали честь.
Я честью не шучу, но дорожу я честью!..
Пятно я смыть хочу!

(*Молчаніе.*)

На это средство есть.

КНЯЗЬ.

Какое?

АРДАТОВЪ.

Я горю враждою къ вамъ и местью!
Смыслъ ясенъ, кажется, въ моихъ словахъ.

КНЯЗЬ.

Стрѣляться мы должны?

АРДАТОВЪ.

Въ пятнадцати шагахъ!
Надѣюсь, вы стрѣляете?

КНЯЗЬ—*оборачивается къ нему и смотритъ на него съ улыбкой.*

Отлично.

АРДАТОВЪ.

Положимъ такъ... но вы—смѣетесь неприлично!
Некстати, князь! Я не шучу!..
Иль васъ убить, иль самъ убитымъ быть хочу.
Безъ малаго я прожилъ ужъ полъ-вѣка.
Пускай умру! но проучу
Я молодого человѣка!..
И этотъ же урокъ послужитъ въ пользу намъ,
Всѣмъ добровольнымъ дуракамъ!
Отъучитъ насъ, между бездѣльемъ и досугомъ,
Съ безпечностью ввѣряться моднымъ львамъ...
Вы дружбу явную питаете къ мужьямъ,
А тайную любовь—къ ихъ молодымъ супругамъ!..

КНЯЗЬ.

Позвольте мнѣ сказать, что вамъ
Я кровной не хотѣлъ нанесть обиды.

АРДАТОВЪ.

Вы говорите это мнѣ-ль?
Какіе-жъ вы имѣли виды?
Какой предлогъ, какую цѣль,
Писавъ къ женѣ моей?.. Дуэль!!..
Вы не хотѣли мнѣ нанесть обиды кровной?
Допустимъ, что до той и не дошло-бъ бѣды...

Мнѣ все равно! мнѣ нѣтъ нужды!
Вѣдь отъ записочки любовной
У васъ,
Увѣренъ я, дошло, само собой, какъ разъ
До слезъ, до мимики условной,
До тайныхъ вздоховъ, милыхъ фразъ,
Стишковъ альбомныхъ и картинокъ,
Миганій разныхъ, нѣжныхъ минокъ,
Ужимокъ сладенькихъ... нѣтъ! нà смерть поединокъ!!

КНЯЗЬ.

Подумайте,—вѣдь вы отецъ!

АРДАТОВЪ.

И мужъ!
За честь жены стоять коли не мнѣ,—кому-жъ?

КНЯЗЬ.

Когда рѣшились вы... Чтò дѣлать... какъ угодно.

АРДАТОВЪ.

А!... слава Богу!.. ну!.. вотъ это благородно!..
Я думалъ, признаюсь, что вы, князь,— виноватъ!—
Отъ дула моего всѣ пятились назадъ.
Но тяжкое теперь съ меня свалилось бремя.
Я радъ, князь, и готовъ...

КНЯЗЬ.

Готовъ я, но не радъ.
Угодно-ль будетъ вамъ назначить мѣсто, время?

АРДАТОВЪ — *подходитъ къ окну и поднимаетъ занавѣсъ.*

За этой рощею, когда вамъ все равно.

КНЯЗЬ.

Мнѣ все равно. Когда?

АРДАТОВЪ.

Пора бы ужъ давно!
Сейчасъ же, — ежели вамъ не противно это.

КНЯЗЬ.

Сейчасъ?

АРДАТОВЪ.

Намъ незачѣмъ ждать свѣта;
Ночь петербургская—какъ полинявшій день...
Смотрите, какъ бѣла, и вмѣстѣ всюду тѣнь.

КНЯЗЬ.

Но развѣ вы не знаете?..

АРДАТОВЪ.

Чего же?

КНЯЗЬ.

Того, что я сейчасъ изъ-подъ вѣнца.

АРДАТОВЪ — *въ радостномъ испугѣ.*

Чтó? чтò?... чтò онъ сказалъ? О, милосердый Боже!..
(*Смотрится въ зеркало.*)
Бьюсь объ закладъ, что нѣтъ на мнѣ лица!..
Постойте!.. на одно мгновенье замолчите!..

КНЯЗЬ.

Ни слова я не говорю.

АРДАТОВЪ—*беретъ князя за руку и подводитъ на самую авансцену.*

Тихонько и точь-въ-точь мнѣ снова повторите.

КНЯЗЬ.

Да, я изъ-подъ вѣнца сейчасъ.

АРДАТОВЪ.

Благодарю!
Я слышалъ ясно, точно, чисто, внятно.
Какъ было грустно мнѣ... такъ мнѣ теперь пріятно!
Не избѣжать вамъ, князь, небеснаго суда!
Стрѣляться будемъ мы!.. Не вѣрилъ никогда
Я безнаказанности преступленій...
Да, за соблазнъ чужой жены
Пускай же будете навѣки лишены
Вы съ собственной женой законныхъ наслажденій!..
Да, да.

КНЯЗЬ.

Вы странны.

АРДАТОВЪ—*не слушая его.*

Да! я знаю-ль ту дѣвицу?..

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, я женился на вдовѣ.

АРДАТОВЪ.

Увы!..
Жену свою храните вы,
Какъ глаза своего зеницу.
Не вѣрю что-то я любви жены-вдовы!..

КНЯЗЬ.

Вы очень странны.

АРДАТОВЪ—*не слушая его.*

О! вѣка златые, гдѣ вы?
Когда невинныя на свѣтѣ жили дѣвы,
Супруги, матери... Все рабски пало ницъ
Предъ нашей современной модой,
И не на шутку мы разссорились съ природой:
У насъ нѣтъ больше вдовъ, нѣтъ женъ и нѣтъ дѣвицъ...
Есть только женщины — безъ всякаго отличья!..
Ну, гдѣ же нравственность? скажите, гдѣ-жъ приличье?..
Нѣтъ! образованность пошла намъ, князь, не впрокъ!

КНЯЗЬ.

Меня клонитъ ко сну невольно,
И философствовать намъ, кажется, довольно...
А чтобъ на вызовъ вашъ я въ срокъ явиться могъ,
Покорнѣйше прошу другой назначить срокъ.

АРДАТОВЪ.

Дуэль!.. я не забылъ!.. и хоть мнѣ очень больно,
Но... завтра, если такъ.

КНЯЗЬ.

Когда?

АРДАТОВЪ.

Хоть въ семь часовъ.

КНЯЗЬ.

Къ услугамъ вашимъ въ часъ, не прежде, я готовъ.
(*Ардатовъ пожимаетъ плечами.*)
Такъ до свиданья.

АРДАТОВЪ.

До послѣдняго свиданья!
(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и возвращается.*)
Дай Богъ, чтобъ васъ убить имѣлъ я завтра честь!

КНЯЗЬ.

Я приложу свое искусство и старанье,
Чтобъ завтра разнеслась о вашей смерти вѣсть.

АРДАТОВЪ—*кланяется и уходитъ почти до самой двери; потомъ, постоявъ немного, возвращается назадъ.*

Итакъ, въ извѣстный часъ и на извѣстномъ мѣстѣ,
Я съ нетерпѣніемъ васъ буду ожидать.

КНЯЗЬ.

Коль не случится вамъ секундой опоздать.
Мы ровно въ часъ сойдемся оба вмѣстѣ.

АРДАТОВЪ—*въ сторону.*

Каковъ!..
(*Послѣ продолжительнаго молчанія.*)
Прощайте, князь.

КНЯЗЬ.

Прощайте.
(*Ардатовъ уходитъ.*)

VI.

КНЯЗЬ.

И пора!
Съ ума сошелъ! хотѣлъ до самаго утра
Меня — женатаго — оставить при невѣстѣ!

Чтó, мизантропъ онъ сталъ иль сдѣлался ревнивъ?
Къ лицу Ардатова все это не пристало.
Вѣдь онъ давно женатъ; а, слава Богу, живъ
И живы всѣ враги его... а ихъ не мало!
И наша съ нимъ дуэль окончится ничѣмъ.
Онъ образумится навѣрно; а межъ тѣмъ
Готовиться къ дуэли все-жъ мнѣ надо!
Такая на него кипитъ во мнѣ досада,
Что примириться съ нимъ не соглашуся я...
Нѣтъ! завтра застрѣлю его, какъ воробья,
Безъ состраданья и пощады!
Теперь... ахъ, да! чуть не забылъ.
(Подходитъ къ стѣнѣ и дергаетъ за звонокъ.)
Мнѣ надо видѣться съ любезнымъ адъютантомъ.
Разнохарактернымъ онъ одаренъ талантомъ:
Онъ шаферомъ моимъ сегодня былъ, —
Пусть будетъ у меня онъ завтра секундантомъ.

VII.

Входитъ съ одной стороны сначала **Лакей**, *а потомъ, съ другой,* **Княгиня** *въ утреннемъ платьѣ.*

КНЯЗЬ—*лакею.*

Карету подавать сейчасъ.

(Лакей уходитъ.)

КНЯГИНЯ.

Куда?

КНЯЗЬ.

Ахъ, Боже мой!..

КНЯГИНЯ.

Ты уѣзжаешь?

КНЯЗЬ.

Да.

КНЯГИНЯ.

Теперь ты уѣзжаешь?!

КНЯЗЬ.

Другъ мой милый!
Съ Ардатовымъ случилася бѣда,
И я...

(*Въ сторону.*)

Который часъ?.. Разстаться съ ней нѣтъ силы!..

КНЯГИНЯ.

Но что̀ съ тобою?.. Ты смущенъ!..
Ты говоришь: съ Ардатовымъ?..

КНЯЗЬ.

Да, онъ...
Онъ долженъ драться на дуэли
И секундантомъ быть просилъ меня.

КНЯГИНЯ.

И ты?

КНЯЗЬ.

Я обѣщался.

КНЯГИНЯ.

Какъ? ужели
Тебѣ сказать ему нельзя...

КНЯЗЬ—*перебивая.*

Нельзя!

КНЯГИНЯ.

Да, предпочесть ему меня вы не хотѣли.

КНЯЗЬ—*беретъ ее за руку.*

Ты знаешь свѣтъ. Жестокъ и самовластенъ онъ.
Самъ онъ судья и самъ законъ.
Изъ правилъ свѣтскихъ нѣтъ ни для кого уступокъ;
За нарушенье ихъ прощенья нѣтъ;
И съ равной строгостью казнитъ холодный свѣтъ
И преступленье, и проступокъ!

КНЯГИНЯ—*смотритъ на него пристально.*

Дуэль Ардатова ужъ не съ тобой ли?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ.
Съ однимъ знакомымъ. Тотъ его обидѣлъ...
Ардатовъ... разсердился... вызвалъ... вотъ...

КНЯГИНЯ.

А онъ тебѣ знакомъ?

КНЯЗЬ.

Ардатовъ? Какъ же!...

КНЯГИНЯ.

Тотъ —
Другой?

КНЯЗЬ.

Случалось, что его я видѣлъ.

КНЯГИНЯ.

Онъ долженъ быть шалунъ большой?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, не скажу... Онъ съ вспыльчивой душой...
Онъ очень вспыльчивъ!..

КНЯГИНЯ.

Но нельзя-ль свой вызовъ
Ардатову потребовать назадъ
И помириться безъ капризовъ?

КНЯЗЬ.

Я признаюсь тебѣ, что былъ бы очень радъ.

КНЯГИНЯ.

Ихъ надо разобрать. Проступокъ ихъ не ровенъ,
И кто-нибудь изъ двухъ вѣдь болѣе виновенъ?

КНЯЗЬ.

Знакомый больше виноватъ.

КНЯГИНЯ.

Положимъ, наконецъ, что вашей свѣтской честью
За слово лишнее, за непріятный взглядъ
Предписано платить кровавой местью...
Но ты вѣдь только секундантъ!
И соблюдаешь вздоръ ты этотъ слишкомъ строго,
И слишкомъ ты большой педантъ...
Не уходи! останься, ради Бога!..
Послушай, я боюся за тебя...

КНЯЗЬ.

Не бойся. Для меня все это ужъ не ново.
Мирить враговъ—судьба моя.
И этихъ помирю.

КНЯГИНЯ.

А слова дать нельзя?

КНЯЗЬ.

Даю—почти—честнóе слово.

КНЯГИНЯ—*улыбаясь.*

Пожалуйста, меня немножко пожалѣй!

(*Князь поспѣшно цѣлуетъ ея руку и хочетъ уходить.*)

КНЯГИНЯ—*протягивая руку.*

Цѣлуйте крѣпче и нѣжнѣе!

КНЯЗЬ—*нѣсколько разъ цѣлуетъ ея руку.*

Спѣшу. Мнѣ надо ѣхать поскорѣй,
Чтобы вернуться поскорѣе.

(*Убѣгаетъ.*)

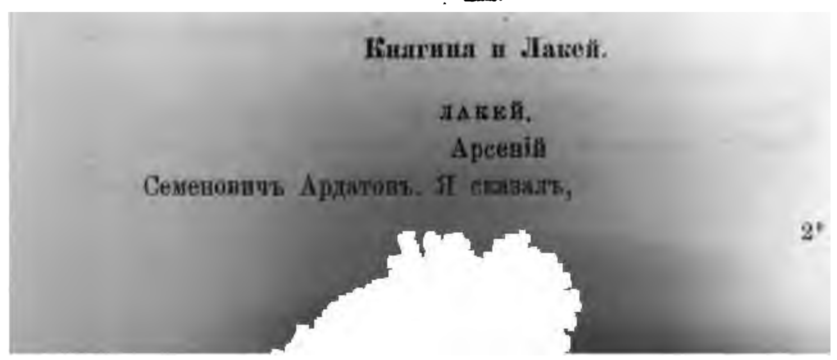
VIII.

КНЯГИНЯ—*смотритъ ему вслѣдъ и задумывается. Небольшое молчаніе.*

Какъ онъ заботится о томъ, чтó скажетъ свѣтъ!
Ужель изъ правѝлъ этихъ глупыхъ нѣтъ
На случай свадьбы исключеній
Для молодой жены!

(*Входитъ лакей.*)

IX.

Княгиня и Лакей.

ЛАКЕЙ.

Арсеній
Семеновичъ Ардатовъ. Я сказалъ,

Что князя нѣтъ; онъ говоритъ на это,
Что вамъ бы передать онъ кое-что желалъ.

КНЯГИНЯ.

Я не могу принять его: я не одѣта.

ЛАКЕЙ.

Войти онъ только проситъ, чтобы могъ
Здѣсь написать вамъ пару строкъ.

КНЯГИНЯ—*указывая на письменный столъ.*

Проси сюда.

(*Лакей уходитъ.*)

X.

КНЯГИНЯ.

Чтò онъ сказать мнѣ можетъ?..

(*Уходитъ.*)

XI.

Ардатовъ и Лакей.

АРДАТОВЪ.

Внезапный мой пріѣздъ княгиню не тревожитъ?

ЛАКЕЙ—*указывая на столъ.*

Вотъ все, чтó нужно вамъ. Когда
Письмо готово будетъ, вы тогда
Извольте позвонить.

(*Уходитъ.*)

XII.

АРДАТОВЪ.

Мужъ вонъ, а я сюда!
Пока все разсуждалъ я, у подъѣзда стоя.
Какое дѣло съ нимъ затѣялъ я пустое!..
Подумавши, себя стыжусь я самого.
Дуэль!.. Ахъ, вздоръ какой!.. За чтò и за кого?..
Мнѣ есть ли выгода?.. Ему какой убытокъ?..
Нѣтъ, слишкомъ молодъ я и черезчуръ ужъ прытокъ!..
Для мщенія другой я способъ отыщу...
И тàкъ я отомщу... О! какъ я отомщу!..
Ни пистолета мнѣ не надобно, ни шпаги:
Мнѣ нужно лишь перо да лоскутокъ бумаги!..

(*Садится за столъ и пишетъ.*)

«Я не имѣю чести васъ знать, княгиня, но вполнѣ увѣренъ, «что вы—идеалъ красоты, образецъ любезности и примѣръ жен«ской добродѣтели. Вы только-что вышли замужъ. Мнѣ жаль «васъ. Знаете ли, кого вы любите или намѣрены любить? При«лагаю при этой запискѣ другую, по которой вы можете судить «о нравственности вашего мужа. Желая избавить васъ отъ «этакаго человѣка, я вызвалъ мужа вашего на дуэль, и не «скрою, что надѣюсь убить его. Извините мнѣ, княгиня, мою «странную выходку. Многіе зовутъ меня оригиналомъ; нѣкоторые «считаютъ меня добрымъ человѣкомъ. Прочитавъ мое письмо, «вы, можетъ быть, согласитесь и съ тѣми, и съ другими».

(*Складываетъ письмо и звонитъ. Лакей входитъ.*)

Княгинѣ передай и попроси отвѣтъ.

(*Лакей уходитъ.*)

Чтò, хорошо придумано иль нѣтъ?
Другъ въ друга влюблены они теперь безмѣрно.
Влюбленная жена спасетъ супруга вѣрно;

От явной гибели и я межъ тѣмъ спасенъ.
Наказанъ славно князь; я славно отомщенъ!..
Вотъ человѣкъ ко мнѣ съ отвѣтомъ.

XIII.

Сначала Лакей, потомъ Княгиня.

ЛАКЕЙ.

Сейчасъ идетъ сама княгиня.

(Уходитъ.)

АРДАТОВЪ.

Каково!..
(*Поправляетъ свой туалетъ. Княгиня входитъ.*)
Княгиня!.. (*Вдругъ отступаетъ.*) Боже мой! кого
Я вижу?.. Вы — жена?.. Да я не зналъ объ этомъ!..

КНЯГИНЯ.

Такъ вы не шутите?

АРДАТОВЪ.

Я ничего
Не зналъ, а то бы...

КНЯГИНЯ.

Вы меня такъ не хвалили
Въ письмѣ?

АРДАТОВЪ.

Проказница, княгиня!.. Вы забыли...
Про все забыли?.. Годъ тому назадъ?..
Княгиня, помните ли Вѣну?

КНЯГИНЯ.

Конечно.

АРДАТОВЪ.

Какъ я васъ, княгиня, видѣть радъ!..
Какую въ васъ я вижу перемѣну!..

КНЯГИНЯ.

Я постарѣла.

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ, прелестны вы!..

КНЯГИНЯ.

Я знаю и безъ васъ, что я не подурнѣла;
Но молода была я для вдовы,
А вотъ теперь немножко постарѣла.

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ, вы похорошѣли!.

КНЯГИНЯ.

Можетъ быть.

АРДАТОВЪ.

Клянусь, вы лучше стали!..

КНЯГИНЯ.

Я не спорю.

АРДАТОВЪ.

Княгиня!.. прошлаго я не могу забыть!..
И чувства прежнія могли-ль во мнѣ остыть?
О! горя новаго къ теперешнему горю
Не прибавляйте... Мнѣ довольно о
О! еслибъ знали вы... изъ серд

На волю рвутся чувства, какъ изъ плѣну!..
Вамъ передать я многое хочу!..
Но вы молчите... я молчу...

КНЯГИНЯ.

Скажите.

АРДАТОВЪ.

Помните ли Вѣну?..

КНЯГИНЯ.

Да помню, Боже мой... и Вѣну мнѣ зачѣмъ
Забыть скорѣе города другого?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ, я хотѣлъ напомнить между тѣмъ...

КНЯГИНЯ.

Объ Вѣнѣ болѣе, пожалуйста, ни слова!..
И станемъ говорить мы о письмѣ теперь.

АРДАТОВЪ.

Позвольте, притворю я прежде эту дверь.

(*Идетъ и затворяетъ ту дверь, которой вошла княгиня; потомъ возвращается. Молчаніе.*)

КНЯГИНЯ.

Ну, что-жъ?

АРДАТОВЪ.

Я думалъ, вы начнете.

КНЯГИНЯ.

А я васъ жду.

АРДАТОВЪ.

Пожалуй, я начну.
Для мужа, обманувшаго жену,
Какое оправданье вы найдете?

КНЯГИНЯ.

Для мужа? но еще онъ не былъ женихомъ...

АРДАТОВЪ.

Ахъ, все равно: уже онъ съ вами былъ знакомъ.

КНЯГИНЯ.

Прельстился онъ душой, умомъ и красотою...

АРДАТОВЪ.

Я этого въ своей женѣ не нахожу,
Особенно когда... когда на васъ гляжу.

КНЯГИНЯ.

Все это непріятно мнѣ... не скрою;
Но я его прощу — въ послѣдній разъ.

АРДАТОВЪ.

Княгиня, между тѣмъ вѣдь кто-нибудь изъ насъ
Теперь, теперь стоитъ у самой двери гроба...

КНЯГИНЯ.

Напрасно. Помиритесь.

АРДАТОВЪ.

Но вѣдь есть
Причина важная... Моя страдаетъ честь.
Пока письмо...

КНЯГИНЯ.

Я разорвала оба.

АРДАТОВЪ.

И будете хранить вы обо всемъ
Глубокое, глубокое молчанье?

КНЯГИНЯ.

Я вамъ даю честное слово въ томъ.

АРДАТОВЪ — *беретъ ее за руку.*

Благодарю. Теперь вотъ вамъ мое признанье,
Вотъ откровенная вамъ исповѣдь моя.
(*Оба садятся.*)
Узнавъ о томъ, о чемъ и вамъ извѣстно, я
Сообразилъ, что мнѣ, по чувству долга
Отца... и прочее... приличья, словомъ...

КНЯГИНЯ.

Да!

АРДАТОВЪ.

Необходимо поспѣшить сюда,
И что не слѣдуетъ откладывать надолго
Все это дѣло... Я сажусь въ дормезъ, спѣшу...
И прямо къ вамъ на дачу пріѣзжаю.
Здѣсь съ княземъ вижусь, объясняю
И—удовлетворенія прошу.
Но примирился-бъ съ нимъ я тотчасъ же, когда бы
Увидѣлъ я, что самъ желаетъ онъ того...
Напротивъ!.. Были такъ его
Совѣты холодны и возраженья слабы!..
Причину-жъ главную скажу я только вамъ:
Да, здѣсь я потому, что надоѣло тамъ.

Пошли дожди и рожь почти уже поспѣла...
Хозяйничать нельзя... нѣтъ никакого дѣла!..

КНЯГИНЯ.

Безъ васъ должны скучать и дѣти, и жена.

АРДАТОВЪ.

У насъ сосѣди есть, — она вѣдь не одна,
И время кое-какъ проводитъ.

КНЯГИНЯ.

Хозяйка, можетъ быть, хорошая она?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ, на хозяйку не походитъ.
Вотъ вамъ образчикъ: урожай хорошъ,
И всѣ довольны этимъ... что-жъ?..
Она все сердится: находитъ,
Что въ полѣ мало васильковъ...
Вотъ на хозяйство взглядъ каковъ!

КНЯГИНЯ.

Такъ васильки она еще все любитъ?

АРДАТОВЪ.

И васильки попрежнему, и... ахъ!
Не только въ городѣ, но даже въ деревняхъ
Она меня срамитъ и губитъ!..
Вы не подумайте, чтобъ это злой языкъ...
Повѣрьте мнѣ! Хотя я къ ней давно привыкъ, —
Подъ старость лѣтъ она шалитъ гораздо пуще!..
Я говорю, что есть, по правдѣ сущей...
(*Княгиня смотритъ на часы; Ардатовъ также.*)
Ужъ первый часъ!

КНЯГИНЯ.

Да; скоро мужъ...

АРДАТОВЪ.

Такъ вотъ,
Княгиня! Стôитъ ли какихъ-нибудь заботъ
Она?.. и за нее ужели
Не грѣхъ мнѣ драться на дуэли?..
Другое дѣло, если бы за васъ...

КНЯГИНЯ.

Тогда бы чтô?

АРДАТОВЪ.

Сейчасъ на смерть бы я рѣшился!
Рѣшился-бъ, говорю, на смерть я тотъ же часъ!..
Велите утонуть? — при васъ бы утопился!
Сгорѣть? — сожгу себя на медленномъ огнѣ!..
Пошелъ бы на войну!.. и не боялся-бъ встрѣчи
Ни пули, ни ядра, ни бомбы, ни картечи!..

КНЯГИНЯ.

Чтô-жъ вамъ такъ нравится во мнѣ?

АРДАТОВЪ.

Все, все, княгиня, все!.. но больше — ваши... плечи!..

КНЯГИНЯ.

Немножко дерзки вы... и очень вы смѣшны!

АРДАТОВЪ.

Но вы не сердитесь?

(*Княгиня встаетъ и смотритъ на часы. Ардатовъ также встаетъ.*)

Вы на часы глядите?

КНЯГИНЯ.

Мнѣ кажется, меня оставить вы должны.

АРДАТОВЪ.

Сейчасъ, княгиня. Прежде мнѣ скажите,
Какого мнѣнія вы обо мнѣ?

КНЯГИНЯ.

Къ чему?

АРДАТОВЪ.

Затѣмъ, что зналъ его я годъ назадъ тому,—
Все то же ли оно?

КНЯГИНЯ.

Вы тотъ же фатъ, Ардатовъ.

АРДАТОВЪ.

Вы прежде, стало быть, любили фатовъ?

КНЯГИНЯ.

Чтó это значитъ?

АРДАТОВЪ.

Такъ.. Про Вѣну я...

КНЯГИНЯ.

Опять!

АРДАТОВЪ.

Нельзя же наконецъ мнѣ Вѣны не назвать,
Когда объ Вѣнѣ говорю... объ Вѣнѣ!..

КНЯГИНЯ.

Мнѣ въ вашей Вѣнѣ скучно было. Тамъ
Я мало встрѣтила знакомыхъ дамъ;

Мужчинъ порядочныхъ еще тамъ было менѣй...
Вы мнѣ понравились тогда...

АРДАТОВЪ—*хочетъ уйти.*

Я ухожу.
Сегодня вы не въ духѣ, вы сердиты.

КНЯГИНЯ.

Постойте. Слушайте-жъ. Я вотъ что̀ нахожу:
Вы такъ всегда къ лицу причесаны, завиты;
Такъ чисто вымыты и гладко такъ обриты;
И съ ногъ до головы вашъ модный туалетъ
Такъ милъ, замысловатъ... и золотой лорнетъ,
И узелъ галстука, и свѣжія перчатки,
Цѣпочка, пуговки, брелоки и печатки,—
Все, все... и даже—вашъ воротничокъ...
Что васъ всегда я видѣть рада,
И поневолѣ мнѣ сознаться надо,
Что вы—премилый... старичокъ!..

АРДАТОВЪ.

Благодарю за шутку вашу злую.
Я мимоходомъ лишь напомню вамъ слегка,
Что нѣкогда вы честь мнѣ сдѣлали большую
Принять письмо—отъ старика.

КНЯГИНЯ.

Письмо?.. ахъ, да!.. письмо!.. вѣдь я совсѣмъ забыла!..

АРДАТОВЪ.

Да! годъ тому назадъ, и—въ Вѣнѣ это было!..

КНЯГИНЯ.

Я принесу его сейчасъ.
Письмо я ваше сохранила.

АРДАТОВЪ.

Вы сохранили?.. О! благословляю васъ...

(*Княгиня уходитъ.*)

XIV.

АРДАТОВЪ.

Не обманулся я: она меня любила!..
Ей написать письмо одно я только могъ;
И пламенной любви единственный залогъ
Она хранитъ... Не правда-ль, это мило?..

XV.

Ардатовъ и Княгиня—*входитъ.*

АРДАТОВЪ.

Нашли?

КНЯГИНЯ—*начинаетъ нѣжно и оканчиваетъ смѣясь.*

Возьмите — вотъ оно.
Въ шкатулкѣ у меня оно ужъ годъ хранилось...
Разстаться съ нимъ мнѣ не хотѣлось; но —
Разстаться съ нимъ я наконецъ рѣшилась:
Возьмите... вотъ оно.

АРДАТОВЪ.

Княгиня, вамъ смѣшно?
Такъ не возьму.

КНЯГИНЯ.

Вы не возьмете?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ.

КНЯГИНЯ.

Я при васъ его сожгу.

АРДАТОВЪ.

Не вѣрю. Что-нибудь другое вы сожжете.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, какъ несносны вы!..

АРДАТОВЪ.

Я васъ понять могу:
Супружескому долгу вы послушны.
Но прежде не были ко мнѣ вы равнодушны!..
Сознайтесь въ этомъ хоть на этотъ разъ...
Безъ этого я не уйду отъ васъ...

КНЯГИНЯ.

Пускай. Положимъ такъ и согласимся въ этомъ;
Но страсть забытая не возвратится вновь.
Возобновленную, постылую любовь
Сравню я съ блюдомъ разогрѣтымъ.
Ардатовъ, кушаньевъ я этакихъ не ѣмъ.
А вы ихъ любите?

АРДАТОВЪ.

Не... не совсѣмъ.

КНЯГИНЯ.

Назадъ письмо возьмите... Возьмите же!.. Ну, что же,
Вы не берете?

АРДАТОВЪ.

Ахъ, какъ много здѣсь картинъ!

КНЯГИНЯ.

Въ послѣдній разъ...

(Входитъ князь и останавливается въ дверяхъ.)

XVI.

Тѣ же и Князь.

КНЯЗЬ.

Кто этотъ господинъ?

КНЯГИНЯ.

Ардатовъ!.. (*увидѣвъ князя.*) Мужъ мой!..
(*Роняетъ письмо.*)
Ахъ!.. письмо!..

АРДАТОВЪ.

О, Боже!..
(*Князь и Ардатовъ бросаются вмѣстѣ къ письму.*)

КНЯЗЬ — *поднявъ письмо.*

Письмо! принадлежитъ оно кому?

АРДАТОВЪ.

Мнѣ.

КНЯЗЬ.

Вамъ?
(*Читаетъ адресъ.*)
Покуда я его по адресу отдамъ.
(*Отдаетъ княгинѣ.*)

АРДАТОВЪ.

Ну, такъ ошибся я... но какъ? не знаю самъ...
(*Въ сторону.*)
Не избѣжать дуэли!.. я наказанъ!..

КНЯЗЬ—*Ардатову.*

Васъ видѣть у себя чему я вновь обязанъ?

АРДАТОВЪ.

Тому, что я былъ очень радъ,
Узнавъ о свадьбѣ... и желалъ поздравить...
Съ княгиней видѣлись...

(*Въ сторону.*)

Не знаю, кàкъ поправить!..

(*Громко.*)

Мы за границей годъ тому назадъ...

КНЯЗЬ.

Опять ошиблись вы. Не два ли.
Иль даже года три?

АРДАТОВЪ.

Помилуйте, едва ли
Годъ будетъ. Мы почти объѣхали весь свѣтъ
Все врозь съ княгинею, но... кажется, зимою
Мы, въ Вѣнѣ встрѣтившись, видались межъ собою.

КНЯЗЬ.

А не въ Висбаденѣ?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ.

КНЯЗЬ.

И не въ Ниццѣ?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ.

(*Въ сторону.*)

Чудакъ! зачѣмъ спросилъ онъ про Висбаденъ, Ниццу?

КНЯЗЬ — *обращаясь къ княгинѣ.*

Чтò это значитъ все?

АРДАТОВЪ—*въ сторону.*

Остался я одинъ.

КНЯГИНЯ—*князю.*

Чтò удивляетъ васъ?

(*Садится въ кресла.*)

АРДАТОВЪ—*громко, смотря на картины.*

Какъ много здѣсь картинъ!

КНЯЗЬ.

Мнѣ кажется, читаемъ мы страницу
Романа глупаго, и что меня
Вы оба сдѣлали — за чтò, не знаю я —
Героемъ глупаго романа.

КНЯГИНЯ.

Я васъ не понимаю.

АРДАТОВЪ.

Это чья
Картина: Рубенса иль Вувермана?

КНЯГИНЯ.

Поль-Поттера...

АРДАТОВЪ.

Оригиналъ?

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, копія.

АРДАТОВЪ.

Не отгадалъ.

(*Князь садится въ кресла и смотритъ молча на Ардатова.*)

АРДАТОВЪ—*замѣтивъ, что князь смотритъ на него, въ сторону.*

Все это кончится, пожалуй, очень худо.

(*Смотря на другія картины, приближается къ двери.*)

КНЯЗЬ—*послѣ нѣкотораго молчанія, вполголоса.*

Чтó-жъ дѣлаетъ онъ здѣсь, невѣжа и нахалъ?
Лакеямъ я велю прогнать его отсюда.

КНЯГИНЯ—*вполголоса.*

Скажите, вы за чтò сердиты на него?

КНЯЗЬ—*такъ же.*

За чтò?

КНЯГИНЯ—*такъ же.*

Вамъ неизвѣстно ничего...

(*Ардатовъ, который въ это время подвигался къ двери, потихоньку уходитъ.*)

XVII.

Князь и Княгиня.

КНЯЗЬ — *вполголоса.*

А я такъ думаю, что слишкомъ много знаю.

КНЯГИНЯ—*такъ же.*

Ардатовъ здѣсь; онъ слушаетъ нашъ споръ,

Чтобъ завтра-жъ разгласить объ этомъ всякій вздоръ;
И будетъ зиму всю — я васъ предупреждаю —
О насъ во всѣхъ гостиныхъ разговоръ.
Межъ европейцами — съ душою африканской
Однимъ вы явитесь, какъ Мавръ венеціанскій;
Другіе, васъ покрывъ насмѣшкой и стыдомъ,
Разсказывать пойдутъ изъ дома въ домъ
О вашей ревности мѣщанской.

КНЯЗЬ—*такъ же.*

Я чувствую...

КНЯГИНЯ—*такъ же.*

Но свѣтъ не разбираетъ чувствъ!
Смѣшную сторону одну онъ только ловитъ.

(*Князь складываетъ руки на груди и принимаетъ положеніе человѣка, рѣшившагося на терпѣніе.*)

КНЯГИНЯ—*послѣ небольшого молчанія, громко.*

Ардатовъ, вы знатокъ и меценатъ искусствъ:
Чтò, академія намъ выставку готовитъ?

(*Молчаніе. Князь и княгиня оборачиваются назадъ въ разныя стороны.*)

КНЯЗЬ И КНЯГИНЯ—*вмѣстѣ.*

Ушелъ!!

КНЯЗЬ — *встаетъ и обращается къ княгинѣ, протягивая руку.*

Письмо!

КНЯГИНЯ.

Зачѣмъ?

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ?.. прочесть.

КНЯГИНЯ.

Не дамъ.

КНЯЗЬ.

И важная причина, вѣрно, есть?

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ никакой. Оно для васъ не интересно.

КНЯЗЬ.

Напротивъ!

КНЯГИНЯ.

Я была вдовою...

КНЯЗЬ.

Мнѣ извѣстно,
Что вы тогда уже вдовою были, но
Тѣмъ интереснѣй мнѣ оно.
Ардатовъ—авторъ?

КНЯГИНЯ.

Да.

КНЯЗЬ.

Навѣрно ужъ умно!
Но знать хочу, какъ слогъ его: тяжелъ иль гибокъ;
Что̀, холоденъ ли онъ, исполненъ ли огня;
Орѳографическихъ не вкралось ли ошибокъ...

Ошибки исправлять, божусь вамъ, страсть моя...
Отдайте мнѣ письмо и не противьтесь долѣ.

КНЯГИНЯ.

Оно написано по-русски.

КНЯЗЬ.

О, тѣмъ болѣ!
Вѣдь эти господа — я очень знаю ихъ —
По части русскаго правописанья
Упорное всегда вели соревнованье
Съ купцами лавокъ мелочныхъ.
Но дайте же письмо скорѣе сами, или...
Я васъ прошу въ послѣдній разъ, —
Не то я силою возьму его отъ васъ!

КНЯГИНЯ—*отдавая ему письмо.*

Нѣтъ, вы возьмете безъ насилій.

(*Князь беретъ письмо, читаетъ его, изъявляя попеременно знаки презрѣнія, гнѣва и сожалѣнія; потомъ бросаетъ его на столъ и нѣсколько времени смотритъ молча на княгиню, скрестивъ руки на груди.*)

КНЯЗЬ.

Въ васъ обманулся я. Кого винить мнѣ въ томъ?
Себя ли? васъ ли?.. я не знаю.
По крайней мѣрѣ я не виноватъ ни въ чемъ
Предъ вами. О, какъ проклинаю
Я заблужденье сердца моего!..
Надеждой сладостной душа была согрѣта —
Найти въ васъ много... Вдругъ найти, взамѣнъ всего,
Въ васъ только женщину большого свѣта,

Иль, просто, ровно ничего!..
Ахъ, это больно, — да, невыразимо больно
Тому, кто лучшаго чего-нибудь искалъ;
Кому новѣйшей львицы идеалъ
Найти въ подругѣ жизни не довольно!
Пусть вашъ изященъ вкусъ и тонъ у васъ хорошъ.
Достоинствъ этихъ я теперь не ставлю въ грошъ!
Тутъ все условно, — и скачки нерѣдки
Изъ чопорныхъ маркизъ въ разгульныя гризетки...
А я васъ такъ любилъ, и такъ вамъ вѣрилъ... Что-жъ!..
И чувствъ возвышенность, и сила убѣжденья,
И мыслей чистота, всѣ клятвы, увѣренья,
Все это — лицемѣріе и ложь!..
И, признаюсь, вы такъ искусно, ловко лгали...
Хитрѣе васъ найдется кто едва ли...

(*Смѣясь.*)

Что Талейранъ! что Меттернихъ!..
Вамъ нипочемъ наука ихъ!..
Какъ объясните вы свое паденье?..
Нѣтъ оправданья вамъ и нѣтъ вамъ извиненья! —
Тутъ прихоть лишь была... тѣмъ хуже, если страсть!..
Ардатовъ!!.. Можно ли такъ низко вамъ упасть?..
Но взглядъ у васъ на все, быть можетъ, новый?..
Для васъ хорошее, дурное — все равно,
И вамъ приличіе — смѣшно!
Всѣ старыя отбросивши оковы,
Быть можетъ, вы, второй Жоржъ Сандъ,
Имѣете особенный талантъ
Софизмомъ разрушать, по требованью моды,
Начала и законъ природы?
Но Леліямъ и въ сказкахъ счастья нѣтъ.
Ихъ высшій взглядъ на этотъ свѣтъ
То слишкомъ розовый, то черезчуръ печальный.
Ахъ, будьте вы умны... не будьте геніальны!

Вы будьте женщиной такой, какъ создалъ Богъ, —
Не той, какою свѣтъ пересоздать васъ могъ!
Всегда прикрытыя притворной маской,
Ужели рождены вы съ цѣлью той,
Чтобъ занимать свой вѣкъ пустой
Съ утра до вечера неумной болтовней,
И съ ночи до утра — безумной пляской?
Холодны ко всему и безполезны всѣмъ,
Ужели мужа вы берете лишь затѣмъ,
Чтобы свободнѣе дурачиться при мужѣ?
А послѣ, что̀ еще постыднѣе и хуже,
Чтобъ, бывши матерью, не понимать
Священнаго значенья слова: мать?..
Мы здѣсь одни и все останется межъ нами, —
По чистой совѣсти скажите мнѣ вы сами:
Что̀ женщина, когда она
Средь мужа и дѣтей не мать и не жена!
А этакихъ я сплошь да рядомъ здѣсь встрѣчаю...
И если вы примѣръ берете съ нихъ,
Такъ знайте же, что женщинъ я такихъ
Жалѣю много, но... но больше презираю!..

(*Княгиня при этомъ словѣ вскакиваетъ съ креселъ и съ гордымъ негодованіемъ смотритъ на князя.*)

Вы оправдать должны обиженную честь.

(*Княгиня молча садится опять въ кресла.*)

Предвидя напередъ всю слабость оправданья,
Вы предпочли хранить холодное молчанье.
Мнѣ случаемъ пришлось одно письмо прочесть;
Но ежели у васъ еще ихъ много есть,
Я вамъ совѣтую собрать и переплесть
Ихъ въ книгу, или даже въ книги,
Гдѣ будутъ ваши всѣ описаны интриги.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Боже мой!.. Да! есть еще письмо одно.
(*Вынимаетъ письмо и даетъ его князю.*)
Читайте громко. Вотъ оно!

КНЯЗЬ—*беретъ письмо и, посмотрѣвъ на него, измѣняется въ лицѣ, бросаетъ его на столъ и садится.*

Я, признаюсь, никакъ не могъ себѣ представить,
Чтобы рѣшился мужъ свою жену безславить.

КНЯГИНЯ.

Ардатовъ пишетъ письма мнѣ;
А вы — Ардатова женѣ!
Какое вы себѣ найдете извиненье —
Теперь спросить васъ очередь моя?!..
Вы смѣли говорить мнѣ о своемъ презрѣньи?..
Нѣтъ, вы не поняли меня.
Себя въ одномъ я только упрекаю,
Въ одномъ меня вы можете винить:
Въ безпечной легкости... да, въ этомъ такъ и быть.
Вины другой я за собой не знаю.
Но я себѣ во вредъ легка,
И никому вреда нѣтъ болѣ...
Изъ легкости за старика
Я вышла замужъ поневолѣ;
Но, не любя его нимало, какъ жена,
Я долгу своему всегда была вѣрна.
И вамъ, и всѣмъ скажу я смѣло:
Хотя онъ былъ больной и скучный человѣкъ,
Но еслибъ онъ прожилъ еще вѣкъ цѣлый,
Была-бъ я та же цѣлый вѣкъ.

Мы вмѣстѣ не жили и года;
Я овдовѣла, и тогда
Неволю тяжкую смѣнила вдругъ свобода;
Но берегла я честь всегда.
Случилося мнѣ разъ, отъ скуки и для смѣха,
Сказать Ардатову нескромныхъ слова два,
Его сейчасъ вскружилась голова;
Въ меня влюбился онъ и ожидалъ успѣха.
На балѣ приняла письмо я отъ него,
Пустую шутку продолжая;
И дома, страстное посланіе читая,
Смѣялась отъ души, и... больше ничего.
Ардатова съ тѣхъ поръ ужъ годъ я не видала;
Но о письмѣ своемъ онъ вспомнилъ черезъ годъ.
Когда ему назадъ письмо я отдавала,
Онъ не бралъ... вы вошли... оно упало...
Вотъ вся исторія письма, и вотъ
Къ Ардатову моей любви простая повѣсть.
(*Встаетъ.*)
Нѣтъ, не запятнана ни честь моя, ни совѣсть!
(*Князь также встаетъ.*)
Теперь хочу я знать, достойны-ль вы...

КНЯЗЬ.

Но я...

КНЯГИНЯ.

Вѣдь васъ я слушала, такъ слушайте меня.
Имѣла, кажется, довольно я терпѣнья.
Вы моего достойны-ль уваженья?
Подумайте, куда васъ страсти завлекли!..
Разборчивѣе васъ встрѣчаются мужчины...
Положимъ, вы сѣдинъ замѣтить не могли,
Но вы замѣтили морщины!

Ихъ даже скрыть нельзя отъ близорукихъ глазъ,
Хоть въ палецъ положи румяна и бѣлила...
Ужель отъ васъ *она* морщины скрыла?

КНЯЗЬ.

Но...

КНЯГИНЯ.

Я молчать просила васъ.
И обратились къ *ней* вы по какимъ причинамъ?
О! тотъ отчаянный поклонникъ дамъ,
Въ комъ даже нѣтъ почтенія—къ лѣтамъ,
И уваженія—къ морщинамъ!
Но, можетъ быть, здѣсь цѣль другая есть:
Не думали-ль путемъ вы этимъ пріобрѣсть
Значенье въ обществѣ и въ свѣтѣ положенье?
Князь, если такъ, не вамъ мнѣ изъявлять презрѣнье?
Во всякомъ случаѣ теперь—всему конецъ.
Въ сужденьяхъ о себѣ я совершенно права:
Идти рѣшившись съ вами подъ вѣнецъ,
Изобличила я предъ всѣми легкость нрава.
Послѣдній это мнѣ урокъ...
Но я наказана ужасно!
Ахъ, еслибъ кто постигнуть могъ,
Какъ я несчастна!.. (*Плачетъ.*)

КНЯЗЬ—*послѣ нѣкотораго молчанія.*

Я сознаюсь, что къ вамъ я былъ несправедливъ,
Некстати вспыльчивъ и ревнивъ.
За извиненія примите вы сознанье!..
Въ свое же оправданье
Скажу, что женщину я эту не терплю;
Но только я возможности не вижу,
Когда мнѣ скажетъ женщина: люблю!
Ей отвѣчать:—а я васъ ненавижу!

КНЯГИНЯ.

Поэтому она виной всему?

КНЯЗЬ.

Всему первоначальною виною.

КНЯГИНЯ.

Чтобъ отъ грѣха ее спасти, вы почему
Предъ ней, какъ здѣсь сейчасъ передо мною,
Всей воли не дали и чувствамъ, и уму,
Чтобъ дерзко высказать суровыхъ истинъ тьму?

КНЯЗЬ.

Вѣдь я прощенія просилъ... Вы не слыхали?

КНЯГИНЯ.

Когда же это? Предо мной
Вы на колѣняхъ не стояли.
Прощенья вы просили?.. Боже мой!..
Вы мнѣ какую-то проговорили фразу
И полагаете, что я
На шею кинусь къ вамъ при первомъ словѣ, сразу?
Со мной такъ поступать нельзя!..
А впрочемъ падайте, пожалуй, на колѣни...
Моей любви къ вамъ прежней нѣтъ и тѣни...
Не вижу вашихъ слезъ! не слышу вашихъ словъ!
И завтра мы должны разстаться!..

КНЯЗЬ — *послѣ непродолжительнаго молчанія.*

Я готовъ.

КНЯГИНЯ.

И навсегда разъѣхаться должны мы.

КНЯЗЬ.

Разстанемся мы завтра, навсегда.

КНЯГИНЯ.

Вамъ это все равно?

КНЯЗЬ.

Что-жъ дѣлать мнѣ, когда
Вы такъ рѣшительны и такъ неумолимы?

КНЯГИНЯ.

Но я вѣдь не шучу.

КНЯЗЬ.

Я тоже не шучу.

КНЯГИНЯ.

Вы рады?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, не радъ.

КНЯГИНЯ.

Но видъ вашъ не печальный, —
Вамъ очень весело.

КНЯЗЬ.

Я развѣ хохочу?

КНЯГИНЯ.

У васъ всегда готовъ отвѣтъ оригинальный.

КНЯЗЬ.

Но это былъ вопросъ.

(*Молчаніе.*)

княгиня.

Теперь я спать хочу.

князь — *подаетъ ей руку.*

Позвольте проводить мнѣ васъ до вашей спальной.

княгиня.

Нѣтъ, спальню я отъ васъ не стану отнимать;
Я въ этихъ креслахъ буду спать.
(*Садится въ кресла.*)

князь.

Вамъ очень безпокойно будетъ.

княгиня.

Не безпокойтесь.

князь.

Но...

княгиня.

Вамъ не пора-ль уйти?

князь.

Васъ рано утромъ шумъ разбудитъ.

княгиня.

Я васъ не слушаю... я сплю уже почти.

князь.

Однако...

княгиня — *разсердившись.*

Но ужель и спать я не свободна,
Гдѣ вздумается мнѣ?

КНЯЗЬ.

Какъ вамъ угодно.

(*Князь начинаетъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Молчаніе.*)

КНЯГИНЯ.

Чтò-жъ? не намѣрены вы спать сегодня лечь?

КНЯЗЬ—*продолжая ходить.*

Я буду здѣсь ходить.

КНЯГИНЯ.

Зачѣмъ?

КНЯЗЬ.

Чтобъ васъ стеречь.

(*Князь продолжаетъ ходить. Долгое молчаніе.*)

КНЯГИНЯ.

На васъ глядѣть смѣшно мнѣ, право!
Вы ходите передо мной,
Какъ передъ будкой часовой,
Вотъ полчаса, налѣво и направо.

(*Князь садится въ глубинѣ комнаты. Опять молчаніе.*)

КНЯГИНЯ.

Какъ мнѣ здѣсь холодно!

КНЯЗЬ—*встаетъ.*

Помочь я вамъ готовъ.
Но какъ,—не знаю!

(*Подходитъ къ столу и беретъ письмо.*)

Вотъ все, чтò можно сжечь за недостаткомъ дровъ.

(*Сжигаетъ письмо на свѣчкѣ и бросаетъ въ каминъ.*)

КНЯГИНЯ.

Что̀ дѣлаете вы?

КНЯЗЬ.

Въ каминъ письмо бросаю.

КНЯГИНЯ.

Письмо? какое? чье?

КНЯЗЬ.

Написанное къ вамъ.

(*Беретъ со стола другое письмо и подаетъ его княгинѣ.*)

А вотъ письмо мое.

КНЯГИНЯ — *беретъ письмо.*

Постойте, я довольно осторожна.
Достойно ли оно быть жертвою огня?

(*Читаетъ.*)

«Пишу я къ вамъ...» Гм! къ вамъ!

(*Даетъ письмо князю.*)

Возьмите; бросить можно.

(*Князь беретъ письмо, сжигаетъ и бросаетъ въ каминъ; потомъ подходитъ къ княгинѣ и становится передъ ней на колѣни.*)

КНЯЗЬ.

Прости меня!

КНЯГИНЯ — *обнимаетъ его.*

Прости меня!

(*Они нѣсколько времени остаются въ объятіяхъ другъ друга.*)

КНЯЗЬ — *поспѣшно встаетъ.*

Ахъ! завтра...

КНЯГИНЯ.

Чтò?

КНЯЗЬ.

Я вспомнилъ о дуэли!

КНЯГИНЯ.

Все кончено. Онъ самъ не хочетъ...

КНЯЗЬ.

И къ чему

Завелъ онъ эту кутерьму?

КНЯГИНЯ.

Въ деревню завтра ѣхать мы хотѣли?

КНЯЗЬ.

Поѣдемъ.

КНЯГИНЯ.

Какъ мы будемъ проводить

Тамъ время?

КНЯЗЬ—*смотритъ на часы, стоящіе на каминѣ.*

Но тебѣ, мой другъ, ужъ не пора ли?..

КНЯГИНЯ.

Объ этомъ мы съ тобой еще не разсуждали.

КНЯЗЬ—*съ нетерпѣніемъ.*

Мы послѣ будемъ говорить.

КНЯГИНЯ.

Пріѣдемъ осенью. Устроимъ все сначала...

КНЯЗЬ.

Тамъ все устроено.

КНЯГИНЯ.

Твой кабинетъ сама
Отдѣлаю. Трудовъ найдется намъ не мало.

КНЯЗЬ.

Увидимъ тамъ.

КНЯГИНЯ.

Придетъ зима...
Представь себѣ, мой другъ, ты это чувство, нѣгу
И наслажденіе, когда, вдвоемъ съ тобой,
Въ саняхъ по рыхлому, сверкающему снѣгу
Мы вихремъ полетимъ на тройкѣ удалой!..

КНЯЗЬ—*съ равнодушнымъ восторгомъ.*

Какъ будетъ весело!..
(*Смотритъ на свои часы.*)
Ты знаешь, часъ который?

КНЯГИНЯ—*не слушая его.*

А длиннымъ вечеромъ, опять съ тобой вдвоемъ,
Мы будемъ иль читать, иль разсуждать...

КНЯЗЬ.

О чемъ?

КНЯГИНЯ.

Ужели мы предмета не найдемъ?
О томъ, чтò въ насъ родитъ сомнѣнье, толки, споры...
О жизни, о любви, поэзіи...

КНЯЗЬ—*прерывая съ нетерпѣніемъ*.

Да, да!

КНЯГИНЯ.

Пріятно будетъ намъ и весело всегда.
Пройдетъ зима, весна, настанетъ лѣто...

КНЯЗЬ.

Лѣтомъ
Пойдемъ искать грибовъ съ лорнетомъ.

КНЯГИНЯ.

Мой другъ, какой прозаикъ ты!
Въ природѣ много такъ величья, красоты!..
Люблю я видъ созрѣвшей, желтой нивы;
Люблю таинственно-шумящій лѣсъ;
Ручей подъ сѣнію плакучей ивы
И синеву далекую небесъ.

КНЯЗЬ.

Согласенъ я: весьма, весьма красивы
Ручей и небо... нечего сказать!
Но... во-время, мой другъ. Теперь... поди ты спать!

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Боже мой, какъ вы учтивы!..

КНЯЗЬ.

Но твой упрекъ несправедливъ.
Съ тобою, другъ мой, я учтивъ.
Быть можетъ, я съ другою дамой
Рѣшился бы всю ночь болтать про всякій вздоръ,
Или душить ее хоть пяти-актной драмой,
Пока не свалится со стула на коверъ...

Но поведеніе мое съ тобой иное.
И несмотря на то, что ты моя жена,
Я вижу, надобно тебѣ покоя,
Отдохновенія и сна.

КНЯГИНЯ — *вставая.*

Ты правъ: я такъ устала, что нѣтъ мочи.

КНЯЗЬ — *даетъ ей руку.*

Я поведу тебя.

КНЯГИНЯ.

Пойдемъ.

(*Князь доводитъ княгиню до двери въ спальную.*)

КНЯГИНЯ — *остановившись у двери, протягиваетъ князю руку.*

Князь, пожелайте мнѣ спокойной ночи.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ?

КНЯГИНЯ.

Такъ слѣдуетъ.

КНЯЗЬ.

Нужды нѣтъ вовсе въ томъ!

КНЯГИНЯ.

Какъ нѣтъ нужды?

КНЯЗЬ — *показывая ей на окно.*

Смотри. Теперь ужъ день; а днемъ
Спокойной ночи не желаютъ.

(*Княгиня, смѣясь, даетъ ему поцѣловать свою руку. Князь цѣлуетъ. Княгиня уходитъ.*)

XVIII.

князь—*выходитъ на аванъ-сцену и обращается къ зрителямъ.*

Бываютъ женщины и съ сердцемъ, и съ умомъ,
Но безъ кокетства—не бываютъ!

(*Занавѣсъ опускается.*)

1850 г.

СУМАСШЕДШІЙ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Горская, вдова.
Князь Порѣцкій.
Валунинъ.
Скураповъ.
Графъ Касимовъ.
Колязинъ.
Баронъ фонъ-Блуменбахъ.
Леденцовъ, офицеръ.

Дѣйствіе происходитъ у графини Горской.

Маленькая гостиная у графини. Дверь посрединѣ и по сторонамъ. На правой сторонѣ отъ зрителей, ближе къ аванъ-сценѣ, диванъ; передъ нимъ большой круглый столъ съ чайнымъ приборомъ и всѣмъ, что подается къ чаю; около стола нѣсколько креселъ и стульевъ. Налѣво: на аванъ-сценѣ каминъ; болѣе въ глубинѣ небольшой диванъ и кресла около круглаго стола, покрытаго книгами, альбомами и кипсеками. Всѣ свѣчи, какъ въ люстрахъ, такъ и въ канделябрахъ, зажжены. Каминъ топится; на немъ часы и вазы; на стѣнахъ, между зеркалами, множество фигуръ изъ саксонскаго фарфора.

I.

Чрезъ нѣсколько времени по поднятіи занавѣса изъ лѣвой двери выходитъ графиня, одѣтая почти такъ, какъ одѣваются на балъ; она держитъ перчатки. Войдя на сцену, она смотрится въ зеркала, въ которыхъ отражается со всѣхъ сторонъ.

ГРАФИНЯ.

Онъ побѣжденъ. Нельзя не полюбить меня!
На этотъ вечеръ мой успѣхъ упроченъ.
Да! что-нибудь одно изъ двухъ навѣрно: я
Иль очень хороша, иль ошибаюсь—очень.
Но цѣлый годъ прошелъ. Кто знаетъ—длинный годъ
Какъ много чувствъ и думъ съ собою унесетъ?
Быть можетъ, одному приличію послушный,
Онъ не спѣшитъ и ждетъ свиданья равнодушно...
(*Смотритъ на часы.*)
Одиннадцатый часъ!.. Пора!..
Не ѣдетъ,—будто бы мы видѣлись вчера..
(*Садится. Небольшое молчаніе.*)
Что онъ влюбленъ въ княжну Алину, слухъ носился,
И говорили, что княжна,
По приказанію княгини, влюблена...
Но я не думаю, чтобъ онъ въ нее влюбился!
Влюбляться въ глупенькихъ княженъ
Прилично мальчикамъ — а онъ...
Его разсчета я совсѣмъ не понимаю!
И кромѣ свѣжести, что̀-жъ есть въ ней? я не знаю!
Всѣ дѣвочки вѣдь свѣжи такъ,
Какъ мы бываемъ отъ мороза...
Ихъ красота—здоровья знакъ.
(*Встаетъ и смотрится въ зеркало.*)
Совсѣмъ не отъ любви онѣ цвѣтутъ какъ роза!
(*Черезъ нѣсколько времени опять садится.*)

Во всемъ натянутость, наивность и боязнь!
А подъ вѣнецъ идутъ — какъ будто бы на казнь!
Для поэтической души — какая проза!
Нѣтъ, не трудитесь, бѣдная княжна!..

(Послѣ небольшого молчанія.)

Весь вечеръ, кажется, я просижу одна.

(Встаетъ и беретъ книгу со стола.)

Вотъ кстати — объ уединеньи.

(Садится около камина.)

Начну читать...

(Начинаетъ читать со вздохомъ. Молчаніе. Черезъ нѣсколько времени слышенъ звонокъ, которымъ извѣщаютъ на лѣстницѣ о пріѣздѣ гостей.)

Звонятъ! Не онъ ли?

II.

Изъ средней двери входитъ Валунинъ во фракѣ, черномъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ.

ГРАФИНЯ—*въ сторону.*

Такъ и есть! *(громко.)*
А! Наконецъ! *(Подаетъ ему руку.)*

ВАЛУНИНЪ—*пожавъ графинѣ руку.*

Почти тотчасъ по возвращеньи
Заѣхать къ вамъ вчера уже имѣлъ я честь.
Васъ дома не было.

ГРАФИНЯ.

Я очень сожалѣла.
Вы вѣрно на зиму пріѣхали сюда,
Чтобы разсѣяться?

ВАЛУНИНЪ.

Нѣтъ. У меня есть дѣло.

ГРАФИНЯ.

Такъ вы не надолго?

ВАЛУНИНЪ.

Быть можетъ, навсегда.

ГРАФИНЯ.

Я буду видѣть васъ... Я рада...

ВАЛУНИНЪ—*кланяясь.*

Я — тѣмъ болѣ.

ГРАФИНЯ.

А дѣло — важное?

ВАЛУНИНЪ—*садясь возлѣ графини.*

Въ немъ — вся судьба моя.

ГРАФИНЯ—*съ любопытствомъ.*

И только ваша?

ВАЛУНИНЪ.

Нѣтъ, и прочихъ поневолѣ.

ГРАФИНЯ—*съ возрастающимъ любопытствомъ.*

А счастье?

ВАЛУНИНЪ.

Унывать зачѣмъ? Надѣюсь я!..

ГРАФИНЯ—*въ сторону.*

Влюбленъ! Вопросъ: въ кого?

ВАЛУНИНЪ.

Вамъ это не понятно?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ.

ВАЛУНИНЪ—*таинственно.*

Новую мнѣ Богъ обязанность послалъ!

ГРАФИНЯ—*смотря пристально на него.*

Какую?

ВАЛУНИНЪ.

Можетъ быть, я много ужъ сказалъ...

ГРАФИНЯ—*тихо и потупивъ глаза.*

Она—пріятна вамъ?

ВАЛУНИНЪ—*съ неудовольствіемъ.*

Отчасти непріятна!

ГРАФИНЯ—*съ удивленіемъ.*

Такъ вы не рады ей?

ВАЛУНИНЪ—*съ восторгомъ.*

И вмѣстѣ очень радъ!

ГРАФИНЯ.

Вы мучите меня, Валунинъ.

ВАЛУНИНЪ

Виноватъ.

ГРАФИНЯ—*улыбаясь насмѣшливо.*

Послѣдній вамъ вопросъ: для службы?..

ВАЛУНИНЪ —*прерывая.*

Не для службы.

ГРАФИНЯ.

Чтò-жъ это?

ВАЛУНИНЪ.

Тайна!

ГРАФИНЯ.

А!..

ВАЛУНИНЪ.

Да.

ГРАФИНЯ—*съ неудовольствіемъ.*

Тайна!..

ВАЛУНИНЪ — *послѣ небольшого молчанія.*

Но изъ дружбы,
Давнишней нашей вамъ я все сказать рѣшусь.

ГРАФИНЯ—*въ сторону.*

Узнать мнѣ хочется, а слушать я боюсь!

ВАЛУНИНЪ.

Носился слухъ,—и не безъ основанья...

III.

На лѣстницѣ раздается звонокъ и въ то же время у портьеры средней двери показывается князь Порѣцкій въ мундирѣ. По быстрому движенію, съ которымъ онъ открылъ портьеру, видно, что онъ бѣжалъ по лѣстницѣ и спѣшилъ войти къ графинѣ. Онъ на минуту останавливается у двери, смотря на графиню и Валунина, потомъ медленно подходитъ, кланяется графинѣ и даетъ Валунину руку.

КН. ПОРѢЦКІЙ — *Валунину.*

Васъ встрѣтить здѣсь я ожидалъ
И вижу, что мое сбылося ожиданье!
(*Смотря на туалетъ графини.*)
Графиня, кажется, вы ѣдете на балъ?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ.

ВАЛУНИНЪ—*встаетъ.*

Прогоните насъ.

ГРАФИНЯ.

Садитесь.

ВАЛУНИНЪ—*садясь.*

Я не зналъ,
Что гдѣ-нибудь сегодня есть собранье.

ГРАФИНЯ.

У князя Свирскаго танцуютъ.

ВАЛУНИНЪ.

Виноватъ:
Я только-что теперь замѣтилъ вашъ нарядъ.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Я дѣлаю совсѣмъ противное сознанье:
Прелестный туалетъ вашъ съ головы до ногъ
Я съ перваго замѣтилъ взгляду.

ВАЛУНИНЪ.

Графини красоты не видѣть я не могъ,
Но не отнесъ ее къ наряду.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Однако...

ГРАФИНЯ.

Этотъ споръ я разрѣшу сейчасъ.
Я вовсе не на балъ одѣлась, а для васъ.
(*Послѣднія слова графиня сказала, не обращаясь ни къ Валунину, ни къ князю.*)

КН. ПОРѢЦКІЙ—*кланяясь.*

Для насъ! Графиня!

ГРАФИНЯ.

Князь! надѣюсь, вы поймете,
Что вечеромъ гостей нельзя мнѣ принимать
Въ нарядѣ утреннемъ или въ ночномъ капотѣ.
Но впрочемъ, еслибъ мнѣ не вздумалось читать,
Я соблазнилась бы весельемъ шумнымъ бала.
(*Смотритъ на Валунина.*)
Я все была одна, и мнѣ такъ грустно стало!

ВАЛУНИНЪ.

А чтò читали вы?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Газеты иль романъ?

ГРАФИНЯ — *показывая книгу, которую читала.*

Вотъ.

КН. ПОРѢЦКІЙ — *беретъ и смотритъ книгу.*

Объ уединеньи!.. Циммерманъ!..

ВАЛУНИНЪ.

Въ немъ много юмора и много наблюденья.

ГРАФИНЯ.

На всѣ сердечные вопросы есть отвѣтъ.
(*Князю.*) Согласны вы со мною?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ.
И въ эту книгу я, какъ плодъ моихъ замѣтъ,
О женщинѣ одно включилъ бы размышленье:
Я вѣрю, что она свободна и одна —
Покуда свѣтскою толпой окружена.
Когда-жъ полюбится ей вдругъ уединенье,
То это значитъ...

ГРАФИНЯ.

Влюблена?..

КН. ПОРѢЦКІЙ.

...Что одиночество не любитъ ужъ она.
Такъ точно вы...

ГРАФИНЯ.

Уже готово примѣненье?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Все ждали, — сами вы сказали намъ сейчасъ, —

Чтобы скорѣй пришелъ къ вамъ кто-нибудь изъ насъ,
Не такъ ли?

ГРАФИНЯ -*съ неудовольствіемъ.*

Да; но...

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Но?..

ГРАФИНЯ.

Я васъ не ожидала.
(*Князь Порѣцкій встаетъ.*)

ГРАФИНЯ—*учтиво.*

Я думала ко мнѣ пріѣдете вы съ бала.
(*Князь садится.*)

ГРАФИНЯ—*въ сторону.*

Все видитъ.

ВАЛУНИНЪ.

Надобно въ деревнѣ намъ пожить,
Чтобъ одиночество узнать и полюбить.
Природа надо мной имѣетъ столько власти,
Что ей подчинены и мысль моя, и страсти.
Мы дружны съ ней. Она угрюма—мраченъ я.
Заблещетъ солнышко—свѣтлѣй душа моя.
Гуляя по лѣсамъ и по лугамъ цвѣтистымъ,
Я къ одиночеству спокойному привыкъ.
Я началъ понимать умомъ и сердцемъ чистымъ
Природы ѡбразный, загадочный языкъ.
Лучъ солнца, ночи тьма, дыханіе растенья,
Немолчный звукъ волны, въ вѣтвяхъ шумящій листъ,
Душистый вѣтерокъ и бури грозный свистъ —

Полны глубокаго и тайнаго значенья.
Но, къ созерцанію свой разумъ пріучивъ,
Мнѣ кажется, я сталъ и дикъ, и молчаливъ.
(*Графинѣ.*) Бывало, съ вами я любилъ вести бесѣду.
Вы помните, когда тоска мнѣ давитъ грудь,
Чтобы утѣшиться и сердцемъ отдохнуть,
Я отъ себя бѣгу и къ вамъ, графиня, ѣду.
И вотъ, межъ насъ борьба надеждъ, сомнѣній, думъ!
Мой горькій опытъ, ваши грезы,
Мой здравый смыслъ, вашъ гибкій умъ,
Веселость, злость, улыбка, слезы,
Согласіе въ одномъ, въ другомъ упорный споръ...
И долго за̀ полночь идетъ нашъ разговоръ.
Одно сравненіе здѣсь можетъ быть на мѣстѣ:
Съ природой заодно настроивъ мысль мою,
Я одногласный съ ней хоралъ иль гимнъ пою.
Когда-жъ бесѣдую я съ вами вмѣстѣ,
Мы составляемъ...

КН. ПОРѢЦКІЙ—*прерывая.*

Что̀? чувствительный романсъ?

ВАЛУНИНЪ—*встаетъ и обращается къ графинѣ.*

Для васъ я не ищу такихъ подобій скудныхъ...
Аккорды полные иль звучный диссонансъ
Бетховена симфоній чудныхъ!

КН. ПОРѢЦКІЙ—*занимаетъ мѣсто Валунина подлѣ графини и обращается къ ней съ улыбкой, показывая на Валунина.*

Поэтъ!

ВАЛУНИНЪ—*садясь на мѣсто князя.*

Я за собой еще не зналъ того.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Васъ посѣтило вдохновенье.

ВАЛУНИНЪ.

За вѣрность моего сравненья
Графиня мнѣ проститъ всю чопорность его.

ГРАФИНЯ.

Вы мнѣ напомнили такъ живо все, чтò было...
Дни нашихъ дружескихъ бесѣдъ...
Ахъ!..

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Чтò пройдетъ, тò будетъ мило.
(*Вполголоса.*) Но чтò прошло, того ужъ нѣтъ.
Горюя съ вами такъ о дорогой утратѣ,
Къ извѣстному стиху прибавилъ свой я кстати.

(*Молчаніе. Графиня и Валунинъ въ задумчивости. Князь смотритъ на обоихъ.*)

КН. ПОРѢЦКІЙ—*смѣясь.*

Мы веселы, какъ на похоронахъ.
Молчимъ. Сосѣдъ глядитъ печально на сосѣда,
(*Смотритъ на Валунина.*)
Съ улыбкой горькою... (*на графиню*), съ слезами на глазахъ.
Молчанье я прерву. Я прямо отъ обѣда.

ГРАФИНЯ.

Кто былъ тамъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Между прочими была
Княжна Алина... Какъ похорошѣла, Боже!

ВАЛУНИНЪ.

Она была всегда мила,
Но лучше стала, я замѣтилъ это тоже.

(*Графиня смотритъ со вниманіемъ на Валунина.*)

КН. ПОРѢЦКІЙ — *графинѣ, показывая на Валунина.*

Мы у княгини встрѣтились вчера.
Вѣдь ей — то-есть княжнѣ — ей замужъ вѣдь пора!
Но впрочемъ дѣло не въ княжнѣ Алинѣ,
Всѣ за обѣдомъ, всѣ — при мнѣ твердили вслухъ,
Что будто я хочу жениться на графинѣ...

ГРАФИНЯ.

Какъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Мнѣ понятенъ вашъ испугъ.
Всегда на выдумки скора людская злоба, —
Но, видно, подали къ тому мы поводъ оба!..

ГРАФИНЯ.

Что-жъ отвѣчали вы?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Я — болѣе молчалъ.

ГРАФИНЯ.

Молчали? Это не довольно!

ПОРѢЦКІЙ.

случилося невольно,
о томъ мечталъ.

Вѣдь это истина, и я не лицемѣрилъ;
А если бы солгалъ, никто-бъ мнѣ не повѣрилъ.
За что-жъ вы сердитесь?

ГРАФИНЯ.

Я не сержусь.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Такъ дайте руку мнѣ. Я васъ прошу!

(Графиня даетъ ему руку нехотя. Онъ ее цѣлуетъ.)

Клянусь,
Когда не сердитесь, вы во сто разъ прелестнѣй!..

ГРАФИНЯ—*отнимая руку.*

Но нѣтъ ли новости другой?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Поинтереснѣй?
Какую-жъ новость мнѣ сказать бы вамъ! Ахъ, да.
Нарочно для нея пріѣхалъ я сюда.
Сегодня вечеръ вашъ. Народу будетъ много,
Хоть балъ есть въ городѣ. Внимательно и строго
За вашими гостьми старайтесь наблюдать.

ГРАФИНЯ.

Зачѣмъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Я важную вамъ новость объявляю:
Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума.

ГРАФИНЯ.

Кто-жъ это?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Знаю,
Но не скажу,—и отгадать
Обоимъ вамъ предоставляю.

ВАЛУНИНЪ.

Задача намъ!

ГРАФИНЯ.

Меня перепугали вы.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Онъ очень скроменъ, тихъ и смиренъ, но—увы!
(*Показываетъ на голову.*)

ВАЛУНИНЪ.

Совсѣмъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Неизлѣчимъ.

ГРАФИНЯ.

Давно?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Весьма недавно.
И сумасшествіе не страшно, но забавно.
(*Встаетъ и смотритъ на часы.*)
Прощайте; мнѣ пора на балъ.
Племянника я въ свѣтъ ввожу и представляю,
И безъ меня, бѣдняжка, онъ пропалъ,
Коли на помощь опоздаю.

ВАЛУНИНЪ.

А заданный вопросъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Назадъ я поспѣшу,—
И если не рѣшенъ, то я вамъ разрѣшу.

(*Уходитъ.*)

IV.

Графиня встаетъ и подходитъ къ чайному столу.

ВАЛУНИНЪ.

Вотъ и занятье есть вамъ сверхъ обыкновенья.

ГРАФИНЯ.

Объ обществѣ сейчасъ я думала сама.
Какое грустное, однако, положенье!
Чтобъ намъ доставить развлеченье,
Обязанъ кто-нибудь для насъ сойти съ ума.
Оставимъ это. Я желаю продолженья
Разсказа вашего.

(*Начинаетъ разливать чай. Валунинъ садится возлѣ нея.*)

ВАЛУНИНЪ.

Извольте. Есть ужъ годъ
Тому, какъ въ Петербургѣ слухъ носился,
Что... (*На лѣстницѣ звонятъ.*)
Исповѣдь опять прервать я долженъ. Вотъ
Одинъ изъ сумасшедшихъ къ вамъ явился.

V.

Входитъ баронъ фонъ Блуменбахъ. Онъ въ бѣломъ галстукѣ. Лицо его озабочено, взглядъ презрителенъ, манеры высокомѣрны. Онъ подходитъ къ графинѣ, молча жметъ ей руку и киваетъ головой Валунину.

ГРАФИНЯ.

Чтó новаго?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Не знаю.

ГРАФИНЯ.

Ничего!
Сегодня вы скромны. (*Молчаніе.*)
Хотите чаю?

Б. БЛУМЕНБАХЪ—*садится.*

Пожалуй.

ГРАФИНЯ—*наливая ему чаю.*

Вы не въ духѣ. Отчего?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Не знаю.

ГРАФИНЯ.

Чтò-жъ вы знаете?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Не знаю.

ГРАФИНЯ.

Ужель не знаете, что нелюбезны вы?
Сегодня вечеромъ, со мной, по крайней мѣрѣ?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Я?

ГРАФИНЯ.

Не вскружили-бъ мнѣ вы прежде головы,
Не сожалѣла бы теперь я о потерѣ
Любезности всегда пріятной мнѣ, баронъ.

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Я недоволенъ самъ собою,
А больше, чѣмъ собой, докучливой судьбою.

ГРАФИНЯ.

За что?

В. БЛУМЕНБАХЪ.

За то, что я на этотъ свѣтъ рожденъ,
Къ несчастію, подъ столь счастливою звѣздою.

ГРАФИНЯ.

Не понимаю васъ.

В. БЛУМЕНБАХЪ—*послѣ небольшого молчанія.*

Вся жизнь моя есть сонъ,
Исполненный любовныхъ приключеній...
Вездѣ мнѣ слышатся признанья и мольбы,
Вездѣ разставлены мнѣ сѣти искушеній!..

ГРАФИНЯ.

Вы правы. Вамъ нельзя не проклинать судьбы,
И на нее, баронъ, сердиты вы за дѣло.

В. БЛУМЕНБАХЪ.

Нѣтъ, не шутя, мнѣ жизнь такая надоѣла.
Я — женщинъ вѣчный рабъ. Свободы ни на мигъ!
Мнѣ кажется, по мнѣнью ихъ,
Мои способности такъ низки,
Что созданъ для одной я съ ними переписки!
Я, утро каждое едва глаза открывъ,
Читаю письма... что-жъ! вѣдь отвѣчать обязанъ...
Ну, словомъ, по рукамъ и по ногамъ я связанъ!
(*Вынимаетъ изъ кармана письмо.*)
Сейчасъ я получилъ отвѣтъ на мой разрывъ.
(*Обращаясь къ графинѣ и Валунину.*)
Прошу, чтобъ между насъ однихъ все это было.
(*Показываетъ письмо.*)

Слезъ больше, нежели чернила!
Прислала не письмо, а носовой платокъ!
Все заученое! упреки, клятвы тѣ же...

(Вынимаетъ изъ кармана цвѣтокъ.)

А вотъ вамъ свѣженькій цвѣтокъ изъ ручки свѣжей
Дѣвицы свѣженькой, свѣжѣе, чѣмъ цвѣтокъ!
(Графинѣ.) Вы эту знаете дѣвицу.
Онъ стоитъ, чтобъ его заткнуть въ мою петлицу.

(Затыкаетъ его въ петлицу и встаетъ.)

Мнѣ очень жаль ее! На ней я не женюсь...
Женитьбы, какъ цѣпей желѣзныхъ, я боюсь!
Зато охотницы до титла баронесы
Произвели меня въ опасные повѣсы,
Въ угоду маменькамъ и тетушкамъ своимъ...

(На лѣстницѣ слышенъ звонокъ.)

Прошу, чтобъ между насъ однихъ все это было!..

VI.

Скурāповъ, въ бѣломъ галстукѣ, идетъ, скользя по полу, прямо къ графинѣ.

СКУРАПОВЪ.

Позвольте ручку мнѣ. *(Цѣлуетъ у графини руку.)*
Вѣдь я — ancien régime!
Обыкновеніе мнѣ это очень мило. *(Кланяется другимъ.)*
Баронъ! Monsieur Валунинъ! Какъ я радъ!
Вы къ намъ откудова?

ВАЛУНИНЪ.

Я прямо изъ деревни.

СКУРАПОВЪ.

Я зналъ, я зналъ, что вы прiѣдете назадъ,
Что вамъ наскучатъ бытъ и мѣстности губерній.

VII.

На лѣстницѣ звонятъ. Входитъ Колязинъ. Онъ во фракѣ съ чернымъ, небрежно повязаннымъ галстукомъ, въ черномъ же жилетѣ и безъ перчатокъ. Его походка лѣнива и небрежна; волосы не причесаны. Онъ едва кланяется графинѣ и прочимъ.

КОЛЯЗИНЪ.

Я, отобѣдавши въ компанiи мужчинъ,
Отправился въ театръ; другихъ вѣдь нѣтъ причинъ
Смотрѣть на авторовъ и на актеровъ русскихъ,
Какъ отдыхъ послѣ винъ и трюфелей французскихъ.
Комедiю въ стихахъ давали; не слыхалъ!
Я, убаюканный стихами, задремалъ, —
Но вдругъ встревоженъ былъ куплетомъ водевильнымъ,
Одобреннымъ въ райкѣ рукоплесканьемъ сильнымъ;
Потомъ разбуженъ былъ въ другой и въ третій разъ...
И потому прошу, графиня, позволенья
Въ спокойной тишинѣ докончить мнѣ у васъ
Послѣобѣденный процессъ отдохновенья.
(*Садится въ кресло, возлѣ камина.*)

ГРАФИНЯ.

Какъ вы учтивы!

КОЛЯЗИНЪ.

Я? сегодня какъ всегда!..
(*Протягиваетъ ноги и разваливается въ креслахъ.*)

VIII.

Звонятъ. Входитъ Леденцовъ, офицеръ. Его движенія быстры, но не рѣзки и довольно порядочны; онъ раскланивается съ большой ловкостью. На его лицѣ постоянная улыбка, весьма значительная и отчасти таинственная.

ГРАФИНЯ — *Леденцову.*

Вы не на балѣ?

ЛЕДЕНЦОВЪ.

Я хочу отъ васъ туда.
Какая оттепель! Идетъ и дождикъ даже!
Когда по Невскому сегодня я гулялъ,
То съ моря вѣтеръ предсказалъ.

СКУРАПОВЪ.

Я герметически закрытъ былъ въ экипажѣ.
Пѣшкомъ же не люблю ходить. Изъ-за чего
Таскаться буду я, какъ пилигримъ, по свѣту?
Даны намъ ноги для того,
Чтобы влѣзать удобнѣе въ карету.
(*Леденцовъ хохочетъ. Всѣ на него оборачиваются.*)

КОЛЯЗИНЪ — *Скурапову.*

Чтò, поваръ вашъ каковъ?

СКУРАПОВЪ.

Я недоволенъ имъ.
Вѣдь я и въ кушаньяхъ держусь ancien régime.

IX.

Звонять. Входить графъ Касимовъ, въ бѣломъ галстукѣ. Онъ держится прямо и чопорно. Одѣтъ очень хорошо. Его платье совершенно англійскаго покроя. У него особенно замѣчателенъ тщательный проборъ на головѣ, который продолжается и на затылкѣ.

ГРАФЪ КАСИМОВЪ—*кланяясь графинѣ.*

Я съ бала.

ГРАФИНЯ.

Кто тамъ есть?

ГР. КАСИМОВЪ.

Баловъ царицы нѣту,
И вы замѣтны тамъ отсутствіемъ своимъ.
А впрочемъ съ роскошью, со вкусомъ всѣ одѣты;
Народу тьма. Оркестръ хорошъ. Свѣтло какъ днемъ.
Я осмотрѣлъ въ лорнетъ людей и туалеты,
Потомъ поговорилъ кой съ кѣмъ и кой о чемъ.

ГРАФИНЯ.

Садитесь.

(*Гр. Касимовъ садится у чайнаго стола.*)

КОЛЯЗИНЪ.

Я забылъ, какъ носятъ галстукъ бѣлый.
Для бала юноша я сталъ ужъ слишкомъ зрѣлый.
Чтобъ танцы посмотрѣть,—на то у насъ балетъ.

(*Обращаясь къ графинѣ.*)

И вы найдете тамъ, чего на балѣ нѣтъ.

(*Леденцовъ хохочетъ. Всѣ на него смотрятъ.*)

ВАЛУНИНЪ —*который въ это время подходилъ къ столу съ книгами и разсматривалъ ихъ, подходитъ къ графинѣ и, будто показывая ей книгу, говоритъ вполголоса.*

Графиня, мнѣнія покуда вы какого?

ГРАФИНЯ.

Въ пріемахъ странность есть у двухъ.
(*Показываетъ глазами на Скурапова и Колязина.*)

ВАЛУНИНЪ.

Да.

ГРАФИНЯ.

Блуменбахъ
Мнѣ страннымъ кажется въ пріемахъ и въ словахъ.
Страннѣе же всего мнѣ хохотъ Леденцова.

ГР. КАСИМОВЪ.

Валунинъ, можно мнѣ отвлечь васъ на два слова.
(*Валунинъ обращается къ нему.*)
Вы много ѣздили?

ВАЛУНИНЪ.

Я въ разныхъ былъ мѣстахъ.

ГР. КАСИМОВЪ.

Съ собой не привезли вы путевыхъ замѣтокъ?

ВАЛУНИНЪ.

Нѣтъ.

ГР. КАСИМОВЪ.

Очень жаль. Вашъ умъ остеръ и взглядъ вашъ мѣтокъ.
Вѣдь вамъ случалось быть проѣздомъ въ городахъ
И селахъ... потому къ вамъ обращусь съ вопросомъ:
Видали-ль вы вблизи, иль хоть издалека,
Рыжеволосаго, большого мужика,
Лѣтъ тридцати-пяти, худого, съ длиннымъ носомъ,
Чтобъ былъ онъ съ виду глупъ, неловокъ и лѣнивъ,
А въ обращеньи грубъ, суровъ и молчаливъ?

ВАЛУНИНЪ —*смотритъ на него съ удивленіемъ.*

Не помню. Можетъ быть.

ГР. КАСИМОВЪ.

Неправда! Быть не можетъ!
Простите мнѣ, я неучтивъ...
Но это фактъ; и онъ давно меня тревожитъ.
Такихъ не встрѣтите у насъ, ручаюсь я!
Россія, слова нѣтъ, богата и пространна!
Но я вездѣ искалъ—нигдѣ найти нельзя!

ВАЛУНИНЪ—*улыбаясь, обращается къ графинѣ*

Графиня!...

ГР. КАСИМОВЪ.

Вамъ смѣшно! а мнѣ смѣшно и странно!

ГРАФИНЯ.

Но объясните мнѣ...

ГР. КАСИМОВЪ.

Я вамъ сейчасъ скажу.
Не знаю, какъ вы всѣ, а я такъ нахожу,

Что лучше англичанъ на свѣтѣ нѣтъ народа.
Какъ много съ помощью ихъ зрѣлаго ума
Изобрѣли для насъ иль комфортъ, или мода!
Я фабрикъ англійскихъ на всемъ ищу клейма;
И если есть — другой не надо мнѣ оцѣнки...
Типъ англичанина себѣ въ примѣръ избравъ,
Я изучилъ его пріемы, вкусъ и нравъ,
И даже прихотей малѣйшіе оттѣнки...
Но къ рыжему опять вернемся мужику.
Себѣ завесть пришла мнѣ въ голову затѣя
Изъ русскихъ мужиковъ британскаго жокея...

КОЛЯЗИНЪ.

Я вамъ совѣтую прибѣгнуть къ парику.

(Леденцовъ хохочетъ. Всѣ, не исключая гр. Касимова, оборачиваются и смотрятъ на него.)

ГР. КАСИМОВЪ.

Вотъ что̀ рисуетъ мнѣ мое воображенье:
Карета парою гнѣдыхъ запряжена....
Положимъ мы, что къ вамъ подъѣхала она.
Я вышелъ. Ко̀чмэнъ мой, на козлахъ, безъ движенья,—
Точь-въ-точь таковъ, какъ я сейчасъ вамъ описалъ,—
Сидитъ, на статую похожій.
Ему заранѣе я строго приказалъ,
Что если, упряжью моей прельстясь, прохожій
Узнать захочетъ: чья карета?—чтобъ молчалъ!
И если, разсердясь, его онъ спроситъ снова:
Чей экипажъ?—чтобы ни слова!
Онъ долженъ позабыть, что созданъ съ языкомъ;
Глядѣть на лошадей; слѣдить за ихъ ушами...
Ему позволено одно: моргать глазами
И съ важностью качать едва-едва бичомъ...

Нельзя-жъ изъ Англіи выписывать нарочно
Жокеевъ! Ѣздилъ я въ имѣніе къ себѣ;
Искалъ, искалъ, искалъ... и ни въ одной избѣ
Я не нашелъ такого точно!
А не забудьте вы — огромное село!
Нѣтъ, русскихъ вообще весьма странна природа!
Въ трехъ тысячахъ душахъ не могъ найти...

ВАЛУНИНЪ.

Урода?
Красавцы всѣ какъ будто бы на зло!

ГР. КАСИМОВЪ.

Какъ мнѣ отвѣтить вамъ? Вопросъ вашъ очень страненъ!
По вашему — уродъ; по мнѣ же — англичанинъ.
Ахъ, если можно бы родиться было вновь!
Зачѣмъ течетъ во мнѣ не англійская кровь?
Я это говорю свободно, здѣсь, межъ нами...
Что англичанъ люблю, а русскихъ не люблю,
Я этимъ никого изъ васъ не оскорблю?
Мы здѣсь не между мужиками!..

ВАЛУНИНЪ—*обращается къ графинѣ, съ сожалѣніемъ.*

Несчастный!

ГРАФИНЯ.

Это онъ. Какъ жаль! Въ такихъ лѣтахъ!

Б. БЛУМЕНБАХЪ—*гр. Касимову.*

Желанья вашего я, графъ, не раздѣляю.

ГР. КАСИМОВЪ.

А почему же?

В. БЛУМЕНБАХЪ.

Я, баронъ фонъ-Блуменбахъ,
На англичанина себя не промѣняю.

СКУРАПОВЪ.

Гостиныхъ я люблю условный этикетъ;
Не тяготятъ меня приличій свѣтскихъ узы;
Но мнѣ плѣнительны не англичане, — нѣтъ!
Временъ Людовика Великаго французы!
Родился поздно я!.. но я — ancien régime;
Ancien régime въ душѣ, хоть не совсѣмъ снаружи...
Отъ черни насъ теперь не отличить никакъ!
Такъ я одѣтъ, и вашъ лакей одѣтъ не хуже...
Фи! промѣнять кафтанъ на этотъ пошлый фракъ...
Вы вспомните: кафтанъ французскаго покрою,
Весь облитъ золотомъ, изященъ и богатъ,
Суконный осенью, суконный же весною,
А лѣтомъ шолковый и бархатный зимою —
Для дворянина созданный нарядъ!
Безъ парадокса мы сейчасъ докажемъ,
Что цѣну намъ даетъ костюмъ.
Найдете-ль, напримѣръ, вы въ этой фразѣ умъ: (*Графинѣ*)
«Что вы прелестнѣй всѣхъ — мы всѣ вамъ это скажемъ».
Она, не правда ли, вамъ кажется пуста?
Не вникнувъ глубже въ смыслъ, и я, быть можетъ, сразу
Почелъ бы глупой эту фразу, —
Но обстановка ей дана совсѣмъ не та!
Мы безнаказанно сказать не можемъ нынѣ
Намекъ, иль остроту, иль шутку тѣхъ временъ...
Будь не во фракѣ я, и вамъ всѣмъ, и графинѣ
Я показался бы пріятенъ и уменъ.
Графиня бы сама не такъ была одѣта... (*Встаетъ.*)
Тогда-бъ съ почтительнымъ склоненьемъ головы

Я ей сказалъ: «Что вы прелестнѣй всѣхъ, мы это...»
Или съ улыбкою лукавою: «Что вы...»
И шляпу здѣсь держа съ плюмажемъ:
«Что вы прелестнѣй всѣхъ — мы всѣ вамъ это скажемъ!»
Костюмированный, тому лѣтъ двадцать, былъ
У вашей тетушки на святкахъ балъ однажды.
По своему одѣлся вкусу каждый,
А я... я тѣхъ минутъ счастливыхъ не забылъ.
Явился я на балъ, наряженный маркизомъ!
Я былъ остеръ, уменъ, но какъ умны въ тотъ вѣкъ...
Я чувствовалъ впервой, что человѣкъ —
И, право, пораженъ былъ этакимъ сюрпризомъ!
Скажите мнѣ: чѣмъ сталъ теперь нашъ высшій свѣтъ?
Любезность древняя куда пропала?
Мы скучны, глупы! Что-жъ! Ужель ума въ насъ нѣтъ?
Или желанія любезнымъ быть? — нимало!..
Намъ, просто, кружевныхъ недостаетъ манжетъ!
Природа грубая искусствомъ не прикрыта;
Приличной маски нѣтъ и слабостямъ людскимъ...
Развратникомъ слыветъ невинный волокита,
И свѣтскій человѣкъ считается пустымъ...
Намъ лучше быть нельзя! И тѣ совсѣмъ не правы,
Которые хотятъ исправить наши нравы.
На внѣшности одной всегда вертѣлся міръ.
Все, кромѣ формы, вздоръ! Да, форма — мой кумиръ!
Съ тѣхъ поръ, какъ бросили французскіе кафтаны,
Мы не впередъ идемъ, а видимо — назадъ.
Быть можетъ, этому иной и очень радъ...
Меня же не прельстятъ обманы,
Которыми богатъ вѣкъ нынѣшній... Богъ съ нимъ!
Я — вѣку стараго... я все — ancien régime.

ГРАФИНЯ—*Валунину.*

О, Боже! Кто-жъ изъ двухъ?

ВАЛУНИНЪ—*пожимая плечами.*
Я, право, самъ не знаю.

В. БЛУМЕНБАХЪ.
Маркизомъ также быть я вовсе не желаю,
Затѣмъ, что я...

СКУРАПОВЪ.
Что вы—баронъ фонъ-Блуменбахъ.
(*Баронъ кланяется въ знакъ согласія. Скурапов отходитъ отъ него и, подойдя къ камину, осматриваетъ вазы.*)

ЛЕДЕНЦОВЪ—*подходитъ къ графинѣ, смѣясь.*
Графиня, можно мнѣ просить васъ чашку чаю?

ГРАФИНЯ—*наливая чай, обращается къ Валунину.*
Всѣхъ больше на меня вотъ онъ наводитъ страхъ:
Въ улыбкѣ что-то есть и что-то есть въ глазахъ.
(*Валунинъ смотритъ на Леденцова. Графиня даетъ Леденцову чашку; онъ кланяется, смѣясь, и отходитъ съ чашкой къ Скурапову, который смотритъ на фарфоровыя куколки.*)

СКУРАПОВЪ.
Какъ это хорошо!

ЛЕДЕНЦОВЪ.
И къ комнатѣ пристало!

СКУРАПОВЪ.
Вы знаете-ль вещамъ всю цѣнность?

ЛЕДЕНЦОВЪ.

Напримѣръ?

СКУРАПОВЪ.

Вотъ вы давно ужъ офицеръ,
Учились многому и видѣли не мало...
(*Леденцовъ уходитъ.*)
Monsieur de Леденцовъ! позвольте васъ спросить...
(*Леденцовъ возвращается.*)
Вамъ по мгновенно кинутому взору,
Я думаю, не отличить
Саксонскаго отъ севрскаго фарфору?
(*Показываетъ ему на одну фигурку. Леденцовъ смотритъ.*)
Скорѣе!

ЛЕДЕНЦОВЪ.

Это—севрскій.

СКУРАПОВЪ.

Нѣтъ, не такъ-съ!
(*Показывая на его чашку.*) Вотъ это—севръ; а это—саксъ!
(*Леденцовъ хохочетъ; всѣ на него смотрятъ.*)

КОЛЯЗИНЪ—*послѣ небольшого молчанія.*

Я, философскому не предаваясь спору,
Скажу, не осуждая никого,
Что я—nouveau régime и даже très nouveau.
Минувшее во мнѣ участья не возбудитъ.
Мечтать о будущемъ? сны видѣть на яву!
Прошедшее прошло, а будущее будетъ...
Какая-жъ польза въ нихъ, коль я теперь живу?
Я вѣрю одному, и вы тому повѣрьте:

На краткомъ жизненномъ пути
Ужъ ничего, конечно, не найти
Намъ лучше жизни, хуже смерти.
Какъ человѣку, мнѣ міръ внѣшній данъ въ удѣлъ;
И я кладу желаніямъ предѣлъ:
Я ѣмъ, я пью, я сплю: вотъ въ чемъ моя отрада,
Мнѣ больше ничего не надо!

ГРАФИНЯ.

И не мечтаете вы больше ни о чемъ?

КОЛЯЗИНЪ.

Случалось иногда, забывшись передъ сномъ,
Воображать, что я, какъ въ сказкѣ иль въ романѣ,
Красивъ какъ день, уменъ какъ бѣсъ, и что при томъ
Ношу Австралію въ одномъ карманѣ,
А Калифорнію—въ другомъ.

ГРАФИНЯ.

Какая мысль—хочу я знать—оставимъ шутки!—
Вамъ больше пò сердцу?

КОЛЯЗИНЪ.

Мысль о желудкѣ.

ГРАФИНЯ.

Я вамъ повѣрить не могу.

КОЛЯЗИНЪ.

Какъ вамъ угодно! Я не лгу.

ГРАФИНЯ.

Такъ сердца нѣтъ у васъ!

КОЛЯЗИНЪ.

Быть можетъ.

ГРАФИНЯ.

А разсудокъ
Чтò занимаетъ вашъ?

КОЛЯЗИНЪ.

Желудокъ!
Желаю умереть передъ большимъ столомъ,
Бутылками и блюдами покрытымъ.
Мнѣ легче кажется заснуть послѣднимъ сномъ
Съ желудкомъ сытымъ.

ГРАФИНЯ—*Валунину.*

Онъ страшенъ! (*Колязину.*)
Можно ли прожить вамъ не любя?

КОЛЯЗИНЪ—*подумавъ.*

Нѣтъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ вы любите кого-нибудь?

КОЛЯЗИНЪ.

Себя!

ГРАФИНЯ.

Вамъ не понять, съ такой безстрастною душою,
Чтò значитъ за другихъ пожертвовать собою!

КОЛЯЗИНЪ.

Мнѣ жизнью жертвовать? Вѣдь Богъ мнѣ далъ одну!
(*Леденцовъ хохочетъ.*)
Вотъ Леденцовъ! готовъ хоть тотчасъ на войну!
Мечомъ онъ препояшетъ чресла,

Надвинетъ на чело тяжеловѣсный шлемъ... (*Потягивается.*)
Но съ эластическаго кресла
Вамъ не поднять меня ничѣмъ!

ГРАФИНЯ.

Вы съ виду человѣкъ, какъ всѣ мы... между тѣмъ...

КОЛЯЗИНЪ—*перебивая.*

А если люди мы—напрасная забота
Теряться въ выспреннихъ, несбыточныхъ мечтахъ!
У насъ даръ слова есть и пальцы на рукахъ —
А вы въ насъ ищете присутствія чего-то...
Мы люди,—вотъ и все.

ГРАФИНЯ—*Валунину.*

Скажите же, на комъ
Остановиться? Всѣ здѣсь, кажется, ошибкой.
Мой домъ покуда былъ не сумасшедшихъ домъ.
(*Леденцовъ подходитъ, смѣясь, къ графинѣ.*)
А этотъ съ вѣчною таинственной улыбкой
Подходитъ къ намъ, ко мнѣ...
(*Леденцовъ стоитъ позади графини; она оборачивается и смотритъ на него; онъ смѣется молча.*)
Вѣдь онъ вооруженъ!
Подвинусь ближе къ вамъ. (*Подвигается къ Валунину.*)

ВАЛУНИНЪ—*смѣясь.*

Совсѣмъ не страшенъ онъ!

ГРАФИНЯ.

Вы на него взгляните въ профиль:
Онъ страшенъ какъ Бертрамъ иль Мефистофель!
(*Леденцовъ отходитъ отъ графини.*)

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

А я все остаюсь при мнѣніи моемъ.
Съ желудкомъ предурнымъ, безъ рыжаго жокея,
Ничуть о временахъ маркизовъ не жалѣя,
Я счастливъ. Господа! Я убѣдился въ томъ,
Что личность намъ даетъ значенье, вѣсъ и цѣну.
Куда я ни явлюсь и что я ни надѣну,
Безъ орденовъ иль въ орденахъ.
Я все баронъ фонъ-Блуменбахъ!
Быть можетъ, женщины меня избаловали...
Безъ шутокъ! чтобъ любви моей противостать
Изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ найдется кто едва ли!

ГРАФИНЯ.

Какъ?..

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Съ вами не хочу закладъ большой держать.

ГРАФИНЯ.

Боитесь?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Да, боюсь... чтобъ вы не проиграли.

ГРАФИНЯ.

Вы дерзки.

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Виноватъ, графиня, виноватъ!
Но слова своего я не возьму назадъ

ГРАФИНЯ—*Валунину.*

Что онъ съ ума сошелъ—нельзя и сомнѣваться...
(Показывая на Скурапова, гр. Касимова, Колязина и Леденцова.)
А впрочемъ вѣдь и онъ, и онъ, и онъ...

ВАЛУНИНЪ—*улыбаясь иронически.*

Такъ всѣ?

ГРАФИНЯ.

Приходится намъ разрѣшить стараться,
Не кто сошелъ съ ума, а кто изъ нихъ уменъ.

КОЛЯЗИНЪ.

Курить мнѣ хочется. Графиня, разрѣшите
Сигару закурить предъ этитъ камелькомъ.

ГРАФИНЯ.

Какія глупости! Вы гадкимъ табакомъ
Меня, и комнату, и мебель закоптите.

КОЛЯЗИНЪ.

Но вы не знаете моихъ сигаръ. Нельзя-ль?
Я этакихъ курить не смѣю очень часто.
По тридцати рублей приходится мнѣ зà сто.
Нельзя-ль?

ГРАФИНЯ.

Нельзя.

КОЛЯЗИНЪ.

Мнѣ очень жаль. (*Встаетъ.*)
Прощайте, ухожу. Въ другомъ мнѣ можно мѣстѣ
(*Вынимаетъ сигару.*)
Хоть эти покурить: по тридцати за двѣсти.

ВАЛУНИНЪ—*Колязину.*

Желая вамъ кой-что сказать, я васъ прошу
Остаться. Сдѣлайте мнѣ это одолженье.
(*Колязинъ опять садится на свое мѣсто.*)

ВАЛУНИНЪ—*обращаясь къ Леденцову.*

Сейчасъ различныя сказалъ намъ каждый мнѣнья, —
Чтȯ вы намъ скажете? я васъ теперь спрошу.

ЛЕДЕНЦОВЪ.

Я съ общимъ мнѣніемъ согласенъ!

ВАЛУНИНЪ—*графинѣ.*

Не бойтесь. Видите, онъ вовсе не опасенъ.

ЛЕДЕНЦОВЪ—*Валунину.*

А вы?

ВАЛУНИНЪ.

Я?.. продолжать я буду тотъ разсказъ,
Который началъ вамъ, графиня, по секрету;
Но тайну разрѣшить насталъ урочный часъ.
(*Обращаясь ко всѣмъ.*)
Я вамъ ее скажу, а вы скажите свѣту.
При случаѣ другомъ, когда-нибудь я самъ,
Проникнутый святымъ, таинственнымъ призваньемъ,
Себя и мысль свою на общій судъ отдамъ
Предъ многочисленнымъ, торжественнымъ собраньемъ.
Молва правдивая здѣсь обо мнѣ прошла,
Что мизантропіи я чувствовалъ припадки...
Да! мнѣ представились и люди, и дѣла
Такъ отвратительны, безсовѣстны и гадки;
Такъ много видѣлъ я и подлости, и зла;
Добра и честности такъ мало, къ сожалѣнью,
Что дольше вынести страданія не могъ
И бросился искать безлюдный уголокъ,
Чтобъ жить пустынникомъ въ глуши уединенья.
Природу полюбивъ восторженной душой,
Въ деревнѣ я нашелъ отраду и покой.
Людей позабывать я началъ понемногу,

И часто повторялъ: одинъ я! слава Богу!
Такъ проходили дни сначала; но потомъ
Не могъ я совладать съ озлобленнымъ умомъ;
И только лишь одинъ запрусь я въ кабинетѣ,
Припоминаю всѣхъ друзей, враговъ моихъ
И вижу я равно какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ...
Людей, такихъ людей... какъ люди всѣ на свѣтѣ!
Къ несчастью, былъ со мной въ деревнѣ Ювеналъ.
Ядъ злыхъ своихъ сатиръ онъ въ душу мнѣ вливалъ.
Межъ временемъ его и нашимъ — много связи.
Снаружи наша жизнь какъ будто бы свѣтлѣй,
    А въ сущности и въ ней —
    Не меньше грязи!
Нашъ христіанскій міръ съ безсмертною душой,
Признавъ владычество животнаго влеченья,
Какъ міръ языческій, въ безсмысленный покой
Лѣниво погруженъ отъ сна и пресыщенья!
Такъ въ размышленіяхъ о жизни, о судьбѣ,
Мечтою вѣрною я рисовалъ себѣ
Всю человѣчества печальную картину
И, грустію томимъ, открыть старался я,
Извѣдавъ тайный смыслъ законовъ бытія,
    Его паденія причину!
И чудной мыслію однажды вдохновленъ,
Я слышалъ голосъ... Свѣтъ мнѣ въ душу пролилъ онъ!
Тотъ голосъ знакомъ былъ небеснаго призванья!
И пробудилъ во мнѣ душевныхъ силъ сознанье!
Я слышу и тепрь его святой призывъ:
«Ты, чести мученикъ! иди, за мною слѣдуй!
И грусть безплодную отнынѣ позабывъ,
Развратнымъ людямъ честь и правду проповѣдуй!..
Великъ, великъ тебѣ судьбою данъ удѣлъ!
Читая предъ людьми ихъ скрытыхъ думъ и дѣлъ
    Изобличительную повѣсть, —

Яви на бѣлый свѣтъ, что̀ жадно кроетъ тьма!..
И будь общественная совѣсть!

ГРАФИНЯ—*которая все время слушала его съ возрастающимъ безпокойствомъ, закрываетъ платкомъ глаза.*

Онъ!..

КОЛЯЗИНЪ—*пожимая плечами.*

Сумасшедшій!

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Да!

СКУРАПОВЪ.

Сошелъ съ ума!

ГР. КАСИМОВЪ.

Съ ума
Сошелъ!

(Леденцовъ остается въ положеніи человѣка удивленнаго, но молчитъ. Въ продолженіе монолога всѣ слушатели не разъ взглядывали другъ на друга съ удивленіемъ и перемигивались между собою. Графиня плачетъ, желая скрыть отъ Валунина и отъ другихъ свои слезы.)

ВАЛУНИНЪ.

Невольникъ моего призванья,
Я здѣсь! и что-жъ? Кого я вижу предъ собой?
Ужели посланъ я разгнѣванной судьбой,
Чтобъ изливать свое негодованье
На всѣ безцвѣтныя, хоть пестрыя собранья,
Гдѣ васъ встрѣчаю я толпой?

Гдѣ такъ довольны всѣ, такъ счастливы, такъ рады!
И взапуски трудясь, — какъ будто изъ награды, —
И юноши, и старички
Безъ картъ играютъ въ дурачки!
Мы — великаны, иль пигмеи —
На свѣтѣ для того и мыслимъ, и живемъ,
Чтобъ нашимъ выражать лицомъ
Осуществленіе какой-нибудь идеи.
По росту вашему пришлась идея та,
Которую зовемъ мы просто: пустота.
Въ числѣ другихъ на васъ палъ выборъ Провидѣнья,
Чтобъ сдѣлать вѣрное ея изображенье.
Оно естественно! но, признаюсь, не разъ
Вотъ мысль меня какая занимала:
Къ чему такъ много васъ,
Чтобъ выразить такъ мало?
И святочный маркизъ...
(*Скурановъ бросаетъ дерзкій взглядъ на Валунина.*)
И жалкій англоманъ...
(*Гр. Касимовъ отворачивается, поправляя воротнички.*)
И грубая каррикатура
На древнихъ мудрецовъ изъ школы Эпикура...
(*Колязинъ, улыбаясь иронически, киваетъ головой.*)
И театральный Донъ-Жуанъ...
(*Б. Блуменбахъ вскакиваетъ со стула.*)
И... (*Леденцовъ уходитъ.*)
Подождите, я портретъ вашъ обрисую.

ЛЕДЕНЦОВЪ—*смотря на часы.*

Но я... но мнѣ... нельзя!.. мазурку я танцую!
(*Уходитъ.*)

X.

ВАЛУНИНЪ—*продолжая.*

Вамъ изъ среды себя избрать бы одного,
Чтобъ вывѣску носить: ничто и ничего!

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Сначала я смотрѣлъ на васъ какъ на забаву,
Но дерзокъ черезчуръ вашъ неприличный тонъ!

ВАЛУНИНЪ.

Среди пустыхъ людей безспорно вамъ по праву
Почетъ и первенство принадлежать, баронъ.

ГРАФИНЯ—*обращаясь къ Валунину.*

Валунинъ, я прошу...

ВАЛУНИНЪ.

Графиня!..

ГРАФИНЯ.

Умоляю
Весь этотъ разговоръ, Валунинъ, прекратить.

ВАЛУНИНЪ.

Но я вѣдь говорю не то, что̀ я желаю,
А то, что̀ долженъ говорить!
И смѣю-ль я хранить спокойное молчанье,
Когда... вы слышали наивное признанье,
Какъ русскій человѣкъ, какъ русскій дворянинъ,
Пылая къ Англіи непобѣдимой страстью
И къ намъ перенеся свой чужеземный сплинъ,
Осмѣлился жалѣть, что русскій онъ, къ несчастью!
Такихъ не мало васъ! Храня пристойный видъ,

Кто поумнѣй — зоветъ себя: космополитъ.
Я иначе людей подобныхъ называю...
Космополиты — вы?.. Прочь громкія слова!
Всегда я презиралъ и нынѣ презираю
Бродягъ, непомнящихъ родства!

XI.

Князь Порѣцкій входитъ и останавливается позади всѣхъ. Графиня съ умоляющимъ взоромъ беретъ Валунина за руку.

ВАЛУНИНЪ.

Я связанъ мнѣ ниспосланнымъ призваньемъ!
Не только ихъ, — весь свѣтъ въ порокахъ уличу!
(Показывая на себя.)
Нѣтъ, совѣсть не должна молчать! Я замолчу —
Съ послѣднимъ издыханьемъ!
Пока довольно съ васъ! Пойду другихъ искать...
Найду я болѣе виновныхъ!
И срамомъ поражу умѣвшихъ убѣжать
Отъ наказаній уголовныхъ!
(Хочетъ уйти и встрѣчаетъ князя.)
А! Кстати вамъ пришлось опять сюда придти.
Не вы-ль сошли съ ума? *(Осматриваетъ его.)*
Но заключить объ этомъ
Нельзя ни по глазамъ, ни по другимъ примѣтамъ...
Нѣтъ, сумасшедшихъ вамъ въ гостиныхъ не найти;
Ищите ихъ по кабинетамъ!
(Опять собирается уйти, потомъ останавливается и, послѣ небольшого молчанія, подходитъ къ графинѣ.)
Графиня, вамъ теперь скажу я слова два.
Любя васъ дружески, но нѣжно и глубоко,

Онъ говорилъ съ княжной Алиной; вѣдь княжна,
Какъ говорятъ, въ него давно ужъ влюблена.
Онъ ей сказалъ при мнѣ, что *никого* не любитъ;
Что участь высшая въ удѣлъ дана ему;
Что страстію земной—души онъ не погубитъ
И сердца чистаго не ввѣритъ никому.
А во-вторыхъ... при мнѣ,—случайно иль нарочно,—
И прежде, и теперь, вы такъ любезны съ нимъ,
Что, мучимъ ревностью и страстію томимъ,
Я отомстить хотѣлъ вамъ, точно...
И наконецъ... не онъ одинъ сошелъ съ ума...

ГРАФИНЯ—*выходя изъ задумчивости.*

Другіе тоже? Такъ я думала сама.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ! сумасшедшій—я!
(*Графиня смотритъ на него съ удивленіемъ.*)
О, если бы вы знали
Все, что̀ я чувствую, графиня, и терплю!
Какой любовью васъ люблю!..
Меня-бъ вы мучить перестали!
(*Графиня смотритъ на него съ недовѣрчивостью.*)
Мнѣ, право, кажется, что помѣшался я!
И если есть ко мнѣ въ васъ искра сожалѣнья,—
Вы не покинете меня!
Отъ васъ одной мое зависитъ исцѣленье?.. (*Молчаніе.*)
Графиня, дайте-жъ мнѣ какой-нибудь отвѣтъ!

ГРАФИНЯ.

Теперь я не могу сказать ни да, ни нѣтъ.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Благоразумное я вамъ напомню слово:
«Идите зáмужъ!» Мужа вамъ нельзя
Найти достойнаго,—согласенъ я,—
Возьмите менѣе дурного!..

ГРАФИНЯ.

Теперь: ни да, ни нѣтъ.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Что-жъ? буду ждать, когда,
Не говоря ужъ: «нѣтъ», вы скажете мнѣ: «да.

КОЛЯЗИНЪ — *показывается въ дверяхъ, приподнявъ портьеру.*

Графиня! Вашъ приходъ въ столовую намъ нуженъ!
Готово ужинать! пора намъ сѣсть за ужинъ!
(*Уходитъ. Графиня встаетъ, подаетъ князю руку, потомъ останавливается.*)

ГРАФИНЯ.

Изъ этихъ не сошелъ никто съ ума?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ?
Они мнѣ умными казались столько лѣтъ!

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Вы сумасшедшихъ въ бальныхъ залахъ,
Въ гостиныхъ и вездѣ встрѣчаете всегда.

И еслибъ, наконецъ, вы мнѣ сказали: «да»,
То былъ бы и у насъ на раутахъ и балахъ —
Вѣдь цѣлый городъ намъ знакомъ —
Умалишенныхъ полонъ домъ.

(*Князь уводитъ подъ-руку графиню въ ту сторону, куда ушли гости. Занавѣсъ опускается.*)

1852 г.

МОЙ ЗНАКОМЫЙ.

(Вступленіе къ ненаписанной поэмѣ.)

1.

Читалъ я гдѣ-то мудрое сужденье,
Что жизнь простыхъ, обыкновенныхъ лицъ,
Разсказанная намъ безъ украшенья,
Безъ хитрыхъ вымысловъ и небылицъ,
Глубокаго достойна изученья.
Вѣдь всякій, кто бы ни былъ онъ, любилъ,
Страдалъ, надѣялся, не вѣрилъ, вѣрилъ,
Смѣялся, унывалъ и лицемѣрилъ
Передъ собой и свѣтомъ,—словомъ: жилъ;
И жизнь его—достойна ли упрековъ
Она или похвалъ—для насъ полна уроковъ.

2.

Вотъ почему съ пріятелемъ моимъ
Хочу я познакомить васъ, читатель.
«Я зналъ его; мы странствовали съ нимъ»... [1])

---

[1]) Стихъ Лермонтова.

Валунинъ, съ дѣтства лучшій мой пріятель,
Считался человѣкомъ не пустымъ,
Но человѣкъ онъ былъ обыкновенный,
Какъ я и вы, быть можетъ. Тридцать лѣтъ
Онъ прожилъ на землѣ. Его ужъ нѣтъ;
Но ни конецъ, ни жизнь его—вселенной
Не сдѣлали ни пользы, ни вреда.
Онъ жилъ, какъ будто бы и не жилъ никогда.

3.

Но онъ надежды подавалъ большія!
И долго мнѣ казалось самому,
Что генія въ немъ обрѣтетъ Россія,
И что слагать назначено ему
Земнымъ глаголомъ пѣсни неземныя.
И я все ждалъ, чтобъ звуки полились;
Я сторожилъ желанное мгновенье
Дремавшихъ силъ и мыслей пробужденья...
Напрасно! Онъ молчалъ. Года неслись...
Онъ умеръ. Жертва горькаго обмана,—
Онъ слишкомъ долго жилъ иль умеръ слишкомъ рано.

4.

Мнѣ жаль его. Къ чему онъ жилъ? Ужель
Затѣмъ, чтобъ жизнь пройти путемъ безтруднымъ,
Единую въ грядущемъ видя цѣль:
Смѣнить сонъ временной сномъ непробуднымъ,
Могилою—спокойную постель?
Нѣтъ, нѣтъ!... онъ умеръ кстати. Жизнью краткой
Онъ озадачилъ всѣхъ: себя и насъ.
Проживъ обычный вѣкъ, въ предсмертный часъ
Ни для кого онъ не былъ бы загадкой.
Къ несчастью, выгода людей иныхъ
Вся заключается въ загадочности ихъ.

5.

Мнѣ тяжело тревожить память друга
Сомнѣньемъ для него обиднымъ. Онъ
Въ страданіяхъ послѣдняго недуга
Не покидалъ мечты, что былъ рожденъ
Для подвига великаго. Бывало,
Я говорилъ ему: летятъ года!
Взгляни — ты прожилъ много, сдѣлалъ мало!
Онъ возражалъ мнѣ: «Время не настало!
«Я жду, готовлюсь». И въ примѣръ тогда
Мнѣ приводилъ Руссо или Мольера.
Въ свое безсмертіе была сильна въ немъ вѣра!

6.

И я ужъ опоздалъ спасти его.
Надъ нимъ свершилось Божье наказанье...
Всю жизнь онъ былъ такъ жалокъ оттого,
Что, не принявъ намъ сроднаго призванья
Быть: *что-нибудь*, онъ вышелъ — *ничего*.
А между тѣмъ имѣлъ онъ все, что̀ нужно
Для счастья сына бреннаго земли.
Хозяинъ, гражданинъ, глава семьи —
Всѣ важныя заботы міра — дружно
Нести онъ могъ бы съ пользой для людей,
И пріобрѣлъ бы честь, какъ выводъ пользы сей.

7.

Что геній!.. Въ жизни нужны намъ границы.
Полъ-дюжины практическихъ головъ
Полезнѣй геніальной единицы,
Какъ намъ дѣйствительность полезнѣй сновъ

И быль — дѣльнѣе всякой небылицы.
Мнѣ родъ людской виднѣй въ умахъ простыхъ.
Они творятъ безъ блеска и безъ шуму
И думаютъ доступную намъ думу.
Повсюду сумма личностей такихъ, —
Когда вы среднія возьмете числа, —
Мѣрило вѣрное общественнаго смысла.

8.

О, другъ мой! я жалѣю не о томъ,
Что ты не такъ, какъ создается геній,
Былъ сотворенъ; но что съ твоимъ умомъ
Игрушкою ты былъ пустыхъ стремленій
И празднаго тщеславія рабомъ.
Но полно!.. Бросимъ то, что̀ невозможно
Намъ измѣнить. Теперь не все-ль равно?
Онъ былъ обыкновенный смертный; но,
Замученъ жизнью мелочной, тревожной,
Безплодной, скучной — онъ въ землѣ зарытъ
И спитъ такимъ же сномъ, какимъ и геній спитъ.

9.

Я началъ мой разсказъ и замѣчаю,
Что, грустію невольной увлеченъ,
Я вовсе не съ начала начинаю:
Со смерти. Но поэмы мрачный тонъ
Наврядъ ли измѣнился-бъ. Я не знаю —
Свѣтлѣй была какая изъ эпохъ
У моего героя? Смерть, рожденье
И жизнь — равно достойны сожалѣнья.
Итакъ, простите мнѣ плачевный слогъ,
Печальному предмету строфъ покорный,
Съ начала до конца мнѣ нуженъ тонъ минорный.

10.

Тому, какъ я сказалъ вамъ, тридцать лѣтъ,
Подъ небомъ Малороссіи лѣнивой
Пріятель мой рожденъ на этотъ свѣтъ.
Старинный домъ, громадой горделивой
Вознесшійся надъ зеленью садовъ,
Младенца принялъ въ торжествѣ великомъ
Подъ свой просторный и радушный кровъ.
Больной ребенокъ на веселый зовъ
Отвѣтствовалъ страданья первымъ крикомъ...
Едва начавъ дышать, онъ умиралъ—
Какъ будто ужъ тогда онъ цѣну жизни зналъ.

11.

И въ тотъ же день къ нему врачей призвали.
Одинъ изъ нихъ, качая головой,
Таинственно сказалъ, что опоздали
Прибѣгнуть къ медицинѣ; а другой
Рѣшилъ, что мальчикъ будетъ живъ едва ли.
«Помочь дитяти, кажется, легко!»
Воскликнулъ третій (этотъ былъ умнѣе).
«Юпитера вскормила Амальтея,
«И онъ сосетъ пусть козье молоко.
«А во-вторыхъ, его держать должно бы
«На чистомъ воздухѣ. Послушайтесь—для пробы!»

12.

И вотъ ребенокъ въ садъ перенесенъ.
Тамъ пологомъ узорчатымъ сплетались
Надъ нимъ могучій дубъ и нѣжный кленъ;
И листья гармонически шептались,

На вѣжды тихій навѣвая сонъ.
Невидимо, у самой колыбели,
Легко порхали птички межъ вѣтвей;
И возлюбя его, то соловей,
То иволга поочерёдно пѣли;
И отъ цвѣтовъ нарядныхъ ароматъ
Струями свѣжими поилъ роскошный садъ.

13.

Чрезъ мѣсяцъ мальчикъ началъ улыбаться;
Глядѣли веселѣй его глаза;
И съ жизнію раздумалъ онъ разстаться.
Его спасли—природа и коза.
Вѣрнѣе, что послѣдняя, признаться.
Валунинъ былъ кормилицей своей
Миѳологической весьма доволенъ.
Онъ повторялъ: «Я при смерти былъ боленъ
«И оживленъ козой. Безъ шутокъ, ей
«Я жизнью одолжёнъ на этотъ свѣтѣ!»
И чучело козы держалъ онъ въ кабинетѣ.

14.

Итакъ, онъ ожилъ,—все равно, по той
Или другой причинѣ; но ребенокъ
Видъ сохранилъ и слабый, и больной,
Освободясь отъ тѣсныхъ узъ пеленокъ.
Никто не говорилъ: «Какой живой!»—
Напротивъ, всѣ твердили: «Не по лѣтамъ
Онъ такъ задумчивъ. Видно по всему,
Что на роду написано ему
Иль дипломатомъ быть, или поэтомъ».
Увидимъ мы изъ слѣдующихъ главъ,
Насколько отзывъ ихъ ошибоченъ иль правъ.

15.

Нѣтъ у меня желанья и терпѣнья
Описывать младенчество. Зачѣмъ?
У всѣхъ одно встрѣчается явленье:
Сперва дитя — и слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ;
Живетъ убогой жизнію растенья;
Потомъ играетъ словомъ, и тогда,
Въ немъ вызванная силою чудесной,
Мерцаетъ мысль, какъ въ вышинѣ небесной
Далекая за облакомъ звѣзда...
И въ дѣтствѣ каждый — съ разницею малой —
Равно со всѣми глупъ или уменъ, пожалуй.

16.

Мы къ возрасту такому перейдемъ,
Когда растутъ наклонности и страсти;
Кипятъ борьбою въ сердцѣ молодомъ
Добра и зла враждующія власти,
И юноша неопытнымъ умомъ
Пытаетъ жизни темныя задачи.
То за туманомъ безутѣшныхъ слезъ,
То въ праздничномъ сіяньи пышныхъ грезъ
Онъ видитъ міръ; и съ каждымъ днемъ иначе
Все видится ему — и жизнь, и свѣтъ;
И чувству ни границъ, ни повторенья нѣтъ.

17.

Покинемъ же страну его рожденья
И мысленно себя перенесемъ
Вослѣдъ за нимъ, въ орловское имѣнье
Его отца. Мы тамъ росли вдвоемъ;

Дѣлили смѣхъ и слезы огорченья,
И взапуски учились наизусть.
Насъ подружили возрастъ и сосѣдство.
Валунина съ воспоминаньемъ дѣтства
Порой томила сладостная грусть...
И садъ, и лѣсъ, и домъ — теперь ужъ древній,
И *Чертовидскій-Верхъ* — названіе деревни —

18.

Ему все нравилось; и тѣ года,
Хоть дѣтскіе, но полные значенья,
Надъ нимъ не пролетѣли безъ слѣда.
Минувшихъ дней живыя впечатлѣнья
Въ немъ не могли исчезнуть никогда.
Любилъ великорусскую природу
Онъ такъ же послѣ, какъ и въ старину —
За скромность, за просторъ, за тишину,
За то, что, созерцанью давъ свободу,
Она ничѣмъ намъ не стѣсняетъ духъ...
Привольно бродитъ взоръ, спокойно внемлетъ слухъ.

19.

Великолѣпны мрачныя картины
Страны гористой! Но невольный страхъ
Рождаютъ эти бездны и вершины,
Любящія скрываться въ облакахъ...
Плѣнительны пустынныя равнины
Красой благоухающей своей,
Высокихъ травъ широкимъ колыханьемъ
И ласковымъ, задумчивымъ молчаньемъ;
Но эта нѣга дѣвственныхъ степей
Такъ часто грусть наводитъ и тревожитъ —
И съ ней бороться духъ не хочетъ и не можетъ.

20.

Когда, бѣжавъ отъ свѣтской суеты,
Возвышенныхъ ты жаждешь наслажденій;
Когда къ тебѣ, съ незримой высоты,
Предвѣстники грядущихъ пѣснопѣній,
Слетаются и звуки, и мечты;
Когда душа, съ страстями въ вѣчномъ спорѣ,
Изнемогла среди упорныхъ битвъ
И просить обновленья и молитвъ, —
Смотри на море, вслушивайся въ море!
Но рой игривыхъ, легкокрылыхъ думъ
Отгонитъ грозныхъ волнъ величественный шумъ.

21.

А онъ своею прелестью спокойной
Всегда влечетъ къ себѣ, мой край родной!
Подъ липою кудрявою и стройной
Сидишь и все глядишь передъ собой,
Любуясь свѣжей тѣнью въ полдень знойный;
На днѣ оврага шепчущимъ ручьемъ;
Віющейся по нивамъ золотистымъ
Дорогой черной; ковромъ цвѣтистымъ
Лужаекъ и холмовъ, а тамъ — селомъ
Раскинутымъ, и далью темно-синей,
И строгой простотой волнующихся линій.

22.

Забудешься и слушаешь порой
Жужжанье пчелъ, и трели птичьихъ пѣсенъ,
И скрипъ колесъ телѣжныхъ подъ горой.
Кругъ впечатлѣній свѣтелъ и нетѣсенъ...

Сидишь и все глядишь передъ собой!
Настроенъ духъ съ природой дружно, ладно.
Такъ дѣйствуетъ на сердце и на умъ,
Изящнымъ сочетаньемъ чувствъ и думъ,
Негромкой, но торжественной и складной
Поэмы тихошественная рѣчь,
И увлекаетъ васъ, не думая увлечь...

23.

Вотъ лишнее, быть можетъ, изложенье
Любовныхъ чувствъ къ природѣ. Впрочемъ ихъ
Дѣлилъ со мной Валунинъ безъ сомнѣнья.
Мнѣ одному принадлежитъ лишь стихъ.
Хотя разсказу эти отступленья
Даютъ капризный и небрежный ходъ;
Но я себѣ предоставляю право
Бродить вездѣ: налѣво и направо;
Стоять, идти назадъ, бѣжать вперёдъ...
Системѣ той я слѣдую въ поэмѣ,
Чтобъ вовсе никакой не слѣдовать системѣ.

24.

Затѣмъ нескромной этой похвальбой
Мнѣ завершить свое вступленье должно.
Ужъ вамъ знакомъ настолько мой герой,
Что, кажется, не безъ участья можно
Слѣдить вамъ будетъ за его судьбой.
Онъ былъ идеалистъ, —я прибавляю, —
Идеалистъ всегда, вездѣ, во всемъ.
И качества, и недостатки въ немъ
Я этимъ настроеньемъ объясняю.
Теперь и кончить можно-бъ. Я готовъ;
Но, въ заключеніе, прибавлю пару словъ.

25.

Читатель, до свиданья! Ставлю: punctum.
Всю жизнь Валунина, всё тридцать лѣтъ
Вамъ разсказать въ порядкѣ и по пунктамъ
Я далъ себѣ торжественный обѣтъ.
Въ главѣ второй я вамъ представлю—дѣтство.
Но скоро ли? Богъ знаетъ!.. Признаюсь,
Со мной враждуетъ, чуть не съ малолѣтства,
Порокъ, съ которымъ сладить нѣту средства...
Владычествомъ его я тягощусь,
Но, кажется, едва-ль себя исправлю...
О, *лѣнь*, оставь меня!.. Тебя я не оставлю!..

1855 г.

ИДЕАЛИСТЫ И ПРАКТИКИ.

(Отрывокъ.)

Пріятель мой—идеалистъ. Мы этимъ
Названьемъ, кажется, его точнѣй
Опредѣлимъ: и кстати здѣсь замѣтимъ,
Что въ мірѣ два разряда есть людей:
Идеалисты, практики. Мы встрѣтимъ
Ихъ первыхъ представителей у вратъ
Потеряннаго рая. Воздыханья,
Молитва, думы—вотъ въ странѣ изгнанья
Удѣлъ меньшого брата. Старшій братъ,
Въ работахъ и трудѣ вседневной жизни,
Не плачетъ о былой, утраченной отчизнѣ.

Идеалистъ и практикъ межъ собой
Враждуютъ изстари. Какъ созерцанье
И дѣйствіе, они идутъ иной
Дорогой, и различно ихъ призванье.
Съ вѣками измѣнялись чередой
Ихъ цѣль, значенье, внѣшнія примѣты,—
Но смыслъ идеализма всѣхъ вѣковъ:
Споръ духа съ бременемъ земныхъ оковъ.

Философы, художники, поэты —
Бетховенъ, Данте, Рафаэль, Шекспиръ —
Отъ міра тлѣннаго неслись въ духовный міръ.

И вы, чей духъ безстрастный и свободный
Подобенъ былъ хранилищу святынь,
Не знавшіе тревожности безплодной
Мірскихъ заботъ; вы, граждане пустынь,
Любившіе, вдали отъ шума, сродный
Божественной премудрости покой,—
Въ глуши лѣсовъ, въ пещерахъ, средь ограды
Монастыря, вы, полные отрады,
Свершали добровольный подвигъ свой,
И звали смерть, и жизнь иную ждали
Въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни вздоховъ, ни печали.

Вы думали: «О, суета суетъ!
И баловень судьбы, и нищій—оба
Равно убоги! У обоихъ нѣтъ,
Нѣтъ ничего въ сей жизни, кромѣ гроба!
Одинъ онъ только нашъ!.. Чтò жизнь? Чтò свѣтъ?
И почему намъ страшенъ часъ кончины?
Все здѣшнее: смѣхъ, сонъ, волна, грязь, тля,
Тѣнь, призракъ, вѣтеръ, прахъ, слѣдъ корабля,
Вращающійся кругъ, все тѣ-жъ картины
Являющій предъ нами—дней, ночей,
Забавъ, страстей, трудовъ, болѣзней и смертей!»

Мы ниже спустимся. Идеалисты—
Всѣ тѣ, кто бродятъ въ области мечты;
Сектаторы, спириты, утописты,
Бродяги, моты, игроки, шуты,
Почти всѣ *маны*, *логи*, *филы*, *исты*;
Всѣ въ жизни ждущіе чудесъ; всѣ тѣ,

Кто медленны, безпечны и унылы;
Не могутъ соразмѣрить съ дѣломъ силы;
Хоронятся въ безвѣстной темнотѣ;
Желая, не хотятъ; пренебрегаютъ
Обычнымъ счастіемъ, а высшихъ благъ не знаютъ.

Еще я родъ людей включу въ разрядъ
Идеалистовъ. Міръ ихъ называетъ
Безумными. Ихъ вдохновенный взглядъ
Иль въ высотахъ заоблачныхъ блуждаетъ,
Или къ землѣ раздумьемъ пригвожденъ;
Они узнали что-то... И туманно
Имъ видится необычайный сонъ.
Ихъ рѣчь—улыбка ясная иль стонъ
Отчаяннаго горя. Непрестанно
Они восторгамъ преданы нѣмымъ,
Именъ не находя видѣньямъ неземнымъ.

У практика духъ въ равновѣсьи съ тѣломъ.
Порой не прочь онъ отъ мечты, но съ тѣмъ,
Чтобы мечта осуществилась дѣломъ.
Онъ хочетъ жить и спрашиваетъ: чѣмъ?
Онъ дѣйствуетъ по обсужденьи зрѣломъ
Возможности удачи и помѣхъ.
Полезное въ его глазахъ достойно.
Онъ трудится упорно, но спокойно;
Не мѣшкаетъ и не спѣшитъ. Успѣхъ —
Тамъ, гдѣ порядокъ; *а гдѣ хвостъ начало*,
Гласитъ пословица, *тамъ голова—мочало.*

И каждый въ этотъ міръ съ собой принесъ
Мысль, опытъ, слово, знанье, наблюденье...
Но въ мірѣ больше-ль правды? Меньше-ль слезъ?
Мы исполняемъ наше назначенье —

Неразрѣшимый разрѣшать вопросъ.
Вотъ наша жизнь! Въ странахъ ли поднебесныхъ
Предприметъ умъ торжественный полетъ,
Иль на землѣ, средь жизненныхъ заботъ,
Вращается, трудясь, въ предѣлахъ тѣсныхъ,—
Равно гнетомы немощью своей—
Идеалистъ-орелъ и практикъ-муравей.

1855 г.

ПРОРОКЪ И Я.

I.

ПРОРОКЪ.

Я край родной въ тѣ дни оставилъ,
Когда, всемощенъ и высокъ,
Его умами грозно правилъ
Въ Москвѣ явившійся пророкъ.
Онъ былъ не старецъ и не нищій:
Не въ кельяхъ жилъ монастыря;
Онъ не спасался, постной пищей
Плоть многогрѣшную моря;
Онъ не скитался полу-голый:
Онъ въ торжествѣ духовныхъ силъ
Вериги жесткой и тяжелой
На тѣлѣ тощемъ не носилъ:
Не зналъ онъ чернаго народа
И знать народъ его не могъ;
То былъ пророкъ иного рода—
Дворянскій собственно пророкъ.

Мнѣ живо памятно то время,
Какъ онъ, въ предвидѣнья бѣды,

Заботъ народныхъ принялъ бремя
И насъ взнуздавшія бразды.
Изъ стѣнъ священныхъ кабинета,
Гдѣ наши вѣдалъ онъ дѣла,
Гдѣ у рабочаго стола
Онъ мыслилъ ночи до разсвѣта,
Его вседневная газета
Во всѣ концы Россіи шла.
И Русь признала, что любовью
Навѣрно къ ней пылаетъ онъ,
Когда къ дворянскому сословью
Усердно такъ расположенъ.
Онъ повторялъ: «Впередъ хотите-ль —
Взгляните съ вѣрою назадъ.
Гражданскимъ духомъ кто богатъ?
Кто смысла земскаго хранитель?
Одинъ дворянскій предводитель —
Всей русской жизни результатъ!..»
Въ годину смутъ въ шляхетной Польшѣ,
Онъ разрушалъ коварный ковъ
Народовъ запада, но больше
Громилъ онъ внутреннихъ враговъ.
Его заботилъ непрестанно
Патріотическій вопросъ:
Какъ цѣли намъ достичь желанной,
Чтобъ въ нашей родинѣ пространной
Единомысліе ввелось?
Чтобъ дряни вѣчно недовольной
Не слышенъ ропотъ былъ у насъ
И юность, мыслящая вольно,
Чтобъ на Руси перевелась?
Онъ клалъ съ настойчивостью строгой
На нашу жизнь свою печать,
И ужъ умовъ строптивыхъ много,

Грозя прозваньемъ демагога,
Принудилъ сдаться и молчать.
Съ какой внимали мы тревогой
Передовымъ его статьямъ!
Все грезятся, бывало, намъ
Мятежъ, измѣна и коварство;
Все ждемъ, что рухнетъ государство
И слышимъ трескъ его по швамъ!

А вслѣдъ за нимъ еще витіи
Въ насъ новый возбуждали страхъ,
Мѣшая въ пламенныхъ рѣчахъ
Враговъ пророка и Россіи.
«Онъ нашъ оракулъ! Намъ онъ щитъ
Отъ притѣсненій и нападокъ!
Рукой надежной онъ хранитъ
Весь существующій порядокъ!
Кто не его — измѣнникъ тотъ,
Нечистый въ помыслахъ! И вѣрьте:
Желать обязанъ патріотъ
Тому иль каторги, иль смерти!»
И точно: въ грозные тѣ дни
Кому бы казнь изрекъ оракулъ, —
Того повѣсили-бъ они
И даже посадили-бъ на̀ колъ...
Такъ наши сдерживать умы
Любилъ пророкъ, волнуя страсти;
Такъ, подчинясь полезной власти,
За нимъ, какъ тѣнь, слѣдили мы.
Со всей Россіи телеграммы,
Полны восторговъ и похвалъ,
Къ нему летѣли. Наши дамы
Въ немъ обрѣли свой идеалъ.
У всѣхъ до крайняго предѣла

Мгновенно гордость возрасла...
О, какъ торжественно и смѣло
Отъ патріотовъ намъ гремѣла
Въ честь нашихъ доблестей хвала!..
Противорѣчьемъ ни единымъ
Не оскорблялся чуткій слухъ;
И даже тамъ—по тѣмъ гостинымъ,
Гдѣ нашъ блистаетъ высшій кругъ,—
Какъ дома вѣялъ русскій духъ!..
Съ своею долей свыкся каждый.
Духовнымъ голодомъ и жаждой
Страдать никто уже не могъ.
На нужды дня,—то самъ пророкъ,
То клубныхъ праздниковъ ораторъ
Намъ отпускалъ здоровый кормъ...
И сталъ спокоенъ консерваторъ
Насчетъ свершившихся реформъ.
Глазамъ не вѣря и пророка
Благодаря въ душѣ глубоко,
Мы озирались... Всюду гладь,
Да тишь, да Божья благодать!..
Зато величія земного
Такихъ достигнулъ онъ вершинъ,
Какихъ достигнуть даромъ слова
Не могъ писатель ни одинъ!..
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Итакъ, я родину оставилъ,
Когда московскій нашъ пророкъ
Ея умами грозно правилъ
И былъ всемощенъ и высокъ...

Но наступили дни расплаты...
Не даромъ были имъ подъяты
Неимовѣрные труды!
Рука, напрягшая бразды,
Теперь устала и ослабла.
Людской молвы усталый слухъ
Не различаетъ. Взглядъ потухъ.
Остыла страстность. Слово—дрябло.
Еще онъ навыкъ сохранилъ
Намъ объявлять свои велѣнья,—
Но нѣтъ ужъ власти, нѣтъ ужъ силъ;
И въ насъ ужъ нѣтъ повиновенья.
Перо угрозъ, перо обидъ
И обвиненій раскололось,
И трепетъ наводившій голосъ
Теперь надорванъ и разбитъ...
И вотъ онъ—поступью усталой,
Уже развѣнчанъ, сходитъ къ намъ
Съ вершинъ, гдѣ нѣкогда блистала
Его звѣзда, и гдѣ, бывало,
Ему курился ѳиміамъ...

II.

Я.

Я также, чуждъ инымъ заботамъ,
Пророка вѣщія слова
Твердилъ на память; но подъ гнетомъ
Такой премудрости едва
Не изнемогъ... Дошелъ я скоро
Ужъ до того, что разговора
Не велъ иного, какъ о немъ,
Съ кѣмъ ни случился бы вдвоемъ.

Почетно быть пророка эхомъ.
Ему противиться съ успѣхомъ
Еще почетнѣй, можетъ быть.
Счастливъ, кто могъ себѣ добыть
Побѣдный лавръ перомъ и смѣхомъ;
А я... желалъ его забыть.
Но тщетны позднія старанья!
Хотя листы его изданья
Я непрочитанные рвалъ,—
Но помнилъ всѣ его дѣянья
И самого не забывалъ.
Потребно стало мнѣ лѣченье!
И наконецъ я бросилъ всѣхъ,
Эпитимьей уединенья
Чтобъ искупить всѣ увлеченья
И празднословья тяжкій грѣхъ.
Но опытъ вышелъ неудачный....
Хоть взорамъ чувственнымъ незримъ,
Пророкъ то радостный, то мрачный
Вседневнымъ гостемъ былъ моимъ.
Онъ прерывалъ мои занятья,
Угрозы въ ухо мнѣ шепталъ,
Иль нѣжно простиралъ объятья,
Которыхъ я не принималъ.
Безмолвье было мнѣ тяжелѣ
Людскихъ собраній и молвы.
Скитаться началъ я безъ цѣли
Одинъ по улицамъ Москвы...

И помню: брелъ я за шарманкой,
Визжавшей мнѣ: *la ci darem*...
Вдругъ вижу: Срѣтенка; межъ тѣмъ
Какъ шелъ я прямо все Лубянкой...
Да гдѣ-жъ конецъ одной сперва?

Степенно хрюкаетъ свинья,
Блеетъ баранъ, трещитъ сорока...
И тутъ некстати вспомнилъ я
Двухъ-трехъ поклонниковъ пророка...

1863 г.

СНЫ.

ПОЭМА.

I.

Безсиліе.

Мнѣ снились—вьюга, снѣгъ глубокій,
Пустыня, на небѣ ни зги;
Въ пустынѣ путникъ одинокій
Влачилъ усталые шаги.
И думалъ онъ: «Мой путь безъ цѣли...
Ужель не встрѣтить мнѣ людей?
Зачѣмъ я здѣсь? Чего хотѣли
Порывы смѣлости моей?...
Гдѣ жизнь? И этотъ край—ужели
Одна пустая гладь степей,
Гдѣ, воя, носятся метели?...
Бѣда, великая бѣда
Тому, кто одинокій бродитъ
Въ пустынѣ снѣжной—и слѣда
Нигдѣ людского не находитъ!..
Зачѣмъ же мой свободный духъ
Исполненъ правдою святою,

Когда враждуетъ все вокругъ
Несправедливою враждою?...
Иль нужны жертвы для судьбы?
И лишь творя — природа любитъ,
А послѣ—броситъ и погубитъ
Въ мученьяхъ жизненной борьбы?..
Борьба!.. Порой предъ волей смѣлой,
Передъ свѣтильникомъ ума
Рѣдѣетъ нравственная тьма
И разступаются предѣлы, —
Но свѣта нѣтъ за этой мглой,
Грозящей мерзлою могилой;
Ничтоженъ духъ предъ этой силой
И безсознательной, и злой!..»

Крутитъ еще сильнѣе вьюга,
Все безнадежнѣй облака, —
И пробѣжалъ въ немъ знобъ испуга,
Пришла предсмертная тоска...
Всей силой утомленной груди
Онъ кличетъ: Помогите, люди!
Къ вамъ велика моя любовь;
Я заключилъ бы міръ въ объятья!..
До капли пролилъ бы я кровь
За счастье братьевъ!.. Гдѣ-жъ вы, братья?
Хотя одинъ бы мнѣ помогъ,
Когда, гоня и разрушая,
Меня давно ужъ буря злая
Бьетъ по лицу и валитъ съ ногъ!..
Покоренъ я, изнемогая...
Я жалокъ!.. О, когда-бъ я могъ
Навстрѣчу холоду и снѣгу
Предаться бѣшеному бѣгу,
Чтобы съ сознаньемъ силы пасть,

Презрѣвъ стихійное гоненье
И неосмысленную власть!..»

Напрасно гордое стремленье...
Нѣтъ силы далѣе брести.
Мертво и пусто... нѣтъ исхода...
И необузданно расти
Все продолжаетъ непогода...
Тогда средь этой бурной мглы,
Въ туманѣ ледяномъ мороза
Раздался страшный крикъ хулы,
И возмущенья, и угрозы...
Но кто же гнѣвъ его пойметъ?
И что̀ душа бездушнымъ значитъ?..
Пусть проклинаетъ онъ иль плачетъ —
Метель попрежнему мететъ...
И, истомясь, сложила крылья
Вольнолюбивая душа...
И на снѣгу, едва дыша,
Онъ впалъ въ спокойствіе безсилья.

Ночь мракомъ степь заволокла,
Его застигнувъ полусоннымъ.
Онъ всталъ. Гудятъ колокола
Какъ будто звономъ похороннымъ;
Но жизнь онъ чуетъ надъ собой...
То демоновъ сбиралась стая,
Крылами шумными летая...
Онъ слышитъ говоръ, хохотъ, вой...
Вдругъ общій крикъ — ревутъ и лаютъ..
И, трепеща, подумалъ онъ:
Перекричать они желаютъ
Къ нимъ отъ земли дошедшій стонъ...
Потомъ — какой-то праздникъ дикій;

Несется буря торжества,
Ликують зла и тьмы владыки
И славять буйные ихъ клики
Хаоса силу и правá...
И вотъ — въ безмолвіи печальномъ
На мигъ пустыня замерла;
Но все гудятъ колокола
Все тѣмъ же звономъ погребальнымъ...

Тогда, очнувшись, понялъ онъ,
Что средь глуши, зловѣщъ и мраченъ,
Тому лишь слышенъ этотъ звонъ,
Кто къ близкой смерти предназначенъ.
И тайны демоновъ предъ тѣмъ
Свершаться могутъ безъ покрова,
Кто отнятъ отъ всего живого
И кто на всѣ вопросы нѣмъ...
И больно сердцу стало снова,
И снова страхомъ онъ объятъ...
Свобода, правда, доблесть, сила —
Все то, чтò сердце такъ любило,
Все то, чѣмъ умъ былъ такъ богатъ,
Его поднять уже не можетъ.
Готовъ теперь онъ все забыть
И лишь одна гнететъ и гложетъ
Мысль неотвязная: не быть!
Ужъ не дышать на этомъ свѣтѣ!
Вседневной жизни скромныхъ благъ
Не знать!.. И онъ заплакалъ такъ,
Какъ плачутъ женщины и дѣти...

Не ждетъ онъ больше ничего.
Давно онъ выплакалъ всѣ слезы;
И — духъ смущавшія его —

Ушли болѣзненныя грезы.
Безъ думъ, безъ воли и безъ слезъ
Онъ легъ... и снѣгъ его заноситъ...
И онъ молчитъ, и ужъ не проситъ,
Чтобы скорѣй его занесъ.

Но стала грозной вьюги сила
Ослабѣвать. Уже не злясь,
Метель протяжно и уныло
Сперва надъ степью голосила
И на сугробахъ улеглась.
Порывовъ бурныхъ онъ не слышитъ.
Надъ нимъ безъ гнѣва, безъ угрозъ,
Въ спокойной злобѣ, молча, дышитъ
Мертвящимъ холодомъ морозъ...

Передъ концомъ открылъ онъ очи:
Среди глубокой тишины
Со всѣхъ сторонъ, сквозь сумракъ ночи,
Въ него глаза устремлены.

Сидѣло демоновъ собранье
У головы его и ногъ;
Всѣ полны жаднаго вниманья,
Чтобъ уловить предсмертный вздохъ —
Вопль отходящаго сознанья.
И, отвернувшись, къ небесамъ
Онъ поднялъ взоры,—утѣшенья,
За всѣ прожитыя мученья,
Прося и ожидая тамъ.
И видитъ—медленно, угрюмо
На этотъ міръ неправдъ и зла
Завѣс [illegible]

II.

Зараза.

Мнѣ снился полдень знойнымъ лѣтомъ.
Въ открытомъ полѣ воздухъ жгучъ;
Все залито блестящимъ свѣтомъ
И небо жаркое безъ тучъ.
И мнѣ представилось сначала,
Что, весела и убрана,
Земля подъ солнцемъ ликовала,
Красой и силою полна.
Но тяжесть думы безутѣшной
Мнѣ скоро на̀ душу легла,
Смѣнивъ тоской восторгъ поспѣшный...
Природа чахла и лгала.
Подъ этой ясностію лживой
Ни жизни нѣтъ, ни силы нѣтъ;
И золотой полудня свѣтъ
Надъ тощей издѣвался нивой.
Иль смерть, или тупого сна —
Куда ни взглянешь—гнетъ тяжелый!
Земли растресканной и голой—
Какъ печь кора раскалена.
Кой-гдѣ, какъ вьющіяся стружки,
Трава сверкаетъ, побѣлѣвъ;
Съ пустыми гнѣздами, деревъ
Темнѣютъ мертвыя макушки.
Столбомъ безъ вѣтра пыль взвилась.
Все неподвижно и безмолвно,
Лишь листъ больной слетаетъ, словно
Въ бреду горячечномъ кружась.
Исчезли отдыхъ и прохлада;
Ни одного не бьетъ ключа;

По лугу выжженному стадо
Бредетъ голодное, мыча.
Не слышно птицъ въ лѣсу и въ полѣ,
Не виденъ въ небѣ ихъ полетъ;
Нѣтъ жизни радостной на волѣ, —
Никто хвалы ей не поетъ...
И эти мрачныя картины
Еще больнѣй томили взоръ,
Когда порой изъ вязкой тины,
Изъ-подъ камней, изъ темныхъ норъ,
Изъ рвовъ глубокихъ злые гады,
Шурша травой, скользя въ пыли,
Одни свободѣ полной рады,
Гурьбой бѣжали и ползли...
Все спалено и все убито!
Я самъ, какъ будто бы мертвецъ,
Людьми давно ужъ позабытый,
Одинъ скитался... Наконецъ,
Кого-то встрѣтилъ на дорогѣ.
Съ глазами влажными отъ слезъ
И полонъ грусти и тревоги,
«Какъ люди мрутъ!» онъ произнесъ...
Казалось, грузъ душевной муки
Желалъ сложить онъ предо мной
И повторялъ, ломая руки:
«Какъ люди мрутъ, о, Боже мой!...»
И онъ пошелъ со мною рядомъ;
Но вдругъ раздался хриплый стонъ —
И палъ онъ мертвъ, незримымъ ядомъ,
Какъ молньей быстрой, пораженъ...
Меня бросало въ жаръ и въ холодъ,
И ныло сердце отъ тоски;
Мнѣ мозгъ давило и, какъ молотъ,
Стучала кровь моя въ виски.

И на безжизненномъ просторѣ
Я вновь одинъ... Но городъ вскорѣ
Съ горы громадою сплошной
Сталъ открываться подо мной.
И онъ былъ солнцемъ разукрашенъ!
Какъ жаръ горѣли купола;
Сквозила прорѣзь стройныхъ башенъ
Узоромъ свѣта и тепла...
Но говорилъ мнѣ голосъ тайный,
Что къ мѣсту бѣдъ, скорбей и золъ
Тропой пустынной я пришелъ...
Былъ слышенъ гулъ необычайный;
И голосовъ несмѣтный хоръ
Волнами снизу подымался,
Какъ будто тамъ шумящій боръ
Стоналъ подъ бурей и метался.
И, подойдя, взглянулъ я внизъ,
На городъ, гдѣ все такъ блестѣло...
Свершалось темное въ немъ дѣло
И вопли страшные неслись.
Дышала смертію повальной
Зараза черная надъ нимъ...
Къ кладбищамъ поѣздъ погребальный
Одинъ тянулся за другимъ.
Тѣла несли, везли возами...
Грозила всѣмъ одна судьба;
Живые, несшіе гроба,
Подъ ними умирали сами.
Толпы бродили блѣдныхъ лицъ;
Просили помощи больные,
Стучась въ ворота запертыя
У переполненныхъ больницъ.
Иные падали, вставали—
И въ корчахъ падали опять;

И съ мостовой не успѣвали
Тѣла умершихъ убирать.
Объятъ весь городъ былъ смятеньемъ;
Вездѣ страданья, плачъ и страхъ;
Народъ съ колѣнопреклоненьемъ
Молился вслухъ на площадяхъ.
Духъ истребленія носился
Надъ всѣмъ здоровымъ и живымъ...
И я мученіямъ людскимъ
Невольно въ землю поклонился.
Какъ въ безразсвѣтной гроба мглѣ
Мнѣ тяжело и страшно было...
И между тѣмъ какъ на землѣ
Кончалась жизненная сила
И ужъ потухшіе умы,
Нещадной смертію гонимы,
Въ пустыя бездны вѣчной тьмы
Въ нѣмой тоскѣ летѣли мимо,—
Кругомъ—торжественный покой
Царилъ надъ зрѣлищемъ ужаснымъ,
И это солнце въ небѣ ясномъ
Съ своею наглой красотой!
Зачинщикъ злобнаго обмана,—
Оно, горѣвшее свѣтло,
Какъ бы зіяющая рана
Болѣзни смрадныя лило...
И страстнымъ чувствомъ увлеченный,
Мгновенно страхъ преодолѣвъ,
Сошелъ я въ городъ зачумленный,
Неся въ душѣ и скорбь, и гнѣвъ.
Въ то время шли толпой усталой
На площадь люди. Позади
Пошелъ и я. На площади
Живыхъ ужъ оставалось мало.

Народъ въ унынiи молчалъ.
Близъ насъ лежала труповъ груда.
И, пламенѣя, я вскричалъ:
«Уйдемте, братья, прочь отсюда!
«Въ безславной смерти пользы нѣтъ.
«Страдать и мучиться—довольно!
«Уйдемъ туда, гдѣ жить привольно;—
«Великъ и красенъ этотъ свѣтъ!..
«Уйдемъ скорѣй отъ слезъ и воя,
«Пока часъ смертный не пробилъ.
«Здѣсь мертвымъ стало все живое
«И нѣтъ ужъ мѣста для могилъ...
«Чтò можемъ сдѣлать мы? Взгляните:
«На всемъ—проклятiя печать!
«Иль воскресенья мертвыхъ ждать
«Мы станемъ здѣсь?.. Чего-жъ хотите?
«Людскою жизнью не живя,
«Дрожать предъ вѣрною кончиной?
«Или, припавъ надъ мертвечиной,
«Жить подлой жизнiю червя?
«Здѣсь гибнетъ Божiе творенье,
«Здѣсь человѣка нѣтъ слѣда...
«Покинемъ всѣ и навсегда
«Мы эту мерзость запустѣнья!...»

III.

Вѣщая ночь.

Мнѣ снилось—царство тишины...
Я шелъ пространными полями;
Небесъ далекихъ глубины,
Мерцая блѣдными звѣздами,
Въ свой мiръ таинственный меня

Путемъ переносили млечнымъ,
Все завлекая и маня
Къ исчезновенью въ безконечномъ...
Казалось грезой бытіе —
Такъ все въ природѣ тихо было;
И время шествіе свое
Въ раздумьи будто прекратило.
Одна плыла со всѣхъ сторонъ
Съ земли до неба ночь нѣмая;
И чуялъ я, какъ жизнь, сквозь сонъ
Избыткомъ силы выступая
Изъ лона дремлющей земли,
Не торопилась, не боролась; —
Невольно наливался колосъ
И травы нéхотя росли.
Но на пути моемъ порою
Міръ, выходя изъ забытья,
Какъ бы бесѣдовалъ со мною.
Ракитъ — печальная семья,
Посеребренная луною;
Межи прямая полоса;
Спокойныхъ нивъ просторъ огромный
Вплоть до черты, гдѣ небеса
Склонили къ нимъ свой куполъ темный;
И все, что̀ жило, въ тишинѣ
Тая свое существованье,
Казалось, говорило мнѣ:
«Ты въ наше вслушайся молчанье!»
И былъ однажды тотъ призывъ
Такъ внятенъ мнѣ.. Я сѣлъ на землю
И, думъ волненье укротивъ,
Вокругъ себя гляжу и внемлю...
Широкій мнѣ теперь просторъ
Еще громаднѣе казался.

Блуждалъ по всей равнинѣ взоръ,
Ища предѣловъ и—терялся...
При свѣтѣ лунномъ, въ узахъ сна.
Необозримая,—лежала,
Какъ символъ вѣчности она—
И безъ конца, и безъ начала...
И чуткой слышалъ я душой,
Какъ на поверхности земной
Струился токъ живого духа,
Незримъ тѣлесности слѣпой
И нѣмъ для чувственнаго слуха...
Въ даль безпредѣльную смотря,
Преданье вспомнилъ я родное
О долгомъ, мертвенномъ покоѣ
Временъ былыхъ богатыря...
И онъ воскресъ передо мною,
Въ землѣ безмолвной воплотясь...
Текущихъ дней живая связь
Съ давно минувшей стариною!..
Все та же тяжкая дрема;
И мощь безъ мѣры и предѣла,
Казалось, выйти не хотѣла
Изъ-подъ гнетущаго ярма...
На долго-ль ты, земля, заснула?
Ужель на жизнь надежды нѣтъ?..
И слышу, словно мнѣ въ отвѣтъ,
Вся—съ края въ край она—вздохнула...
Глубокій вздохъ!.. Чтó значитъ онъ?
Твои, земля, то были-ль пени
На свой позоръ? на долгій сонъ
Въ оковахъ праздности и лѣни?..
Была-ль то жалоба судьбѣ?
Освобожденья ли просила
Похороненная въ тебѣ

Живая творческая сила?..
Или, тоской истомлена,
Давно на подвиги готова,—
Покуда зрѣютъ времена
Къ свершенью дѣла міроваго,—
Ты облеклась и въ мракъ, и въ тишь
Отъ вражьей зависти и злобы;
Но плодъ трепещущій таишь
Во глубинахъ своей утробы?..

Средь нивъ, задернута легко
Завѣсой зыбкою тумана,
Виднѣлась мнѣ недалеко
Большая, чистая поляна.
Являться начали на ней
Все прибывающія тѣни—
Какъ бы собраніе людей,
Въ молитвѣ павшихъ на колѣни.
Къ востоку обратясь лицомъ
И къ небесамъ воздѣвши руки,
Они молчали; но потомъ
Всѣ поднялись,—и гимна звуки,
Полны святого торжества,
Внезапно хлынули, какъ волны,
И ясно скорбныя слова
Средь ночи слышались безмолвной:

«Многотруденъ нашъ путь, насъ усталость томитъ.
Гдѣ прошли мы въ трудѣ и въ неволѣ —
Рѣки слезъ тамъ текутъ, море крови стоитъ...
Сжалься, Боже, надъ нашею долей!

«Гдѣ же мукамъ предѣлъ? и куда мы
Черезъ тьму этой ночи [illegible]

Боже! скоро ли день? Скоро-ль свѣтъ обрѣтемъ,
Призываемый нами съ востока?

«Хотя много ужъ силъ жизнь у насъ отняла,—
Нашихъ силъ и теперь не измѣримъ;
Хоть извѣдали мы много горя и зла, —
Всѣ надѣемся, любимъ и вѣримъ!

«Боже, насъ не оставь и намъ помощь пошли!
Когда злая насъ гонитъ невзгода,
Дай намъ знать, что Тебѣ слышны стоны земли,—
Что Ты видишь страданье народа!»

Поднялся вѣтеръ, загудѣвъ
Отвѣтной пѣснію тоскливой
Въ травѣ полей, въ вѣтвяхъ деревъ;
Шумя, заколыхались нивы —
И стихло все... Видѣній слѣдъ
Исчезъ въ разорванномъ туманѣ.
Не слышно гимна; на полянѣ
Людей молящихся ужъ нѣтъ...
Но я, молитвѣ и надеждѣ
Предавшись весь, на небосклонъ
Смотрѣлъ и ждалъ... Со всѣхъ сторонъ
Нѣмая ночь плыла, какъ прежде;
Все то же царство тишины
Надъ безпредѣльными полями;
Все такъ же блѣдными звѣздами
Мерцали неба глубины...
Святая тайна совершалась
Недавно здѣсь, и слышалъ я,
Какъ передъ Богомъ сокрушалась
И говорила съ Нимъ земля, —
И вотъ опять покой безстрастный!

Ужели я вотще смотрю
Въ пустую тьму? Зову напрасно
И пробужденье, и зарю?
Благого, свѣтлаго начала
Душа ожившая моя
Съ такою вѣрой ожидала,
Такъ горячо!.. И снова я
Весь въ созерцанье погрузился;
Гляжу и напрягаю слухъ...
Свершаетъ жизнь свой мѣрный кругъ,—
Обрядъ идетъ... Но гдѣ-то духъ
Животворящій притаился...

IV.

Эпилогъ.

На яву.

На свободную мысль и на правду святую
Ополчается темное зло,—
И порой я грущу, безнадежно тоскую;
На душѣ тяжело...

Осквернились умы словомъ лживымъ и празднымъ
И,—паденію нашему радъ,—
Растлѣваетъ намъ духъ своимъ старымъ соблазномъ
Закоснѣлый разврать.

Гаснутъ свѣта лучи... ожида
Поглощенія
И пугаетъ меня
Вол

И я вѣру зову! Съ нею въ мірѣ яснѣе;
　　　　На земномъ, многотрудномъ пути,
Среди бурь, подъ грозой намъ отраднѣе съ нею
　　　　Бремя жизни нести; —

Вѣру въ правду, въ добро, въ помощь силы любящей,
　　　　Въ неизбѣжность разумныхъ побѣдъ;
Вѣру въ жизненный духъ, непрестанно творящій,
　　　　И въ немеркнущій свѣтъ...

Разумъ, движущій міръ! Духъ всесильный и вѣчный!
　　　　Въ общей жизни участье намъ дай,
И, народы ведя къ тайнамъ цѣли конечной, —
　　　　Разрушай! созидай!

1868 г.

НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА.

Проходитъ время торопливо
И вотъ, давно ужъ я живу
Въ мѣстахъ мнѣ чуждыхъ [1]), особливо
Столь непохожихъ на Москву;
Но какъ настойчиво и живо,—
Порою слякотью покрытъ,
Порой объятъ и тьмой, и стужей,—
Передо мною все стоитъ,
Москва, твой образъ неуклюжій!
Москва бы ничего... Увы!
Въ тѣ дни свела меня судьбина
Съ татарскимъ типомъ гражданина,
Царившимъ грозно средь Москвы...
Вотъ этотъ типъ изъ головы
Не скоро, кажется, я выну.
Онъ все сидитъ во мнѣ съ тѣхъ поръ,
Какъ прохватившій сердцевину,
Забытый въ деревѣ, топоръ.

Что-жъ новаго въ М[illegible] [illegible]но,
Фактъ утѣшитея

[1]) Въ Германіи.

Что тамъ теперь пылаетъ газъ
На мѣсто прежней тьмы кромѣшной.
А свѣтъ другой—духовный свѣтъ—
Еще все въ томъ же положеньи?
Все на умѣ лежитъ запрѣтъ,
Чтобъ не мѣшалъ онъ просвѣщенью?
Свободной мысли строя ковъ
И подпуская ей булавки,
Кричатъ ли воины въ отставкѣ
О пользѣ древнихъ языковъ?..
Я помню, какъ въ Москвѣ, бывало,
Душа рвалась и тосковала,
И я спасенія искалъ
Отъ новыхъ нравственныхъ началъ.

Такъ было скверно тамъ и жутко!
Не зналъ, себя какъ уберечь;
Могла постичь плохая шутка
Въ зловѣщей тьмѣ отъ разныхъ встрѣчъ...
Тутъ оберутъ монетъ излишекъ,
А тамъ—излишній грузъ идей;
Равно боишься и воришекъ,
И уважаемыхъ людей.
Ужели духъ Москвы почтенной
Не обновляется ничѣмъ?
И патріотъ нашъ современный
Не надоѣлъ себѣ и всѣмъ?
Ужель тоска его не гложетъ?
Не проситъ умъ иныхъ заботъ?
О, сколько-жъ лѣтъ еще онъ можетъ
Твердить одно: «Я патріотъ!»?
Вѣдь такъ хлопочемъ съ давнихъ поръ мы
Все лишь о цѣлости земли,
Что содержаньемъ нашей формы

Уже совсѣмъ пренебрегли.
Какой на степени вопроса
Въ Москвѣ предметъ теперь стоитъ?
На чтó она взираетъ косо
И чтó ей сердце веселитъ?...
Вотъ хоть бы право крѣпостное —
Сей ждавшій воскресенья трупъ...
Навѣрно что-нибудь такое
Предвидитъ англійскій тамъ клубъ.
На этотъ счетъ онъ, безъ сомнѣнья,
Сейчасъ бы просвѣтилъ меня;
Вѣдь тамъ главнѣйшая стряпня
Идетъ общественнаго мнѣнья.
Житье въ Москвѣ — не наслажденье;
О, нѣтъ!... А, право, иногда
Безъ клубныхъ слуховъ я тоскую...
(Вотъ какъ сегодня.) И тогда
Въ Москву хотѣлъ бы, на Тверскую!
Чуть только явится хандра
И эта надобность приспичитъ —
Меня какъ власть оттуда кличетъ:
«Пора въ Москву! Въ Москву пора!»

Покончу я съ моей тоскою!
Направлю тотчасъ же шаги
Въ Москву, чтобъ свидѣться съ Тверскою..
Воображенье, помоги!

О, Боже! *Не бѣлы снѣги*
Скрипятъ подъ легкою ногою...
Ручьи, бугры, ухабы, грязь!
Иду я бережно, боясь.
Что бу[illegible]
О, [illegible]

Выходишь изъ дому, крестясь!
Зима съ Москвой простилась рано [1]),
Преданьямъ старымъ не вѣрна;
Теперь равно для басурмана,
Какъ и для русскаго — весна.
Странна измѣнчивость такая...
Но во сто кратъ, по мнѣ, страннѣй
Переворотъ въ душѣ моей:
Я размягчаюсь, словно тая,
Какъ эта глыба снѣговая!
Какъ эти мутные ручьи,
Во мнѣ всѣ чувства взволновались,
Разрушивъ строгій мой анализъ
И мысли злобныя мои.
Не сталъ мой умъ добрѣй и шире;
Но онъ разбухъ и разрыхлѣлъ,
Какъ будто-бъ выпилъ и поѣлъ
Я въ Ново-Троицкомъ трактирѣ.
И я шепчу: «Москва! ты въ мірѣ
Всему начало и предѣлъ!
Ну, что̀ намъ Западъ? Что̀ онъ знаетъ?
Гдѣ-жъ европейцу-дураку!..
Вѣдь Русь лишь тѣмъ и созрѣваетъ,
Что прѣетъ въ собственномъ соку!..»
Чуть только грустныхъ думъ тревогу
Въ себѣ успѣешь ты смирить
И, какъ медвѣдь свою берлогу,
Россію примешься любить, —
Познавъ, сколь этотъ трудъ не тяжекъ,
Душой блаженъ ты станешь вдругъ!..
Такъ тѣло нѣжится безъ брюкъ,
Безъ сапоговъ и безъ подтяжекъ.

---

[1]) Писано въ февралѣ 1869 г.

И вотъ иду я, облеченъ
Въ духовный шлафрокъ «патріота»,
Иду какъ будто бы сквозь сонъ
И—натыкаюсь на кого-то...
Сперва мнѣ видится одно
Большое подъ бекешью чрево.
Я—вправо; тутъ же и оно.
Я—влѣво; и оно налѣво...
И ужъ потомъ мои глаза,
Разставшись съ чревомъ и съ бекешью,
Встрѣчаютъ жирный ликъ *туза*
Съ собольей шапкою надъ плѣшью.
Онъ нашей пляскѣ ждалъ конца;
Дышалъ съ трудомъ; губа отвисла...
Я разглядѣлъ черты лица,
Но не успѣлъ понять ихъ смысла
Еще разъ пять посторонясь,
Мы разстаемся; но... какъ странно!
Весь мой лиризмъ исчезъ нежданно.
Я снова вижу, отрезвясь,
Одну лишь уличную грязь.
Тепломъ весеннимъ солнце грѣетъ;
Но ни балкона, ни окна
Еще никто открыть не смѣетъ;
И изъ москвичекъ—вонъ, одна
Жеманно ходитъ вдоль балкона—
Съ вихрами мокрыми ворона...
А грязи, грязи-то!.. Едва
Не захлебнулась въ ней Москва...
Вотъ человѣкъ избитый, пьяный,
На видъ подобный мертвецу;
И только кровь, сочась изъ раны,
Свои размазала румяны
По [illegible] лицу.

Онъ, молча, мутнымъ взоромъ водитъ,
Къ стѣнѣ, какъ кукла, прислоненъ...
Толпа зѣвакъ со всѣхъ сторонъ
На это зрѣлище подходитъ.
Одинъ качаетъ головой,
Другой трунитъ надъ пьяной рожей;
Но власть имѣющій прохожій
Воскликнулъ: «Гдѣ-жъ городовой?..»
Разслыша голосъ роковой,
Взывавшій грозно къ правосудью,
Бѣднякъ очнулся... Наклонясь,
Хотѣлъ шагнуть и—грохнулъ въ грязь
Чрезъ тумбу головой и грудью...
Нѣтъ въ мірѣ худа безъ добра.
Когда-бъ не эта грязь,—конечно,
Убился-бъ дó смерти, сердечный!...
Однако къ клубу мнѣ пора.
Плыветъ по грязи вереница
Саней, колясокъ и каретъ...
Какія важныя все лица!
Подобныхъ за границей нѣтъ.
Сидятъ, нахмуривъ строго брови
И величаво развалясь...
Смотрю: чтó ни москвичъ, то князь
Чистѣйшей рюриковской крови...
А между тѣмъ какая грязь!
Она въ лицо мнѣ брызжетъ даже
Отъ этихъ глупыхъ экипажей...

Вотъ клубъ!! хоть англійскій—а Русь!
Здѣсь наконецъ я наберусь
Сужденій, слуховъ, толковъ, сплётенъ, —
И, снова на годъ беззаботенъ,
Въ свой тихій уголъ возвращусь...

О чемъ тутъ рѣчь? Какіе споры?
Садятся, можетъ быть, за столъ?
Въ какое время я пришелъ?
Ужъ сумракъ сходитъ... Часъ который?
А день? Четвергъ!! Какъ! Значитъ, нѣтъ
Здѣсь ни собраній, ни бесѣдъ?..
По середамъ да по субботамъ
Тутъ пищи много патріотамъ...
Зачѣмъ же прибылъ я въ Москву?
Клубъ!.. Я не членъ, чтобъ въ этомъ мѣстѣ
Имѣть покуда rendez-vous;
А можетъ быть до этой чести
Я никогда не доживу...
Своей мнѣ вѣтренности стыдно
Передъ степенностью Москвы!
Знакомыхъ, впрочемъ, тутъ не видно;
Одни съ воротъ лишь смотрятъ львы
И улыбаются ехидно...
Ну, что-жъ!.. Такъ и пойду домой,
Не подкрѣпясь московской пищей,—
Какъ на ночлегъ съ пустой сумой
Подчасъ бредетъ голодный нищій.

Пора, пора! Уже темно.
Межъ фонарей въ мерцаньи слабомъ
Ныряютъ сани по ухабамъ...
Мнѣ стало грустно, скучно! Но—
Есть утѣшеніе одно:
Я знаю—будутъ колебанья
И, расшатавшись, рухнетъ зданье
Началъ московскихъ!..

Иль вновь начнется кочеванье
Средь нашихъ умственныхъ степей
Безъ вѣхъ, безъ цѣлей, безъ границы;
И при безмолвіи властей
Недоумѣніе нулей—
Къ какой примкнуть имъ единицѣ?..

1869 г.

ВЪ ЧЕМЪ ВСЯ СУТЬ?

Заграничная сцена изъ русской жизни.

—●—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сараевъ, лѣтъ подъ 60.
Кузьминъ, лѣтъ 25-ти.

Дѣйствіе въ Киссингенѣ, въ августѣ 1871 года. Тѣнистая аллея въ паркѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ источника и курзала. На сценѣ одна скамейка, на которой сидитъ Сараевъ. Онъ съ просѣдью, безъ бороды, тученъ, красенъ и дышетъ съ затрудненіемъ. Одѣтъ въ легкій лѣтній сюртучокъ и держитъ на рукѣ пальто. Шляпа маленькая, соломенная. Туалетъ его изященъ. Онъ куритъ сигару. Вдали оркестръ играетъ попури изъ патріотическихъ нѣмецкихъ пѣсенъ, среди которыхъ особенно торжественно выдается: „Die Wacht am Rhein". Въ продолженіе дѣйствія изрѣдка проходятъ черезъ сцену прогуливающіеся дамы и мужчины, то въ одиночку, то попарно и группами. Около семи часовъ вечера.

САРАЕВЪ.

Ужель въ странѣ чужой никакъ сойтись нельзя
Двумъ представителямъ Россіи православной,
Чтобъ не объѣсться, такъ исправно,
Какъ вотъ теперь объѣлся я?
Добро-бъ здѣсь былъ Парижъ!.. Вѣдь даже стыдно, право!
Здѣсь люди лѣчатся. Возьмите нѣмца.. Тотъ

Блаженствуетъ, когда за гульденъ въ table d'hôte
Ѣстъ мяса лоскутки съ помойною приправой.
А я... тюрбо—фазанъ—коза—ростбифъ—
Пулярка—трюфели—компоты—кремъ—печенье—
Ликёра—вйна.. уфъ! Какое-жъ тутъ лѣченье!
Вопросъ поставленъ такъ: я завтра буду-ль живъ?
(*Вынимаетъ изъ кармана карту обѣда и просматриваетъ ее.*)
Еще шуфлёръ, салатъ, да сыръ, да фрукты... шутка!
Здѣсь хватитъ смерть какъ разъ того, кто этакъ ѣстъ.
Нельзя въ сообществѣ россійскаго желудка,
Скитаясь по свѣту, искать цѣлебныхъ мѣстъ.
Съ нимъ только путь найдешь кратчайшій на кладбище.
Да, мы ѣдимъ!.. Купцы, дворяне... Вотъ—народъ,
Простой, рабочій людъ—весьма умѣренъ въ пищѣ;—
Зато ужъ какъ же пьетъ!..

Излишекъ благъ земныхъ утробѣ нуженъ русской
За воздержаніе, которое въ умахъ.
Вѣдь пробавлялись мы по части прочихъ благъ
Всегда лишь легкою закуской.
Въ иномъ питаньи намъ и надобности нѣтъ;
А то мы тысячу не прожили бы лѣтъ.

Что-жъ! нашъ режимъ хорошъ! Онъ единицамъ вреденъ;
Но въ смыслѣ общемъ онъ здоровъ.
Одинъ ѣдой богатъ, тотъ водкою не бѣденъ...
Ну! кротость духа есть, и трезвость есть умовъ.
На западѣ вездѣ,—во Франціи тѣмъ болѣ,—
Въ чемъ заключаются причины кутерьмы?
Желудки просятъ правъ, а вовсе не умы.
Ни родъ, ни капиталъ не думаютъ о волѣ.
Все нищіе! Пришлось на полку зубы класть.
Вотъ и мозги работать стали,

Что̀ съ псами дѣлаютъ, чтобъ лаять перестали?
Кускомъ имъ затыкаютъ пасть.

Недавно и у насъ неладно было что-то...
И даже дворянинъ, при свойствахъ патріота,
Вдругъ началъ примѣчать то здѣсь, то тамъ изъянъ
Съ освобожденіемъ крестьянъ.
И вотъ реформы намъ посыпались безъ счету.
Хоть, впрочемъ, я не всѣ могу принять за льготу—
Публичный гласный судъ, свободная печать...
Вѣдь такъ, пожалуй, мы дойдемъ и до... Какъ знать!..
Нѣтъ! русскій дворянинъ въ прогрессѣ знаетъ мѣру.
Онъ--государства столбъ. Отцовъ блюдетъ онъ вѣру.
Народа—разумъ онъ, по званью своему,
И... словомъ, можетъ власть довѣриться ему.
Но вотъ кто—голыши безъ племени, безъ рода...
Они уже и такъ не связаны ничѣмъ:
Ни обязательствъ нѣтъ, ни нѣтъ связей; — межъ тѣмъ
Нужна, вотъ видите-ль, имъ прежде насъ свобода.
Порядокъ ихъ гнететъ. Ихъ тяготитъ самъ Богъ.
И вотъ нашъ демократъ безъ Бога, безъ сапогъ,
Безъ правилъ, безъ родства—живетъ себѣ какъ птичка.
При немъ лишь имя есть. И то не имя,—кличка.
Ничтожность гордая! Огромный, дерзкій нуль!..
Да; не хочу скрывать: я сволочь ненавижу;
Но я не слѣпъ. Вездѣ вещей я сущность вижу,
Сужу ли о себѣ, другихъ въ примѣръ беру-ль.
Отечество любить—по совѣсти—кто можетъ?
Кто вѣрный сынъ его? Конечно, ужъ не тотъ,
Кто корки черствыя съ родныхъ полей жуетъ,
И кто родимыхъ стадъ однѣ лишь кости гложетъ.
Отъ пищи этакой наврядъ ли выйдетъ прокъ.
Ужъ если даже насъ мутитъ дороговизна,
Какъ ждать, чтобы бѣднякъ быть патріотомъ могъ?

Коль кушать хочется,—какая-жъ тутъ отчизна?
Чтобы страну любить—необходимъ досугъ;
И стимулъ доблестей гражданскихъ есть достатокъ.
Граждане—не блины. Не испечешь ихъ вдругъ.
Рожденье на людей кладетъ ужъ отпечатокъ.

Дороговизна... да! А средствъ упадокъ быстръ.
Я кризисъ изучилъ на собственномъ карманѣ,
И мной предупрежденъ объ этомъ былъ заранѣ
Нашъ управляющій финансами министръ.
Еще я набросалъ одинъ трактатъ, въ которомъ
Всѣ мѣры новыя учтиво назвалъ вздоромъ.
Вѣдь способъ управлять такъ простъ: кто сытъ и пьянъ—
Не политическій тотъ въ обществѣ буянъ.
О, развлекайте насъ!... Старайтесь, ради Бога!
Вопросовъ и задачъ такъ накопилось много,
Въ Европѣ слышится подчасъ такая рѣчь
И о такихъ вещахъ... Старайтесь насъ развлечь!
Пусть старый міръ свою намъ продолжаетъ сказку,
Все ту же самую,—пространнѣй,—не спѣша.
Вся сущность дѣла въ томъ, чтобъ отдалить развязку...
Нехороша она! ахъ, какъ нехороша!..
Сомнѣнья нѣтъ: насъ ждетъ чортъ знаетъ что̀ такое!..
Такъ дайте-жъ намъ пожить пріятно и въ покоѣ
И развлекайте насъ!..

Благословенъ будь тотъ,
Кто сочинилъ войны кровавый эпизодъ!
Конечно, много жертвъ... Въ войнѣ нельзя иначе...
Но если хоть одной отложенъ срокъ задачи,—
Спасибо и за то! Всѣ бѣдствія войны
Благодѣяніемъ такимъ искуплены.
Патріотизмъ въ ходу! Не важно развѣ это?..
Хоть цифра и растетъ военнаго бюджета,

Производительныхъ нельзя жалѣть затратъ;
Духовно станемъ мы богаче во сто кратъ.
Помимо прочихъ благъ, ужъ и того довольно,
Что насъ военный духъ настроитъ богомольно.
Понятно, что, ума надменность отстранивъ,
Воитель самый злой въ душѣ благочестивъ.

Строй мыслей нынѣшнихъ, на прежній строй похожій,
Надежды подаетъ. Тутъ перстъ мнѣ виденъ Божій.
Начала, коими держались искони
Судьбы людей и царствъ, воскресли въ наши дни.
Начала вѣрныя—и тѣмъ вѣрнѣй, чѣмъ старѣй...
Вотъ вы увидите! Все приметъ прежній видъ,
И старая опять работа закипитъ,
Съ дипломатическихъ начавшись канцелярій.
О, ты, политика, навѣрно насъ спасешь,
Возстановивъ свое значеніе на свѣтѣ!
Пускай умы твою разгадываютъ ложь,
Пускай они твои распутываютъ сѣти...
Ни мечъ и ни перо не страшны намъ твои.
Хоть вдоль, хоть поперекъ Европу ты крои—
Прекрасно! коль, межъ тѣмъ, ну, два хоть поколѣнья
Ты отъ сумбурнаго отклонишь направленья!..

Событія должны насъ мудрости учить.
А мудрость въ чемъ теперь?.. О, люди, люди!.. вѣрьте:
Міръ ветхій рушится; намъ не избѣгнуть смерти...
Что-жъ дѣлать намъ?.. Продлимъ сколь можно жизни нить
И поживемъ же всласть, пока есть силы жить!..

Итакъ, трактатъ мой... да!.. такъ вотъ его основы:
Воинственный въ насъ духъ пусть будетъ духъ суровый;
Но чуть изъ строя вонъ—ищи иныхъ началъ.
Не надо, чтобъ народъ задумчиво скучалъ,

Пусть вдоволь всѣ любви вкушаютъ наслажденья,
Чрезмѣрно не плодя народонаселенья.
Пусть пьетъ простолюдинъ; то вовсе не порокъ,
Доколѣ вносятся и подать, и оброкъ.
Къ тому-жъ во всѣхъ странахъ давать казнѣ доходы
Должны путемъ прямымъ и косвеннымъ народы.
Комплотовъ не терпя, правитель-патріотъ
Не долженъ допускать и трезвости комплотъ.
А если ужъ блюсти народа нужно нравы,—
На то довольно мѣръ отеческой расправы.
Притомъ же судимъ мы о нравахъ такъ и такъ.
Карайте нигилизмъ, его гражданскій бракъ;
Но есть хоть и развратъ, однако безъ системы,
Такой, что даже съ нимъ безвреднѣй стали-бъ всѣ мы.
Политикъ-психологъ не долженъ быть пуристъ:
Что̀ лучше? выбирай: блудникъ иль нигилистъ?
Нѣтъ, я ничуть не врагъ ни пѣсенъ гривуазныхъ,
Ни танцевъ этакихъ, ни этихъ зрѣлищъ разныхъ...
Нагія женщины—ручаться я готовъ—
Насъ отвлекутъ какъ разъ отъ голыхъ бѣдняковъ;
А ужъ извѣстно намъ, что плачъ надъ мѐньшимъ братомъ
Въ союзѣ состоитъ съ опаснѣйшимъ развратомъ.
Образованіе умно пойдетъ у насъ,
Лишь пользовался-бъ имъ одинъ нашъ высшій классъ;
Онъ призванъ управлять отечества дѣлами.
Затѣмъ, вся мелюзга займется ремеслами.
Есть мнѣнье мудрое, и высказалъ его
Одинъ пріятель мой: не надо никого
Къ наукѣ привлекать; особенно же вредно
Къ ней привлекать людей, рожденныхъ въ долѣ бѣдной.
Весьма неграмотенъ у насъ народъ простой,—
Но—какъ ужъ доказалъ другой пріятель мой—
Мы, просвѣщая чернь, плохіе педагоги.
На что̀ ей грамотность? Чтобъ совершать подлоги?

Да; связь бы двухъ системъ устроить мы должны:
Французской съ прусскою; французской—до войны...
Усвоимъ эту связь, я думаю, какъ разъ мы.
Народный геній...

(*Схватывается за желудокъ.*)

Охъ!.. Вотъ начались ужъ спазмы.
Министромъ быть бы могъ, а не могу постичь,
Что не въ диковинку-жъ мнѣ рыба, что-ль, иль дичь...
Какъ нищій жру!.. Бѣда! желудку отдыхъ нуженъ.
Сегодня закажу я самый легкій ужинъ.

(*Читаетъ карту обѣда.*)

Тюрбо, фазанъ, коза...

(*Входитъ Кузьминъ, читая газету. Онъ останавливается на нѣкоторое время и, окончивъ чтеніе, весьма взволнованный, прячетъ газету въ карманъ и, не обращая вниманія на Сараева, бросается, какъ бы въ изнеможеніи, на другой конецъ скамейки.*)

КУЗЬМИНЪ.

Ахъ, Боже мой!..

САРАЕВЪ—*смотритъ съ неудовольствіемъ на Кузьмина, сильно покачнувшаго скамейку; потомъ мало-по-малу успокоивается и обращается къ нему съ любезнымъ выраженіемъ въ лицѣ.*

Вы—русскій?

КУЗЬМИНЪ.

Да.

САРАЕВЪ.

Васъ выдалъ вздохъ родной.

КУЗЬМИНЪ.

Какъ это?

САРАЕВЪ.

Вы сейчасъ: «Ахъ, Боже мой!» сказали
И на скамью какъ снопъ упали.

КУЗЬМИНЪ.

А!.. можетъ быть.

САРАЕВЪ—*шутливо.*

Такой религiозный вздохъ!..
Никакъ бы этого я ждать отъ васъ не могъ.

КУЗЬМИНЪ.

А что?

САРАЕВЪ.

Вы—юноша.

КУЗЬМИНЪ.

Въ душѣ такъ было скверно...

САРАЕВЪ.

Въ душѣ!?.. рѣшительно: вы—юноша примѣрный.

КУЗЬМИНЪ—*какъ бы очнувшись и съ любопытствомъ посмотрѣвъ на Сараева.*

Мнѣ кажется, я вамъ мѣшаю. Я уйду.

САРАЕВЪ.

О, нѣтъ!.. Зачѣмъ?

КУЗЬМИНЪ.

Вздохнулъ я громко на бѣду...

САРАЕВЪ.

Такъ что-жъ?

КУЗЬМИНЪ.

Вы притчами пустились изъясняться...
Трунить какъ будто бы... (*Встаетъ.*)

САРАЕВЪ—*беретъ его за руку.*

Вы, право, ошибаться
Изволите. Прошу мнѣ сдѣлать честь
Хоть на десять минутъ со мною здѣсь присѣсть.

КУЗЬМИНЪ.

На что-жъ я нуженъ вамъ?

САРАЕВЪ—*встаетъ съ трудомъ.*

Я васъ прошу.

КУЗЬМИНЪ—*садится.*

Пожалуй.

САРАЕВЪ—*также садится. Послѣ нѣкотораго молчанія.*

Я нѣмолодъ уже, хоть и не старъ пока...
А ежели и старъ, то все же добрый малый,
И осудили вы поспѣшно старика. (*Молчаніе.*)
У молодежи мы—за что? не знаю, право,—
Плохою пользуемся славой.
Вѣдь такъ? Особенно, мнѣ кажется, студентъ
Совсѣмъ насъ своего лишилъ благоволенья...

КУЗЬМИНЪ.

Потеря эта васъ приводитъ въ огорченье?

САРАЕВЪ.

Чтутъ только женщины за правду—комплиментъ.
Чтобъ я такую могъ оплакивать потерю—
Вы не повѣрите... не правда-ль?

КУЗЬМИНЪ.

Не повѣрю.

САРАЕВЪ.

Вотъ то-то же. Вопросъ лишь сводится на то:
Межъ нами есть вражда,—мы знаемъ ли: за что̀?
Стѣна, стоящая межъ крайнихъ поколѣній,
Быть можетъ, сложена изъ недоразумѣній.
И что-жъ? На фикціи основана тогда
Непримиримая вражда.
(*Замѣтивъ, что Кузьминъ улыбается.*)
Имѣю я давно и мысли, и проекты...
Къ движенію стремясь впередъ, а не назадъ,
Какъ въ жизни я мудрецъ совсѣмъ не строгой секты,
Такъ и въ политикѣ ничуть не ретроградъ.
(*Молчаніе.*)
Итакъ, вотъ видите. Мнѣ кажется, теперь я
Успѣлъ васъ убѣдить кой въ чемъ на этотъ счетъ.
(*Молчаніе.*)
Иль нѣтъ?
(*Молчаніе.*)
Я вамъ еще внушаю недовѣрье?
Ну, что-жъ! Я крѣпостникъ? иль старый идіотъ?
(*Молчаніе.*)
Вы извините... но—вѣдь это неучтиво
Молчаньемъ отвѣчать на этакій вопросъ.
Я въ правилахъ другихъ воспитанъ и возросъ:
Со всѣми вѣжливъ я, съ иными-жъ особливо.

КУЗЬМИНЪ.

Позвольте, оскорблять я и не думалъ васъ.
Наврядъ ли можетъ быть молчаніе обидно.

САРАЕВЪ.

Краснорѣчивѣй словъ молчаніе подчасъ.

КУЗЬМИНЪ.

Но согласитесь же, пока вѣдь мнѣ не видно,
Чтобъ вы... чтобы вашъ взглядъ... онъ, словомъ, до сихъ поръ
Неясенъ...

САРАЕВЪ—*рѣшительно.*

Перемѣнимъ разговоръ.
(*Принимая тонъ важный и безпечный.*)
Вы, молодой *человѣкъ*, пріѣхали недавно?

КУЗЬМИНЪ.

Съ недѣлю.

САРАЕВЪ.

Помогла вамъ здѣшняя вода?

КУЗЬМИНЪ.

Не пробовалъ. Себя я чувствую исправно.
Я съ матерью.

САРАЕВЪ.

Она здѣсь пользуется?

КУЗЬМИНЪ.

Да.

САРАЕВЪ.

А вы что-жъ? Такъ себѣ?

КУЗЬМИНЪ.

Я съ ней по той причинѣ,
Что женщина больна, присмотръ ей нуженъ... ну!
Притомъ же кое-что я смыслю въ медицинѣ,
Такъ не хотѣлось мнѣ пускать ее одну.

САРАЕВЪ.

Вѣдь вотъ опять, нельзя-жъ мнѣ не замѣтить:
Вы добрый сынъ; вамъ жаль, что матушка больна;
Печетесь вы о ней; а въ наши времена
Любовь сыновнюю какую-жъ можно встрѣтить?
Я даже слышалъ такъ... быть можетъ, люди врутъ...
(*Смотритъ, замолчавъ, на Кузьмина.*)

КУЗЬМИНЪ.

Что̀?

САРАЕВЪ.

Будто юноши, увлекшись разсужденьемъ,
Что всѣ мы случаю обязаны рожденьемъ,
Своихъ родителей—«случайностью» зовутъ.

КУЗЬМИНЪ.

Какъ?

САРАЕВЪ.

Такъ и говорятъ: «моя случайность».

КУЗЬМИНЪ—*громко хохочетъ.*

Кто же
Вамъ это разсказалъ? Однако, вы—шутникъ!
Умора! (*Продолжаетъ хохотать.*)

САРАЕВЪ.

Хоть смѣшно,—на истину похоже.
У васъ, у молодыхъ—особенный языкъ.

КУЗЬМИНЪ.

«Случайность»!.. Я своей «случайностью» доволенъ.
Вы угадали. Да, люблю старуху-мать.
Такъ страхъ беретъ, когда начнетъ она хворать,
Что думается мнѣ: ужъ лучше-бъ я былъ боленъ.

САРАЕВЪ.

А вашъ отецъ?

КУЗЬМИНЪ.

Онъ померъ.

САРАЕВЪ.

Гдѣ-жъ онъ жилъ?

КУЗЬМИНЪ.

Въ Санктъ-Петербургѣ.

САРАЕВЪ.

Тамъ служилъ?

КУЗЬМИНЪ.

Служилъ.

САРАЕВЪ.

И померъ?

КУЗЬМИНЪ.

Померъ.

САРАЕВЪ.

Тамъ же?

КУЗЬМИНЪ.

Тамъ.

САРАЕВЪ.

Давно ли?

КУЗЬМИНЪ.

Да ровно годъ тому назадъ.

САРАЕВЪ.

На службѣ былъ счастливъ?

КУЗЬМИНЪ.

Такъ. Не игралъ онъ роли.

САРАЕВЪ.

А въ чинѣ былъ какомъ?

КУЗЬМИНЪ.

По здѣшнему: штатсратъ.

САРАЕВЪ.

Гмъ!..

(*Молчаніе.*)

Здѣсь народу тьма. Еще разгаръ сезона.
Квартирой вы своей довольны?

КУЗЬМИНЪ.

Ничего.

Двѣ комнаты. Чистенько.

САРАЕВЪ.

Безъ салона?

КУЗЬМИНЪ.

Какъ?

САРАЕВЪ.

Безъ салона?

КУЗЬМИНЪ.

Да. Двѣ комнаты всего.
Вотъ не привыкнетъ мать къ трактирной здѣшней пищѣ.

САРАЕВЪ.

Все дорого теперь.

КУЗЬМИНЪ.

Не дешево. Обѣдъ,
Квартира, врачъ... Хоть я, пожалуй, и не нищій,
А лишнихъ капиталовъ нѣтъ.

САРАЕВЪ.

Конечно. (*Помолчавъ.*)
Очень радъ знакомству. Именуюсь
Сараевъ, Александръ Ильичъ.

КУЗЬМИНЪ.

Рекомендуюсь:
Кузьминъ.

САРАЕВЪ.

Весьма я радъ. Вы, господинъ Кузьминъ,
Мнѣ очень нравитесь. Почтительный вы сынъ
И дѣльный молодой *члавѣкъ*. При первой встрѣчѣ
Ужъ заключить о томъ я могъ по вашей рѣчи.
(*Помолчавъ.*)
Что-жъ, давеча вздохнулъ о матери небось?

КУЗЬМИНЪ.

Кто это?

САРАЕВЪ.

Вы.

КУЗЬМИНЪ.

О, нѣтъ.
(*Вынимаетъ изъ кармана газету и указываетъ Сараеву то, что*
Отъ этого вотъ

САРАЕВЪ—*беретъ газету.*

Позвольте. Вотъ сейчасъ въ моемъ къ вамъ обращеньи
Мѣстоименье *ты* чуть-чуть не сорвалось.
Скажите напередъ: вамъ непріятно будетъ,
Когда порой у старика
Вдругъ—*ты* сорвется съ языка?

КУЗЬМИНЪ.

Ну, что-жъ! Отъ этого меня вѣдь не убудетъ.
Коли сорвется, пусть! Привычка, знать, сильна.

САРАЕВЪ.

Оставь намъ хоть ее въ такія времена,
Гдѣ всѣми юноши правами завладѣли!
(*Надѣваетъ pince nez и смотритъ въ газету.*)
А!.. политическій процессъ!.. Вотъ въ этомъ дѣлѣ
Лишь исключеніе встрѣчается одно:
Порядокъ нарушать имъ права не дано.

КУЗЬМИНЪ.

Тутъ возрастъ не при чемъ. Занятье этимъ дѣломъ
Не дозволяется ни въ молодомъ, ни въ зрѣломъ.

САРАЕВЪ.

Положимъ, что и такъ; но въ людяхъ зрѣлыхъ лѣтъ
Порядка колебать намѣренія нѣтъ.
Ты мимо выстрѣлилъ, мой другъ, своимъ отвѣтомъ.

КУЗЬМИНЪ.

Я въ вольнодумствѣ васъ и не виню.

САРАЕВЪ.

Постой!
Ты выслушай. Совсѣмъ я не объ этомъ...

КУЗЬМИНЪ.

Для многихъ выгодны рутина и застой...

САРАЕВЪ.

Не о застоѣ рѣчь и дѣло не въ рутинѣ, —
А въ страсти разрушать!..

КУЗЬМИНЪ.

Да по какой причинѣ?

САРАЕВЪ.

А Богъ ихъ знаетъ!... Страсть!..

КУЗЬМИНЪ.

Да страсть-то почему?

САРАЕВЪ.

Такъ!.. Дай, молъ, на Руси подымемъ кутерьму!..
Я также прогрессистъ...

КУЗЬМИНЪ.

Слыхалъ.

САРАЕВЪ.

Послушай снова.
А все должна же быть подъ обществомъ основа...
Насчетъ основы-то, мой другъ, какъ для кого,—
А я стою за status quo.
И доводы мои такъ правильны и вѣски,
Что ихъ легко понять логичной головѣ.
Основа есть канва; прогрессъ же—арабески.
Пожалуй, вышивай,—но только по канвѣ.
А если ты хотя и золотою ниткой
Начнешь по воздуху свой ковырять узоръ,

Ты только насмѣшишь, мой другъ, своей попыткой,
И твой прогрессъ—есть пуфъ и вздоръ!..

КУЗЬМИНЪ.

Да, вѣско!

САРАЕВЪ.

То-то.

КУЗЬМИНЪ.

Да. Какъ хороша погода!
Пойти бы погулять.

САРАЕВЪ.

Окончимъ разговоръ.

КУЗЬМИНЪ.

Ну что! Сужденія вѣдь всѣ такого рода,
Что пользы намъ отъ нихъ немного до сихъ поръ.

САРАЕВЪ.

Но мы вѣдь не дошли еще до заключенья.

КУЗЬМИНЪ.

Но врядъ ли и дойти намъ этакимъ путемъ.

САРАЕВЪ.

Побольше прямоты, спокойствія, терпѣнья,—
Тогда, быть можеть, и дойдемъ.
Будь искрененъ. Скажи,—какъ вѣрный сынъ отчизны,—
Ужель не проклянёшь ты этакихъ людей?..
Ужели-жъ и дѣла, и мысли ихъ твоей
Не заслужили даже укоризны?..
(*Кузьминъ молчитъ.*)
Ну, что-жъ молчишь, мой другъ? Иль это—ничего?

Иль, можетъ статься, самъ, тѣ-жъ замыслы лелѣя,
Ты видѣть на Руси желалъ ихъ торжество?
Скажи. Я не agent provocateur. Смѣлѣе!..

КУЗЬМИНЪ.

Да чтò мнѣ вамъ сказать?

САРАЕВЪ.

Какъ—чтó?.. Ты любишь Русь?

КУЗЬМИНЪ.

Другъ друга понимать такъ трудно зачастую...

САРАЕВЪ.

Да Русь ты любишь?

КУЗЬМИНЪ.

Я вотъ и теперь боюсь...

САРАЕВЪ —*все съ бóльшимъ нетерпѣніемъ.*

Ты любишь Русь?

КУЗЬМИНЪ.

Русь?

САРАЕВЪ.

Да!

КУЗЬМИНЪ.

«Святую», что-ль?

САРАЕВЪ.

Святую!
Я сынъ святой Руси! любовью къ ней горжусь!
И это всѣмъ скажу!.. А ты какъ?

КУЗЬМИНЪ.

Я скажу ли?
Нѣтъ!.. развѣ напередъ взобравшись на ходули.
Я паѳоса въ дѣлахъ подобныхъ не терплю.
Во-первыхъ, что̀ за Русь? Россію я люблю.
Вотъ къ ней любовь сильна. Но не къ «святой», конечно;
А къ той, какая есть на дѣлѣ, — къ многогрѣшной.
Притомъ къ нѣмой, къ слѣпой, къ глухой... Вотъ, вмѣсто фразъ,
Къ ней подходящіе эпитеты какъ разъ.
Дѣйствительность любить дѣйствительной любовью—
Но то, что вяло млѣть предъ призракомъ пустымъ.
Я родину люблю и нервами, и кровью,
И мозгомъ... всѣмъ, что̀ есть, всѣмъ существомъ моимъ.
Дѣлю я горе съ ней и радость — коль случится.
Когда — ей поклонюсь; когда — ее ругну.
Какъ равный равную люблю свою страну.
А вы насъ учите: святой Руси — молиться.
Мы лишь поклоны класть да ей кадить должны...
Какая-жъ тутъ любовь!.. Роль вашего кумира
Съ восторгомъ смѣнитъ Русь на роль живой страны
Среди живого міра!

САРАЕВЪ.

Прекрасно! Ты правдивъ, не любишь фразъ,
Ты любишь родину гораздо лучше насъ, —
Тѣмъ любопытнѣе мнѣ знать, какого рода
Ты наконецъ мнѣ дашь отвѣтъ.
Я спрашивалъ тебя: сочувствуешь ты?..

КУЗЬМИНЪ — *рѣзко и нетерпѣливо.*

Нѣтъ.

САРАЕВЪ.

Гм!.. Ты не думаешь, что польза для народа
Отъ нихъ могла бы?..

КУЗЬМИНЪ.

Нѣтъ.

САРАЕВЪ.

Такъ эти господа
Подъ категорію преступныхъ?..

КУЗЬМИНЪ.

Да.

САРАЕВЪ — *помолчавъ.*

Еще одинъ вопросъ: со мною откровенно
Ты говоришь объ этомъ?

КУЗЬМИНЪ.

Совершенно.

САРАЕВЪ.

Ну, вѣрю. Почему-жъ, почтеннѣйшій Кузьминъ,
Такъ долго мялся ты? Какая же причина...

КУЗЬМИНЪ.

Я объясню вамъ. Есть здѣсь русскій господинъ,
Такихъ же лѣтъ, какъ вы; того-жъ, быть можетъ, чина;
Но нѣтъ сомнѣнія, что общества того-жъ.
Ужъ очень онъ на васъ манерами похожъ.
За общимъ онъ столомъ, какъ слѣдуетъ сосѣду,
Притомъ соотчичу, повелъ со мной бесѣду;
Но такъ какъ есть всему и мѣра, и предѣлъ,
Я, кончивъ мой обѣдъ, прервать ее хотѣлъ.
«Куда вы?» говоритъ. «Сегодня очень жарко;
Пойдемте погулять въ тѣни прохладной парка».
Пошли. Вдругъ видитъ онъ: ползетъ большой червякъ.
«Ишь, пресмыкается», онъ говоритъ, «бѣднякъ
«У самыхъ нашихъ ногъ, безсиленъ, безоруженъ.

«Пускай живетъ! Почемъ я знаю», говоритъ,
«Быть можетъ, онъ еще въ системѣ міра нуженъ.
«Природа мудрая безъ цѣли не творитъ.
«Я», говоритъ, «всегда—червя или козявку
«Съ дорожки подыму и отнесу на травку».
Смотрю: дѣйствительно, онъ такъ и поступилъ —
Червя, поднявъ съ земли, на травку положилъ.
Вотъ, думаю, душа любовная какая!
Вѣдь сущій ангелъ во плоти!..
И такъ болтаемъ мы, все рядышкомъ шагая;
Но вздумалъ отъ червей онъ къ людямъ перейти.
И лишь коснулась рѣчь вотъ этого процесса,—
Соотчичъ-ангелъ вдругъ преобразился въ бѣса.
И голоса его ласкающій напѣвъ,
И мягкость тучныхъ формъ, и взоры съ поволокой —
Исчезло это все въ одно мгновенье ока.
Онъ словно похудѣлъ, трясясь и поблѣднѣвъ.
На мѣсто барственной, развалистой походки,
Какъ лошадь съ норовомъ прыжками онъ пошелъ.
То, шляпу сдернувши, взъерошитъ свой хохолъ,
То тростью загрозитъ; а между тѣмъ изъ глотки
Импровизація ругни такъ и лилась.
Смотрю, ужъ публика сбирается вкругъ насъ;
А онъ, подъ тѣнію общественнаго сада,
Оретъ: «Казнить ихъ всѣхъ! Ихъ перевѣшать надо!..»
Неловко стало мнѣ и стыдно за него.
Я началъ укрощать... Куда! Взамѣнъ того,
Чтобъ отнестись къ моимъ внушеньямъ благодарно, —
«Вся молодежь», кричитъ, «вся съ ними солидарна!»
Такъ вотъ что̀! Эта злость тупая мнѣ мерзитъ.
О массѣ юныхъ силъ погибшихъ я жалѣю.
Они преступны, да! но мнѣ—я думать смѣю —
Преступниковъ жалѣть никто не воспретитъ.
Ихъ пожалѣть могло-бъ и ваше поколѣнье.

Отвѣтственность должны за многое вы несть.
Ужъ вамъ ли не понять, судя ихъ преступленье,
Что обстоятельства смягчающія—есть!
Не правда-ль? Вы-жъ, отцы, подъ страхомъ бѣдствій мнимыхъ,
Такъ начали пещись о дѣтяхъ горячо,
Что ужъ считаете ихъ всѣхъ за подсудимыхъ;
Для васъ—преступникъ тотъ, кто не созрѣлъ еще.
Хотѣлось вамъ узнать: зачѣмъ я долго мялся,
Зачѣмъ не отвѣчалъ? Вотъ я ужъ вамъ признался.
Напрасно, можетъ быть; а все-жъ, при видѣ васъ,
Червяколюбецъ тотъ мнѣ вспомнился тотчасъ.

САРАЕВЪ—*нѣсколько сконфуженный.*

Напрасно!.. Ежели и грѣшенъ я въ чемъ-либо
Передъ твоимъ судомъ за старостію лѣтъ,
То къ юношамъ во мнѣ ужъ вовсе злобы нѣтъ.

КУЗЬМИНЪ.

Ну, добрый человѣкъ. За это вамъ спасибо.

САРАЕВЪ.

Однако возстаю я противъ кой-чего;
Не все мнѣ нравится.

КУЗЬМИНЪ.

Вы въ правѣ. Ну, такъ что же!
Изъ пожилыхъ людей я знаю одного
Довольно близко. Онъ хоть васъ и помоложе,
Эпохи все-таки годовъ сороковыхъ;—
И онъ вѣдь въ юношахъ худого много видитъ;
Порою ихъ коритъ, порой скорбитъ о нихъ;
Но вы не скажете, что онъ ихъ ненавидитъ.
Онъ знаетъ молодежъ и съ выгодныхъ сторонъ;
Стремленью къ дѣльности желаетъ онъ успѣха,

И больше все за то насъ упрекаетъ онъ,
Что сами мы себѣ помѣха.
Въ душѣ идеалистъ и не ровесникъ намъ,
За новой жизнью вслѣдъ онъ двигается самъ...
Вотъ новый духъ для васъ, мнѣ мнится, не приманка.

САРАЕВЪ.

Духъ демократіи.

КУЗЬМИНЪ.

А вы—аристократъ?
Чтò дѣлать! Крайности другъ съ дружкой идутъ въ рядъ.
Гдѣ есть лицо, тамъ есть изнанка.

САРАЕВЪ.

Я, признаюсь,—лицо.

КУЗЬМИНЪ.

Ну, очень радъ.

САРАЕВЪ.

Какъ членъ сословія.

КУЗЬМИНЪ.

Зовитесь какъ угодно.

САРАЕВЪ.

Но мы, о сторонѣ радѣя лицевой,
Блюдемъ и интересъ изнанки. Намъ онъ свой,
Хоть не зовемъ себя мы партіей народной.

КУЗЬМИНЪ.

Не выйдетъ ничего, себя какъ ни зови,
Коль ни понятья нѣтъ, ни сердца Скорби, нужды,
Страданья—лишь тому, скажу я вамъ, не чужды,
Кто самъ бѣднякъ; иль весь, исполненный любви

И правды, посвятилъ свой умъ и силу воли
На облегченіе людской тяжелой доли.

САРАЕВЪ.

Да... но у насъ мужикъ имѣетъ свой надѣлъ;
Межъ тѣмъ вѣдь и о немъ скорбятъ иные очень.

КУЗЬМИНЪ.

Желаютъ, чтобы онъ еще сытнѣе ѣлъ.

САРАЕВЪ.

А за него желать имъ кто-жъ уполномоченъ?
Что-жъ, развѣ онъ просилъ вступиться за него?

КУЗЬМИНЪ.

Такъ если человѣкъ при насъ, положимъ, тонетъ —
Его спасать не надо, оттого,
Что онъ о помощи не проситъ, — только стонетъ
Да выбивается изъ силъ въ своей борьбѣ?..

САРАЕВЪ.

Имѣетъ свой надѣлъ, я говорю тебѣ.
Всю землю, что-ль, отдать? Благодарю покорно!

КУЗЬМИНЪ.

Къ подобной щедрости не приглашаю я.

САРАЕВЪ.

Объ этомъ кончено. Еще предметъ есть спорный.

КУЗЬМИНЪ.

Какой?

САРАЕВЪ.

Вашъ реализмъ. Коробитъ онъ меня.
Сидитъ онъ въ женщинѣ, не только что въ мужчинѣ.

Какъ, словно сговорясь, всѣ начали вы вдругъ
Значенье восхвалять естественныхъ наукъ.
Вѣдь ты не лѣкарь?

КУЗЬМИНЪ.

Нѣтъ.

САРАЕВЪ.

А смыслишь въ медицинѣ!
Зачѣмъ?

КУЗЬМИНЪ.

Сперва я былъ юристъ,
Но бросилъ эту часть и сталъ...

САРАЕВЪ.

Сталъ нигилистъ!..
Мой другъ, мнѣ жаль тебя; вѣрь моему участью!
Наукъ естественныхъ какъ яду берегись!

КУЗЬМИНЪ.

Вотъ какъ! Я ими-то и занимаюсь съ страстью.
А чѣмъ ихъ замѣнить?

САРАЕВЪ.

Ну, что глядѣть все внизъ!
Въ міръ сверхъестественный ты духомъ возносись.

КУЗЬМИНЪ.

Куда мнѣ! Грѣшный умъ чуждается святыни;
Все бродитъ по землѣ, все занятъ злобой дня.

САРАЕВЪ.

Безъ дисциплины умъ, какъ странникъ средь пустыни,
Идущій наугадъ иль ночью безъ огня.

Вамъ концентраціи досель недоставало!
Латынь—вотъ школа вамъ!

КУЗЬМИНЪ—*иронически*.

Работать я привыкъ.

САРАЕВЪ.

Такъ что же?

КУЗЬМИНЪ.

Для ума латыни вашей мало.

САРАЕВЪ.

А мало, такъ прибавь къ ней греческій языкъ.

КУЗЬМИНЪ.

Я жить хочу!

САРАЕВЪ.

Живи! О смерти нѣтъ и рѣчи.

КУЗЬМИНЪ.

Да не по силамъ грузъ кладете вы на плечи.
Устройте такъ, чтобъ жизнь возможна намъ была.

САРАЕВЪ.

Чтò!.. жизни нынѣшней вамъ ноша тяжела?
Существованіе для васъ теперь есть бремя?
Въ эпоху всѣхъ реформъ?

КУЗЬМИНЪ.

Я знаю: «Въ наше время,
«Когда...» и прочая. И слышалъ, и читалъ
Довольно времени я нашему похвалъ.

САРАЕВЪ.

И не напрасно ихъ читаемъ мы и слышимъ.
Когда сравнишь ты жизнь въ былыя времена
Съ теперешней—поймешь, какъ двинулась она.
Теперь и судимъ мы, и безъ цензуры пишемъ...
Но льготы и права оставь на этотъ разъ.
Скажи мнѣ: въ чемъ нашъ долгъ? Чтò требуютъ отъ насъ—
Не власть, но общество, но духъ нашъ современный?
Вотъ и увижу я: подъ тяжестью согбенный,
Какой же это грузъ ты хочешь сбросить съ плечъ?
По мнѣнью моему, быть надо очень хилымъ,
Чтобы о немъ сказать, что намъ онъ не по силамъ.
Ну, вотъ хоть напримѣръ: когда ведется рѣчь
О древнихъ языкахъ, то мыслію какою
Всѣ руководятся? какихъ послѣдствій ждутъ?
Что уподобишься ты древнему герою?
Что будешь доблестей цивическихъ сосудъ?
Ничуть! Принадлежимъ мы къ русскому народу—
Во-первыхъ; а потомъ—не къ древнимъ временамъ;
Такъ, значитъ, незачѣмъ насиловать природу,
Античный героизмъ навязывая намъ.
Да и никто, мой другъ, объ этомъ не хлопочетъ.
Своя у насъ есть цѣль, и къ ней—свои пути.
Чтò нужно намъ теперь? Чего Россія хочетъ?
Вздохнуть маленько. Ну, ее ты не мути.
Пускай покоится. Вѣдь это не отъ лѣни.
Чтò можетъ ей вредить?—Шатаніе умовъ.
Ну, надмевающихъ остерегайся словъ
И субверсивныхъ направленій.
Чтò нужно ей отъ насъ?—Любовь къ ней. Ну, люби!
Какъ?—Будь врагомъ интригъ, подпольныхъ козней, таинъ;
На обрусѣніе окраинъ
Патріотизмъ употреби.
А если до войны дойдетъ, положимъ, дѣло,—

Тогда чтò?—расширяй отечества предѣлы.
Вотъ все! я болѣе не знаю ничего;
Но, можетъ быть, тебѣ еще кой-что извѣстно?

КУЗЬМИНЪ.

Мнѣ? Нѣтъ.

САРАЕВЪ.

Такъ ропщешь ты на тягость отчего?..
Вѣдь это—извини—не честно!
Теперь-то и легко тому, кто патріотъ.
Вотъ прежде вѣялъ духъ средь насъ небезопасный;
Но этотъ миновалъ тяжелый періòдъ;
И мы гражданскій долгъ уразумѣли ясно.
Печать на честный путь вступила чуть не вся.
О, пусть же этотъ стражъ хранитъ насъ неотлучно,
Намъ утро каждое свой рапортъ поднося:
«Все обстоитъ благополучно!»

КУЗЬМИНЪ.

Изъ спорныхъ есть еще какой-нибудь предметъ?

САРАЕВЪ.

Есть. Нравственность. У васъ...

КУЗЬМИНЪ.

Приличій внѣшнихъ нѣтъ?

САРАЕВЪ.

Ужъ нигилисты такъ приличья всѣ попрали,
Что въ нихъ ни внѣшней нѣтъ, ни внутренней морали;
Чтò свято намъ, имъ—вздоръ иль, какъ сказалъ ты,—грузъ:
Семья, и долгъ, и честь, и святость брачныхъ узъ.

Ужъ коль не нравственность, такъ опасенье срама
Могло-бъ...

(*Проходитъ черезъ сцену очень красивая, статная и полная дама, одѣтая особенно нарядно и изысканно. Сараевъ обращаетъ на нее все свое вниманіе и замолкаетъ съ открытымъ ртомъ. Кузьминъ, который въ это время чертилъ, нагнувшись, тросточкой по песку, вдругъ обращается къ Сараеву, удивленный его молчаніемъ.*)

КУЗЬМИНЪ.

Что-жъ вы?

САРАЕВЪ—*слѣдя глазами за дамой, отвѣчаетъ съ притворнымъ равнодушіемъ.*

Какъ бы узнать, кто эта дама?
Какой античный бюстъ! Узнаю жъ наконецъ!..

КУЗЬМИНЪ.

Она—француженка.

САРАЕВЪ—*все болѣе и болѣе измѣняя своему равнодушію.*

А!

КУЗЬМИНЪ.

Русскій тутъ купецъ
Знакомъ съ ней.

САРАЕВЪ.

А!

КУЗЬМИНЪ.

Она передъ осадой
Покинула Парижъ. Сказали, видно, ей.

Что барынь этакихъ покамѣстъ тамъ не надо.
Она перебралась къ врагамъ земли своей,
Да и не думаетъ обратно путь направить.
Живетъ, гдѣ дѣло есть. А здѣсь затѣмъ она,
Чтобъ мяса лишняго лѣченьемъ поубавить.
Эѳирнѣй хочетъ быть; находитъ, что жирна.
Вотъ вамъ исторія прекрасной этой дамы;
Мнѣ разсказалъ ее вчера купецъ тотъ самый.

САРАЕВЪ—*съ волненіемъ.*

Но это варварство!.. Нельзя ли какъ-нибудь
Сказать ей, что ея намѣренье безбожно!..
Что ей пока худѣть не слѣдуетъ!.. Какъ можно
На эту посягать классическую грудь!..
Будь дѣвочка она, иль небольшого роста—
Ну, нѣжность томная была бы ей къ лицу..
Что-жъ твой купецъ молчитъ? Я вижу, глупъ онъ просто...
Что впрочемъ и простительно купцу...
Дозволить ей худѣть безъ всякаго резона!..
Такою мощью формъ роскошною владѣть!..
Такимъ сокровищемъ!.. и—хочетъ похудѣть!..
Помилуй! Вѣдь она—вакханка, не мадона!..

КУЗЬМИНЪ.

Да и купецъ, какъ вы, объ этотъ же скорбитъ;
Но формулируетъ иначе мысли ваши.
По мнѣнію его: не портитъ масло каши,
А тучность—бабѣ не вредитъ.

САРАЕВЪ.

Не тучность—красота! Такія формы рѣдки!..
А знаешь ты, куда она поѣдетъ?

КУЗЬМИНЪ.

Да.

За несомнѣнною получкой у рулетки
Въ Висбаденъ.

САРАЕВЪ.

Боже мой! Да вѣдь и я туда.

КУЗЬМИНЪ—*помолчавъ*.

Позвольте, наконецъ, и мнѣ обезпокоить
Васъ любопытствомъ: вы—вдовецъ иль холостой?

САРАЕВЪ.

Гмъ!.. Любопытствуешь ты, другъ мой, съ мыслью той,
Что я француженкѣ сбираюсь куры строить.
Что дѣлать! Признаюсь: женатъ я; не вдовецъ.
Кутежъ съ француженкой, пожалуй, не у мѣста.

КУЗЬМИНЪ.

Есть дѣти?

(*Сараевъ утвердительно киваетъ головой.*)

Взрослые?

САРАЕВЪ.

Да. Сынъ ужъ молодецъ.
Кавалергардъ.

КУЗЬМИНЪ.

Есть дочь?

САРАЕВЪ.

И дочь уже невѣста. (*Молчаніе.*)
Ну, что-жъ молчишь? Брани! Теперь чреда твоя.

КУЗЬМИНЪ.

Что васъ бранить? А вотъ узнать желалъ бы я:
За что обруганы такъ вами нигилисты?

Не всѣ слывущіе за новыхъ, правда, чисты.
Иные, какъ товаръ съ подложнымъ ярлыкомъ,
Неподходящую себѣ присвоивъ кличку,
На нивѣ, вспаханной съ любовью и трудомъ,
Разводятъ вашу же клубничку;—
Все такъ,—но вѣдь они не хуже прочихъ всѣхъ.
Дурить на новыхъ ли, на старыхъ ли основахъ —
Не все-ль равно? Межъ тѣмъ есть нравственный успѣхъ,
Есть много честности, есть правда въ мысляхъ новыхъ.
Вѣдь черная пока работа все идетъ,—
Такъ какъ же безъ возни, безъ пыли и безъ сора?
Постойте! Будущность весь мусоръ подмететъ —
И зданье чистое откроется для взора.

САРАЕВЪ—*отрицательно качая головой.*

Нѣтъ, нѣтъ!

КУЗЬМИНЪ.

Ну, все равно. Положимъ, что подчасъ
Мы, юноши, грѣшимъ и, съ вашей точки зрѣнья,
Свершаемъ даже преступленья, —
Но въ этомъ дѣлѣ чѣмъ безнравственнѣй мы васъ?
Мишенью вашихъ стрѣлъ вѣдь служимъ съ давнихъ поръ мы.
За что-жъ такая злость?

САРАЕВЪ.

За необычность формы.
Замѣтны слишкомъ вы. Повѣрь, что оттого...
И въ этомъ случаѣ сужденье наше вѣрно.
Ты скажешь, напримѣръ: гражданскій бракъ... ну, скверно!
Безъ брака просто — ничего.
Я грѣшенъ самъ... да что! Зовутъ насъ легіономъ.
Невѣрность женъ мужьямъ, мужей невѣрность женамъ —
У насъ все это есть; все явно... Дѣло въ томъ,

Коли не пагуба; и мы надѣли маски.
Ты скажешь: ложь! Ну, да! Мы лжемъ и съ давнихъ поръ..
А что̀ есть истина? Ее встрѣчалъ ты въ жизни?..
Пусть ложь! Она и намъ полезна, и отчизнѣ.
Устроить сносно жизнь лишь можетъ компромиссъ.
Въ насъ—внѣшній человѣкъ и человѣкъ интимный
Подъ видомъ двоицы въ одномъ лицѣ слились—
И покупаютъ миръ уступкою взаимной.

КУЗЬМИНЪ.

Идей двѣ серіи подмѣтилъ я у васъ:
Вотъ, кодексъ доблестей гражданскихъ—это разъ.
Его-то понялъ я.

САРАЕВЪ.

А понялъ—честь и слава!

КУЗЬМИНЪ.

Да вѣдь рецептъ простой: не мудрствуя лукаво,
Будь патріотъ, да словари
Латинскій съ греческимъ зубри.
Тутъ нѣтъ неясностей; вся суть видна отлично.
Другая-жъ серія—о нравственности личной—
Темнѣе. Вотъ объ ней растолковать нельзя-ль
Хоть вкратцѣ: въ чемъ тутъ суть? Въ чемъ времени мораль?

САРАЕВЪ.

За эту суть должна быть юность благодарна.
Я съ точки зрѣнія смотрю утилитарной.
Быть нравственнымъ, какъ мы—удобно. Наконецъ
Безвредно и грѣшить на нашъ же образецъ.
Въ обоихъ случаяхъ вамъ правила готовы
И путь ужъ проложёнъ. Къ чему-жъ вамъ нуженъ новый?
Вотъ все! Но я еще прибавлю пару словъ:

Вы мыслью задались, отъ чтенія Дарвина,
Что человѣкъ, среди скотовъ,
Есть самъ не болѣе какъ высшая скотина.
Намъ смуту эта гиль готовитъ впереди.
Нѣтъ! человѣка не своди
Съ его священнаго подножья!..
По плоти немощной, какъ мы, животнымъ будь—
Но чти въ себѣ—подобье Божье.
Вотъ времени мораль, и вотъ тебѣ вся суть.
Ну! высказалъ я все, всю душу! И не скрою,
Что не былъ я ни съ кѣмъ, любезнѣйшій Кузьминъ,
Такъ откровененъ, какъ съ тобою.
Ты мнѣ понравился. Почтительный ты сынъ...

КУЗЬМИНЪ.

Какая-бъ ни была довѣрія причина,—
Благодарю я васъ.
(*Взглянувъ въ сторону, встаетъ.*)
А вотъ и мать моя;
Знать, ищетъ своего почтительнаго сына.

САРАЕВЪ.

А! такъ задерживать тебя не смѣю я.
(*Беретъ руку Кузьмина и дружелюбно держитъ ее въ своей.*)
Ну, до свиданія. Желаю, мой любезный,
Чтобъ были для тебя хоть нѣсколько полезны
Мои совѣты.

КУЗЬМИНЪ.

Что-...ъ! Совѣты хороши.
Прощайте. Ухожу.

САРАЕВЪ.

Иди и не грѣши.

КУЗЬМИНЪ—*уходя.*

Какой оригиналъ!..—Онъ—нагрузился-ль плотно,
Иль ужъ дѣйствительно такъ искрененъ и милъ?
(*Уходитъ.*)

САРАѢВЪ—*одинъ.*

Я, можетъ быть, пересолилъ,
Разоблачась предъ нимъ со стороны животной...
(*Помолчавъ.*)
Что̀, если было мнѣ сегодня суждено
Спасти заблудшаго?.. Едва-ль!.. Надежды мало!..
Я думаю—мое зерно
На почву тощую упало!..
Безъ древнихъ языковъ нельзя...
(*Француженка, возвращаясь, проходитъ черезъ сцену.*)
Назадъ идетъ!..
Какая поступь!.. Грудь!.. И похудѣть желаетъ!..
Взглянула... Господи! Какъ этотъ взглядъ зоветъ!
И какъ онъ много обѣщаетъ!..
(*Встаетъ со скамьи и, напѣвая мотивъ романса: «Скажите ей», уходитъ вслѣдъ за француженкой.*)

1872 г.

СКАЗКА О ГЛУПОМЪ БѢСѢ

и

О МУДРОМЪ ПАТРІОТѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Замыселъ борьбы.

I.

Разъ выходилъ тайкомъ изъ спальной
Съ побѣдой легкой и пустой
Одинъ изъ демоновъ, спецьяльно
Соблазномъ женщинъ занятой.
Онъ былъ не въ духѣ. Пресыщенный
Паденьемъ чистыхъ женъ и дѣвъ,
И самъ себѣ ужъ надоѣвъ
Своей фигурою влюбленной,
Бѣсъ разсуждалъ: «Все-жъ нѣтъ причинъ
Мнѣ измѣнять своей задачѣ.
Я въ жертвы выберу мужчинъ —
Опять невинныхъ, не иначе.
Но дѣло не хотѣлъ бы я
Имѣть съ какой-нибудь дубиной.

Мужъ съ чистотою голубиной
Быть мудрымъ долженъ какъ змѣя».
И вдругъ онъ струсилъ. «Я рискую,
Задачу выбравши такую.
Тутъ не до клятвъ и жалкихъ словъ. .
Мужчину не погубишь лаской.
Съ нимъ поединокъ такъ мнѣ новъ,
Что потерпѣть могу фіаско».
И онъ рѣшился къ сатанѣ
Пойти просить благословенья:
«Пусть дастъ совѣтъ владыка мнѣ
И разрѣшитъ мои сомнѣнья!»

II.

Съ вниманьемъ выслушавъ его,
Такъ отвѣчалъ ему владыка:
«Коли усердіе велико,
Достигнуть можно до всего.
Но робкимъ, вялымъ и унылымъ,
Когда мечтаешь о борьбѣ,
Быть не годится. Трудъ тебѣ
Я впрочемъ отыскалъ по силамъ.
Къ себѣ таинственность влечетъ
Тебя приманкой вѣчно новой;
Въ искусствѣ совлекать покровы
Ты изощрилъ себя. Такъ вотъ:
Есть на землѣ такой народъ,
Въ которомъ встрѣтилъ бы ты много
Весьма загадочныхъ сторонъ.
Какъ бы нарочно созданъ онъ
Для наблюденій психолога.
Его извѣдать и постичь —
Вотъ чѣмъ задачу ограничь
На первый разъ. Трудъ — не тяжелый;

А между тѣмъ нѣтъ лучшей школы
Для новичка, какъ этотъ трудъ.
Россіей ту страну зовутъ,
Куда сперва на испытанье
Тебя я шлю. Безъ колебанья
Направься, сынъ мой, въ этотъ край.
Ты, слава Богу, бѣсъ не глупый.
Смотри, бесѣдуй, наблюдай
И почву, такъ сказать, ощупай.
Россія-жъ именно теперь
Переживаетъ трудный кризисъ;
Вотъ смыслъ его ты и провѣрь,
Съ людьми различныхъ мнѣній сблизясь.
Потомъ, явясь, мнѣ дай отчетъ.
Представь докладъ на данныхъ точныхъ:
Чтò это нынѣ за народъ?
О свойствахъ добрыхъ и порочныхъ,
Невольно къ правдѣ иль ко лжи
Его влекущихъ, доложи.
Чтò въ немъ сильнѣе: тѣ ли, эти-ль?
Къ чему онъ слабъ? Въ чемъ твердъ и строгъ?
Какой упорнѣй въ немъ порокъ?
Какая выше добродѣтель?
Итакъ, сперва поди: учись!»
— «Твои исполню я велѣнья»,
Отвѣтилъ бѣсъ; но самомнѣнья
Въ немъ чувства снова поднялись.
И разсуждалъ онъ втихомолку:
«Не все-жъ учиться! Я хочу
Тамъ и мужчинъ совсѣмъ сбить съ толку,
Лишь только нравы изучу!»

И вотъ, лелѣя злыя цѣли,
Пылая жаждой темныхъ дѣлъ,

На крыльяхъ снѣговой метели
Въ Россію демонъ прилетѣлъ.

III.

Сконфуженъ бѣсъ. Давно ужъ бродитъ
Въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ,
Но выдающихся сторонъ
Въ народѣ русскомъ не находитъ.
А потому рѣшить не могъ,
Хоть былъ всѣхъ дѣлъ его свидѣтель:
Какой упорнѣй въ немъ порокъ,
Какая выше добродѣтель?
«Престранный — думалъ онъ — народъ!
Онъ тѣмъ лишь словно и живетъ,
Что рядъ вопросовъ, какъ загадка,
Для разрѣшенья задаетъ.
Что-жъ! въ періодѣ-ль онъ упадка,
Иль расцвѣтанія въ порѣ?
Какихъ онъ — злыхъ иль добрыхъ правилъ?
Иль ни о злѣ, ни о добрѣ
Совсѣмъ понятья не составилъ?
Таитъ ли онъ избытокъ силъ,
Хворая нравственно лишь къ росту;
Иль заключить придется просто,
Что онъ хоть взбалмошенъ, да хилъ?
Міровоззрѣнія мы знаемъ
Другихъ народовъ; что́ же — онъ?
Какою мыслью управляемъ?
Въ какихъ началахъ убѣжденъ?
И что́ потомъ всѣ эти значатъ
Противорѣчья у него?
Вѣдь, право, чорта самого
Изъ нихъ иныя озадачатъ!
И какъ состряпалъ онъ въ себѣ

Свойствъ несовмѣстныхъ совмѣщенье:
Духъ миролюбія—въ борьбѣ,
И верхъ тщеславія—въ смиреньи?
Межъ тѣмъ какъ высшихъ силъ подъемъ
Родитъ благихъ реформъ эпоха
Въ другихъ народахъ,—очень плохо
Реформы выразились въ немъ.
Ну, чѣмъ же жизнь онъ проявляетъ?
Чтобъ разогнать ея тоску,
Онъ меледу перебираетъ
Да вьетъ веревки изъ песку!..
Нѣтъ, я его не понимаю!
И ужъ какой придется мнѣ
Отчетъ представить сатанѣ —
Вотъ, хоть убей меня,—не знаю».

IV.

Сталъ бѣсъ бродить по городамъ,
И по дорогамъ, и по селамъ,—
Но въ духѣ также здѣсь и тамъ
Онъ былъ далеко не веселомъ.
Все изучалъ онъ большинство;
Въ его средѣ все обращался;
То, льстя хвалой, ласкалъ его;
То разозлить его пытался;
Читалъ газеты; говорилъ
И даже дѣйствовалъ не мало;
И самъ учился, и училъ—
Но ничего не помогало.
И онъ твердилъ себѣ, гнетóмъ
Тоской безвыходной своею:
«Я чувствую, какъ съ каждымъ днемъ
Все постепенно я глупѣю».
Но разъ,—ведя, безплодно-золъ,

Средь Петербурга жизнь пустую, —
Онъ вдругъ рукой по лбу провелъ
И произнесъ: «Нашелъ! И чую
Уже побѣды ореолъ!
Да, доблесть самую большую
Въ народѣ русскомъ я нашелъ!
Патріотизмъ!.. Хоть есть въ урокѣ:
Найти порокъ... но ничего!
Я поклянусь, что у него
Равно велики всѣ пороки!
Зато есть доблесть! Наконецъ!
О, ликъ ея какъ чистъ и свѣтелъ!
А я ищу ее, слѣпецъ!
Слона-то я и не примѣтилъ!..
Но не одна тутъ слѣпота:
Въ свое скажу я извиненье,
Что этой доблести черта
Такъ пронизала всѣ явленья,
Что мной за актъ лишь принята
Простого жизни отправленья.
И впрямь: радѣетъ патріотъ
Здѣсь такъ же просто объ отчизнѣ,
Какъ просто спитъ, и ѣстъ, и пьетъ.
Въ другихъ дыханье—признакъ жизни;
Въ немъ доблесть—знакъ, что онъ живетъ.
Итакъ, всѣхъ выше добродѣтель —
Патріотизмъ! Открытъ секретъ.
Теперь тебѣ спасенья нѣтъ,
Земли печальникъ и радѣтель!
Довольно ждалъ я! Въ сѣть мою
Тебя я, вѣжливо и ловко,
Красивымъ словомъ заманю,
Какъ вкуснымъ саломъ въ западню
Мышонка манитъ мышеловка.

Но, можетъ быть, Москву сперва
Сбить съ толку было бы прилично...
Нѣтъ! Петербургъ или Москва—
Для дѣла это безразлично.
Рознь ихъ дѣлила прежде; но—
Съ патріотизмомъ плохи шутки.
Въ своемъ горнилѣ онъ давно
Расплавилъ въ массу всѣ разсудки.
Такъ блюда разныя въ желудкѣ
Перерождаются въ одно.
Гдѣ-бъ ни работать, все равно,—
Лишь стадо было бы Панурга.
Я не покину Петербурга».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленіе къ борьбѣ.

I.

Однажды, въ поздній часъ ночной,
Какъ смолкнулъ грохотъ городской,
Шелъ демонъ улицей пустынной.
Рядъ фонарей тянулся длинный,
Мигавшихъ сквозь валившій снѣгъ,
И—ни души. Любовныхъ нѣгъ
Искатель прежній шелъ угрюмый,
Весь поглощенъ иною думой.
Однако все-жъ онъ слышать могъ
И отдаленный лай собаки,
И гдѣ-то хриплый монологъ
Неугомоннаго гуляки...

Но, впрочемъ, вскорѣ подошелъ
Онъ къ дому и, взглянувъ на нумеръ,
Сказалъ: «Ну вотъ, я и нашелъ.
Онъ здѣсь живетъ, коли не умеръ».

II.

И точно: дѣятель тутъ жилъ
(По справкамъ, бѣсомъ наведеннымъ),
Который въ общемъ мнѣньи слылъ
Благонадежно-просвѣщеннымъ.
О немъ такъ отзывался бѣсъ:
«Хоть объ умѣ своемъ мечтаетъ
И много онъ, но не съ небесъ,
Конечно, звѣзды онъ хватаетъ.
Да, Русь узнавъ, я и не ждалъ,
Чтобъ здѣсь высоко тотъ леталъ,
Кто дѣлъ земли своей касался.
А впрочемъ экземпляръ попался
Хорошій. Обществомъ онъ чтимъ,
Къ идеямъ времени привыченъ,
Къ его условьямъ примѣнимъ,
И потому — весьма типиченъ.
Вотъ и хочу сойтись я съ нимъ.
Къ тому-жъ, трудолюбивъ какъ нѣмецъ
(Но отъ его ехидства чистъ),
Себя явилъ онъ и какъ земецъ,
И какъ юристъ, и финансистъ,
И бюрократъ-администраторъ,
Обильно сѣющій добро,
И замѣчательный ораторъ,
И даровитое перо.
Нельзя прилежнѣй и упорнѣй
Служить, чѣмъ онъ, землѣ своей.

Онъ — дубъ, который прочно въ ней
Пустилъ разросшіеся корни,
И охранительный шатеръ
Надъ ней вѣтвей своихъ простеръ.
Онъ, чуждый страсти афериста,
Себя ведетъ отмѣнно чисто;
Ничуть не воръ, совсѣмъ не плутъ;
И гражданъ современный судъ
Къ передовымъ его причислилъ
Весьма причинно ужъ за то,
Что онъ, живя межъ ними, мыслилъ
И такъ былъ честенъ, какъ никто».

III.

Особъ такого же разряда
Бѣсъ выбралъ съ дюжину; но онъ
Нашелъ, что ихъ сближать не надо, —
Знать, опытомъ ужъ наученъ,
Что пропаганды всенародной
У насъ сомнителенъ успѣхъ.
Онъ совратить рѣшилъ ихъ всѣхъ,
Не торопясь, поочередно,
Начавши съ этого. Но такъ
Былъ этотъ высоко поставленъ,
Что темный бѣсъ не могъ никакъ
Быть кѣмъ-нибудь ему представленъ.
«Какъ дѣлу — думалъ онъ — помочь?»
И разъ, по Невскому гуляя,
Онъ слышитъ: «Масса дѣлъ такая,
Что, право, ужъ и мнѣ не въ мочь.
И для гостей лишь только ночь
До трехъ съ двѣнадцати свободна;
Такъ ночью — всѣмъ, кому угодно!»

Бѣсъ оглянулся: это онъ,
Толпой сограждан окруженъ,
Такъ говоря изъ нихъ кому-то,
Въ поклонѣ общемъ шляпу снялъ.
И бѣсъ съ улыбкой прошепталъ:
«Приду!»
«Въ счастливую минуту
Однако я сюда попалъ!»
Гуляя, радовался демонъ;
И, шмыгая въ толпѣ людей,
Сталъ планъ обдумывать межъ тѣмъ онъ,
Какъ съ жертвой справиться своей.
И вотъ въ его бѣсовскомъ взорѣ
Какъ будто выглянулъ испугъ
И мыслей ходъ прервался вдругъ...
Но овладѣлъ собой онъ вскорѣ:
«А если мой ночной визитъ
Его такъ сильно поразитъ,
Что, въ видѣ грубаго протеста,
Онъ пригласить слугѣ велитъ
Городового для ареста, —
Тогда слугѣ я крикну: стой!
А цыцъ! — ему. Чтобы пустой
Тревоги поднимать не смѣли!
Скажу, что рѣчь идетъ о дѣлѣ,
Гдѣ безусловна власть моя!
Что ихъ сопротивленье — тщетно!
Что я — законъ! Что, словомъ, я —
Агентъ полиціи секретной!..
Не правда-ль: выдумка проста?
Но заградитъ она уста
Слугѣ и господину сразу!»

IV.

Теперь вернемся мы къ разсказу,
Какъ бѣсъ нашелъ желанный домъ.
Онъ отперъ дверь своимъ ключомъ
(Хотя, пожалуй, могъ бы даже
Пройти и такъ, насквозь). Потомъ
У двери во второмъ этажѣ
Остановился, чтобъ прочесть,
Какая значится фамилья
Тутъ на дощечкѣ. Такъ и есть:
Она. И, снова безъ усилья
Переступивъ и эту дверь,
Онъ былъ въ восторгѣ, что теперь,
Подобно жулику-пронырѣ,
Хлопочетъ на чужой квартирѣ.
Темно. Лишь въ отдаленьи свѣтъ.
«Коль онъ ужъ въ спальнѣ, очень кстати,
Что есть лампадка у кровати».
И бѣсъ—туда. Анъ, кабинетъ!
Онъ тотчасъ, времени не тратя,
Вошелъ. Ужъ потухалъ каминъ...
Свѣтъ лампы изъ-подъ абажура...
Все тихо... «Гдѣ же господинъ?»
И вдругъ замѣтилъ, что фигура,
Въ него вперивъ недвижный взглядъ,
Сидитъ, закутана въ халатъ.
Бѣсъ поклонился; но отвѣта
Не получилъ на свой поклонъ.
Нимало не смутясь, и онъ
Усѣлся въ кресла, убѣжденъ,
Что такъ ли, иначе ли, это
Все объяснится до разсвѣта.

V.

Хозяинъ, тощъ и некрасивъ
(Мнѣ очень жаль, но я правдивъ),
Напоминалъ собою лица,
Опасный вынесшія тифъ
И лишь недавно изъ больницы.
И тусклый взглядъ, и мертвый носъ,
И кожи зелень, и волосъ
Прямыя, высохшія пряди,
Висящія съ боковъ и сзади, —
Все это — слѣдствіе того,
Что онъ для края своего,
Силъ не щадя, трудился очень, —
Бывъ уже съ дѣтства худосоченъ.
И демонъ, глядя на него,
Подумалъ: «Вѣдь бѣднякъ непроченъ!
Тѣлесной силѣ россіянъ
И даже твердости ихъ духа
Наносятъ двойственный изъянъ
Патріотизмъ и золотуха».
И онъ — хоть бѣсъ, а пожалѣлъ,
Что такъ печаленъ нашъ удѣлъ
И такъ зловредно для здоровья
Сложились всѣ почти условья
Людского быта.
                Между тѣмъ
Хозяинъ былъ, какъ прежде, нѣмъ
И неподвиженъ. Середь носа
Очки сидѣли, покосясь;
Поверхъ глядѣлъ одинъ изъ глазъ;
Въ рукѣ погасла папироса.
И вотъ скучать ужъ демонъ сталъ;

Сердиться даже начинаетъ...
«Европа зависть къ намъ питаетъ» —
Вдругъ кто-то въ комнатѣ сказалъ.
Такъ этотъ голосъ былъ нечаянъ,
Что бѣсъ вздрогнулъ. Взглянувъ кругомъ,
Онъ тотчасъ убѣдился въ томъ,
Что возгласъ выпустилъ хозяинъ,
Сидѣвшій ужъ съ открытымъ ртомъ...
«Да!» — вновь тотъ началъ — «всѣ державы
Слѣдятъ за нами, господа,
И не простятъ намъ никогда
Значенья нашего и славы!
Къ нимъ каждый годъ доходитъ вѣсть,
Что постепенно Русь шагаетъ,
И — какъ сказать имѣлъ я честь —
Европа зависть къ намъ питаетъ!»
Такъ говорилъ онъ. Объяснить
При этомъ случаѣ мнѣ надо,
Что приведенная тирада
Собою продолжала нить
Той рѣчи умной и прекрасной,
Что̀ поздней ночью, громогласно,
Россіи лучшій гражданинъ
Импровизировалъ одинъ.
Лишь передъ демона прибытьемъ,
Чтобъ отдохнуть, онъ замолчалъ.
Онъ въ этой рѣчи воздавалъ
Хвалу послѣднихъ лѣтъ событьямъ
И крѣпости родныхъ началъ,
На коихъ зиждется издавна
Твердыня Руси православной.
Свою пересыпая рѣчь
Обильемъ мыслей и примѣровъ,
Собраніе акціонеровъ

Онъ ей готовился увлечь.
Теперь онъ перешелъ къ внушеньямъ
Средь злобы дня не позабыть,
Что надо-жъ кончить разрѣшеньемъ
Вопросъ всегдашній: *чѣмъ намъ быть?*
Мнѣ трудно съ точностью правдивой
Всѣ мыслей передать извивы...
Воскликнувъ: «Русскіе, впередъ!»
Онъ тутъ же рѣзкій оборотъ
Смягчилъ, прибавивши игриво:
«Но не гони и въ хвостъ, и въ гриву,
А попридерживай за хвостъ!»
Тутъ смѣхъ и взрывъ рукоплесканья
Онъ предвкушалъ среди собранья.
Потомъ провозгласилъ онъ тостъ
За нашъ гражданскій духъ, который
Покончилъ всѣ межъ нами споры
И дружбою враговъ связалъ.
«Плоды же связи сей», — сказалъ,
Рѣчь заключая, нашъ ораторъ: —
«Консервативный либералъ
И либеральный консерваторъ».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Борьба.

I.

Что-жъ дѣлалъ демонъ? Съ нимъ, по мнѣ,
Необъяснимый казусъ вышелъ.
Рѣчь патріота, въ тишинѣ,
Онъ слушалъ и, казалось, слышалъ;

Вдругъ усомнился: «Что за чушь
Онъ, близъ меня, сквозь зубы цѣдитъ?..
Не боленъ ли почтенный мужъ?..
А!.. Понялъ!.. Онъ -- заснулъ и бредитъ!»
Но глазъ, глядѣвшій какъ-то вверхъ
Черезъ очки, рождалъ сомнѣнье;
И дерзко этотъ органъ зрѣнья
Бѣсъ испытанію подвергъ.
А именно: совсѣмъ у глазу,
Присѣвши, пальцемъ повертѣлъ.
Но въ ту же точку глазъ глядѣлъ,
И даже не моргнулъ ни разу;
А рѣчь попрежнему лилась.
И бѣсъ рѣшилъ тогда ужъ смѣло:
«Спитъ! Мнѣ порукой этотъ глазъ!
Съ лунатикомъ имѣю дѣло!»
Но штука тутъ совсѣмъ не та:
Нѣтъ лунатизма никакого;
Въ немъ, просто, такъ душа чиста,
Что онъ не чуетъ духа злого.
А бѣсъ межъ тѣмъ ужъ думалъ такъ:
«Ну, спитъ, такъ спитъ! Пускай! Ему же
Теперь, конечно, будетъ хуже.
Во снѣ самъ Соломонъ — дуракъ.
Въ его я глупенькую душу
Войду, какъ въ домъ безъ сторожей;
Расположусь спокойно въ ней
И чистоту ея нарушу.
Труднѣе съ бдящимъ оттого,
Что онъ умнѣй, грубѣй, тѣлеснѣй...
А съ соннымъ ночью—ничего!
Прельщу, какъ дѣвочку, его
Стихами, музыкою, пѣсней»...
И только лишь хозяинъ смолкъ,

Какъ бѣсъ, въ рѣшимости упрямой
Идти, не медля, къ цѣли самой
И свой скорѣй исполнить долгъ.—
Къ нему подсѣлъ и въ ухо прямо:

II.

«Голубчикъ, тяжекъ твой удѣлъ!
О, какъ тебя мнѣ жаль, мой милый!
Средь груды многотрудныхъ дѣлъ
Ты съ каждымъ днемъ теряешь силы
Чтобы развлечь твой духъ унылый,
Тебѣ бы пѣсенку я спѣлъ...

Мыслей доблестныхъ тревога
Жизнь измучила твою.
Въ хиломъ тѣлѣ силъ немного;
И когда-бъ не милость Бога,—
Былъ бы ты уже въ раю!

Хоть мила твоя Россія,—
Не легко живется въ ней.
Государства есть другія,
Гдѣ, политикъ и витія,
Ты пожить бы могъ вольнѣй.

Если средства есть въ запасѣ,
Дѣло сладится какъ разъ:
Паспортъ взялъ, билетъ взялъ въ кассѣ,
Да, по чину, въ первомъ классѣ
И кати, благословясь.

Вѣрь, не будешь ты въ изъянѣ,
Исправникъ, какъ тамъ и тутъ.

О, ручаюсь я заранѣ:
Учрежденья и граждане
Умъ твой чуткій привлекутъ.

Тамъ — культурой край богатый,
Независимость и честь;
Тамъ — не только адвокаты,
Тамъ — палаты, депутаты,
Оппозиція тамъ есть.

Пусть укоръ абсентеизму
Ты услышишь, — нужды нѣтъ!
Вѣренъ будь патріотизму,
Но взгляни въ иную призму
На людей, на Божій свѣтъ.

Новой мыслью, новымъ словомъ
Отзовется бытіе.
Самъ воспрянувъ духомъ новымъ,
Ты почувствуешь здоровымъ
Тѣло дряблое свое.

Тамъ — ни вьюги, ни морозы;
Солнце тамъ людей хранитъ.
Какъ въ волшебномъ царствѣ грёзы,
Тамъ мгновенно смѣнятъ розы
Резеду твоихъ ланитъ!..»

III.

Онъ пѣлъ съ чувствительностью лживой,
Какъ прежде женщинамъ пѣвалъ,
Когда грѣхомъ ихъ соблазнялъ.
Замолкъ. Взоръ жесткій и пытливый

Произаетъ жертву. Бѣсъ глядитъ
И ждетъ. Не измѣнясь нимало,
Безмолвно патріотъ сидитъ,
Храня свой многодумный видъ.
Въ душѣ обидно бѣсу стало.
«Спитъ!» онъ ворчалъ. «И крѣпче спитъ!
А смыслъ вѣдь пѣсни, полагаю,
Былъ далеко не баю-баю...
Не измѣнить ли средствъ борьбы?..»
Но тотъ открылъ уста, какъ бы
Давая знать: я начинаю.
«А! — бѣсъ воскликнулъ — говори!»
И тотъ, прождавъ секунды три:
«Европа зависть къ намъ...» — «Ну, знаю!..
Питаетъ!» — бѣсъ прервалъ его.
«А ты къ Европѣ чтó питаешь?
Какое чувство?.. Ничего?..
Хулишь?» Молчитъ. «Такъ уважаешь?..
Чтò головой качнулъ? Зачѣмъ?»
Молчитъ. «Въ знакъ, что-ли, отрицанья?..
Иль ты доволенъ?.. Чѣмъ же?.. Всѣмъ?..
Скажи хоть что-нибудь!..» Молчанье.
И бѣсъ отчаянно вздохнулъ.
«Нѣтъ, — молвилъ онъ, — я обманулся.
Когда былъ радъ, что онъ заснулъ;
Теперь желалъ бы, чтобъ проснулся».
И снова онъ пускаетъ въ ходъ
И ласки тонъ, и тонъ задорный,
Отвѣтъ чтобъ выманить; но тотъ
Хранитъ безмолвіе упорно.
Бѣсъ видитъ: дѣло — дрянь. И вотъ,
Свой грѣшный санъ забывъ въ досадѣ,
Бѣсъ началъ умолять его:
«Проговори, святыхъ всѣхъ ради

И ради Бога самого!»
Благочестивое воззванье
Осталось также втунѣ. Чортъ
Со злобой выронилъ признанье:
«Ну, русскій патріотъ, ты твердъ!
Но козни ада не иссякли.
Людскому-ль слабому уму
Съ моимъ тягаться? Такъ-ли, сякъ-ли—
А ужъ тебя я, другъ, пройму!»
Былъ прежде сдержанъ бѣсъ, хоть пылокъ;
Но тутъ взбѣсился онъ совсѣмъ;
Вдругъ закричалъ: «Ты глухъ иль нѣмъ?»
И сталъ кулакъ сжимать, межъ тѣмъ
Какъ взоръ намѣтилъ ужъ затылокъ...
Однако собственный вопросъ
Охолодилъ въ немъ пылъ суровый.
Удара, къ счастью, не нанесъ
Онъ патріоту. Мыслью новой
Его глаза озарены:
«Чтò, если съ правой стороны
Есть въ самомъ дѣлѣ тугость слуха?
Тогда несправедливъ мой гнѣвъ!..»
И, съ лѣвой стороны подсѣвъ,
Онъ началъ такъ въ другое ухо:

IV.

«Предъ Богомъ праведникъ—не тотъ,
Кто все твердитъ: о, Боже, Боже!
Вѣдь такъ, любезный? Отчего же
Тотъ предъ Россіей—патріотъ,
Кто съ фарисейской рѣчью тоже
Къ ней неотвязно пристаетъ?»
Хозяинъ обернулся къ гостю,

Поднявъ съ достоинствомъ плечо.
И бѣсъ подумалъ: «Видно, злостью
Пройму его. Вопросъ еще
Ему задамъ. Хоть онъ глупенекъ—
(Мудрецъ онъ вѣка!)—но зато
Въ немъ самолюбье развитò.
Скажи: любовникъ изъ-за денегъ
Вѣдь гадокъ и тебѣ, и всѣмъ?
А чтó-жъ никто изъ васъ, межъ тѣмъ,
Того презрѣньемъ не покроетъ,
Кто родинѣ и куры строитъ,
И вмѣстѣ, какъ ближайшій другъ,
Къ ней лазитъ зàпросто въ сундукъ?
Какъ завелось у васъ однажды,
Такъ, видно, будетъ и впередъ:
Хоть грабитъ патріотъ не каждый,
Но чтò ни воръ, то—патріотъ.
Какого ты объ этомъ мнѣнья?»
Хозяинъ нѣсколько часовъ
Ужъ погруженъ былъ въ размышленья.
Онъ въ это самое мгновенье
Съ толпою внутреннихъ враговъ—
Конечно, мнимыхъ—кончилъ пренья;
И всталъ, на бѣса посмотрѣвъ.
И, вмѣсто умственныхъ усилій,
Теперь презрѣніе и гнѣвъ
Его черты изобразили.
Бѣсъ принялъ на свой счетъ опять
Въ лицѣ такую перемѣну.
«Постой! Ты хочешь мнѣ сказать,
Что я тебя, молъ, не задѣну,
Казня воровъ. Твоя, молъ, честь,
Какъ патріота, безупрѣчна.
Садись и слушай!» Какъ нарочно,

Тотъ въ самомъ дѣлѣ вздумалъ сѣсть
И сѣлъ—по приглашенью словно.
Едва скрывая свой восторгъ,
Что ужъ сонливости безмолвной
Онъ узы наконецъ расторгъ,—
Бѣсъ продолжалъ: «Вотъ что̀ скажу я:
Быть дрянью можно, не воруя;
И можно вреднымъ быть весьма.
Прибѣгнемъ къ ясному примѣру:
Возьмемъ чуму, возьмемъ холеру.
Вѣдь ужъ не честность ли сама?
Про нихъ не слышно обвиненій,
Чтобъ воровали. Тѣмъ не менѣй
Онѣ—холера и чума.
И патріотъ вотъ такъ, любезный:
Иной не выучился красть,
А все-жъ его къ Россіи страсть—
По меньшей мѣрѣ безполезна.
По меньшей мѣрѣ, говорю:
Когда свой пылъ я ограничу
Ну, тѣмъ, что Русь святую кличу,
Къ ея тамъ гдѣ-то алтарю
Валя, какъ къ старому забору,
И чувства, коими горю,
И кучи умственнаго сору...
Но ты не обуздалъ себя
Лишь платоническою страстью.
Россію пламенно любя,
Ты вѣдь и дѣятель, къ несчастью.
Средь дѣлъ, заботъ, трудовъ, тревогъ
Весь вѣкъ работалъ ты какъ лошадь,
И все никакъ досель не могъ
Себя работой укокошить.
Напротивъ! Въ наши времена

Твоей любовью Россія
Вся до костей заражена,
И вянутъ силы молодыя.
Прилипчивъ, какъ эпидемія,
Ты и нещаденъ, какъ она.
Вашъ строй обширный и могучій
Налегъ за жизнь родной земли...
Такъ саранча, зловѣщей тучей
Все надвигалась издали,
Вдругъ опускается на нивы. —
Край плодородный и красивый,
Тебѣ подобно, объѣдая...
И вотъ — пустыня вмѣсто нивъ!
Про наши села и деревни
Издавна также ходитъ слухъ,
Что красный любитъ ихъ пѣтухъ,
Какъ ты же пламенный, хоть древній
И грязь, вся Россія [illegible]
Со страстью пьетъ, и [illegible]
Что страсть глубокая [illegible]
Горитъ вездѣ, невыносима...
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Глупитъ безвредно онъ для края.
А ты, путями плутовства
Всѣмъ навязавъ свою бездарность,
Еще пытаешься права
Намъ предъявлять на благодарность.
«За то, молъ, я Россіи милъ
И заслужилъ рукоплесканья,
Что, не щадя трудовъ и силъ,
Вездѣ, какъ знамя, водрузилъ
Свое во всемъ непониманье!
Но мало этого. Вѣдь ты,
Какъ подобаетъ патріоту,
Мѣшалъ другимъ стать на работу.
На нихъ ты сыпалъ клеветы.
Слѣдилъ ты ревностно и зорко,
Чтобъ всякій, кто тебѣ не другъ,
Безъ языка былъ и безъ рукъ.
А вѣдь родная поговорка:
Умъ—хорошо, а лучше—два,
Смыслъ особливый получаетъ,
Когда изъ двухъ одинъ вмѣщаетъ
Твоя пустая голова...»

Хозяинъ тихо улыбался;
А бѣсъ чѣмъ дольше говорилъ,
Тѣмъ больше сердцемъ разгорался
И возмутительнѣй язвилъ.

«Любви къ отечеству личина
Еще могла имѣть успѣхъ;
Но ты надуть задумалъ всѣхъ,
Взявъ на себя роль гражданина.
Ужъ это слишкомъ! Ты одной
Могъ пробавляться бы любовью.

Не всякій гражданинъ — герой;
Но одному зато условью
Тутъ непремѣнно мѣсто есть.
Условье это, братецъ,—честь!
Слыхалъ я: случаи бываютъ,
Что подлость изъ любви свершаютъ;
Но чтобы подлость кто свершалъ
Изъ чувства чести—не слыхалъ.
Въ нашъ вѣкъ открытій міръ обязанъ
Тебѣ открытіемъ такимъ...
Но Западъ предразсудкомъ связанъ
И не воспользуется имъ.
Ну, а у васъ какъ? Ужъ пристало
Твое гражданское начало?
Что-жъ, развѣ здѣсь того, кто плутъ,
Теперь не плутомъ, какъ бывало,
А гражданиномъ ужъ зовутъ?..
Но если край твой не повѣрилъ
Еще тебѣ, онъ въ томъ неправъ,
Что, чести новой не признавъ,
Уже старинную похерилъ...
Ты—гражданинъ?.. ха, ха, ха, ха!..
Герой—буфонъ для оперетки!
Такая чушь и чепуха
У Оффенбаха даже рѣдки!..
Съ успѣхомъ бо̀льшимъ могъ бы ты,
Прибѣгнувъ къ меньшему обману,
За типъ античной красоты
Вселенной выдать обезьяну!..
Ты—гражданинъ?.. Ну, разскажи:
Чѣмъ это званье ты прославилъ?
Мнѣ плодъ твоихъ гражданскихъ правилъ—
Доносъ послѣдній покажи!
Должно быть, въ немъ сказалась полно

Душа холопа...»

Все безмолвно

Сидѣлъ хозяинъ; тутъ онъ всталъ
И такъ рѣчь бѣса перервалъ
На словѣ именно *холопа*:
«Питаетъ зависть къ намъ Европа!»
Никакъ бѣсъ этого не ждалъ.
Онъ, будто громомъ пораженный,
Замолкъ и руки опустилъ.

V.

Тебѣ, читатель благосклонный,
Уже я прежде объяснилъ,
Что бѣсъ хозяина дразнилъ
И силы напрягалъ — напрасно.
Нашъ патріотъ — пока сильнѣй.
Онъ защищенъ отъ стрѣлъ соблазна
Броней невинности своей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Возобновленіе борьбы.

I.

Изсякъ потокъ грѣховной рѣчи.
Межъ тѣмъ хозяинъ отошелъ
Отъ бѣса. Засвѣтивши свѣчи,
Онъ сѣлъ за письменный свой столъ.
Но бѣсъ не отставалъ. Сталъ сзади,
У стула, безотвязный врагъ.

«Вотъ кипы писемъ и бумагъ.
Вотъ ваши, Петръ Ѳомичъ, тетради».
Хозяинъ такъ съ самимъ собой
Бесѣду началъ: «Не мѣшаетъ
Заняться родины судьбой.
Отъ васъ Россія ожидаетъ
Совѣтовъ, мнѣній, чувствъ, идей, —
Не откажите въ нихъ вы ей.
Отдѣлки ждутъ два-три этюда.
Ночнымъ безмолвьемъ дорожа,
Присядьте. Васъ ко сну покуда
Не клонитъ. Голова свѣжа
И успокоилися нервы...
Вотъ, Петръ Ѳомичъ, этюдъ вашъ первый:
Нашъ новый судъ. Этюдъ второй:
Чѣмъ долженъ быть воинскій строй?
Вотъ третій: *Земство*. Вотъ четвертый:
Флотъ и морскіе наши порты.
Вотъ пятый: *Школа и печать*.
Чѣмъ рядъ реформъ намъ увѣнчать? —
Этюдъ шестой. Вотъ сколько! Ну-те,
Займитесь-ка теперь вы симъ
Этюдомъ, стало быть, седьмымъ:
О нашей денежной валютѣ».
Тутъ, подмигнувъ себѣ хитро,
Онъ взялъ перо не безъ отваги,
И чрезъ минуту по бумагѣ,
Скрипя, забѣгало перо.
«Каковъ!.. Ужъ безмятежно пишетъ!..»
Бѣсъ думалъ, стоя позади.
«А вѣдь давалъ понять, что слышитъ!
Вѣдь даже злился!.. Погоди!
Твои гражданственныя бредни
Сейчасъ разсѣются какъ дымъ

Предъ новымъ натискомъ моимъ!
Предпринимаю бой послѣдній!»

II.

Былъ демонъ крайне возбужденъ.
Забылъ онъ — праведникъ иль грѣшникъ
Тотъ человѣкъ, предъ коимъ онъ
Безъ пользы лѣзъ изъ кожи вонъ.
Ему лишь чудился — насмѣшникъ,
Да и притомъ еще какой!
Съ какимъ достоинствомъ онъ личнымъ
Умѣлъ подчасъ хранить покой
Въ отвѣтъ нападкамъ неприличнымъ!..
И бѣсъ рѣшилъ: «Чтобы предѣлъ
Мнѣ положить его гордынѣ,
Чтобъ хоть сомнѣніе отнынѣ
Я въ правоту свершенныхъ дѣлъ
Забросить въ умъ его успѣлъ, —
Призвать теперь мнѣ въ помощь надо
Всѣ силы тьмы, всѣ чары ада,
Ложь, правду, грезы, естество,
Земной природы всѣ три царства,
И царство мертвыхъ сверхъ того!»
Не позабылъ онъ ничего,
Исполненъ злобы и коварства.

III.

Представить надо мнѣ теперь
Планъ кабинета. Въ немъ простора
Довольно для ходьбы и взора.
Направо и налѣво — дверь.
Столъ — близъ стѣны, посерединѣ.

Рабочій стулъ передъ столомъ
Поставленъ къ комнатѣ лицомъ.
Къ ея свободной половинѣ
Теперь хозяинъ обращенъ,
На стулѣ сидя; такъ что онъ
Ее могъ видѣть съ трехъ сторонъ.
Бѣсъ на средину плавно вышелъ
И, предъ столомъ остановясь,
Такъ началъ: «Мнѣ не удалась
Моя попытка, хоть и слышалъ
Мою ты рѣчь на этотъ разъ.
Причину грустной неудачи
Я долженъ приписать тому,
Что обращался все къ уму.
Теперь я поступлю иначе:
Прибѣгну къ сердцу твоему.
Къ нему найти вѣдь доступъ можно?
Въ немъ страсть ко злу не глубока?
Оно еще не безнадёжно?
Оно не камень вѣдь пока?
Быть можетъ, даже нѣтъ злой воли
Въ твоихъ безсовѣстныхъ дѣлахъ?
Въ тебѣ лишь дремлетъ Божій страхъ
И ты лишь ослѣпленъ, — не болѣ?..
Ну, такъ прозри же, Петръ Ѳомичъ!
Пусть совѣсть голосъ укоризны
Возвыситъ честно!.. Ты вѣдь бичъ, —
Не сынъ, а бичъ своей отчизны!..
Положимъ, ты изъ доброты
Отчизну бьешь, грѣша невольно;
Но неужель не слышишь ты,
Какъ вопіетъ она: «Довольно!
«Меня терзаешь ты давно!
«Ты глупъ иль золъ — мнѣ все равно.

«Тотъ и другой бьютъ такъ же больно!»
Я на себя ужъ не возьму
Теперь труда горячей рѣчью
Тебя явить. Я своему
Не довѣряю краснорѣчью.
Но вотъ сейчасъ толпа людей
Къ тебѣ придетъ безъ зова въ гости.
Тѣ жертвы явятся твоей —
Не знаю: легкости иль злости.
Когда ты вправду—не злодѣй,
То,—эти лица лишь увидишь,—
Объятый ужасомъ, поймешь
Своихъ дѣяній зло и ложь
И жизнь свою возненавидишь!
И такъ, предъ тѣмъ, что̀ будетъ здѣсь;
Вниманью ты предайся весь,
Коль не глухимъ рожденъ и зрячимъ!»

IV.

И вотъ раздалась криковъ смѣсь —
Безумный хохотъ съ горькимъ плачемъ...
Писать хозяинъ пересталъ
И думалъ, голову поднявши:
«Бумажки-ль лучше, иль металлъ?..
Чему насъ учитъ курсъ упавшій?»
А бѣсъ ему: «Я твой вопросъ
Предупрежу. Въ аккордѣ дикомъ,
Гдѣ все несвязное слилось
И разразилось общимъ крикомъ, —
Представленъ нравственный хаосъ.
Тутъ все: печаль, веселье сдуру,
Проклятья, сумасшедшій бредъ...

Все! Смысла здраваго лишь нѣтъ.
Ты слышалъ къ драмѣ увертюру.
А драму разыграютъ тутъ
Твои соотчичи... Идутъ!»

V.

Толпа мужчинъ и дамъ вбѣгаетъ
Изъ двери слѣва. Между тѣмъ
Оркестръ невидимый играетъ
Одну изъ гривуазныхъ темъ
Изъ новомодной оперетки.
Вѣсъ: «Это—люди, а совсѣмъ
Не куклы и не марьонетки,
Какъ, увлекаясь черезчуръ,
Подумать можно-бъ. Группа эта
И не взята изъ кабинета
Глупѣйшихъ восковыхъ фигуръ
Съ миганьемъ глазъ, съ дыханьемъ груди,
Съ движеньемъ ногъ и головы...
А впрочемъ, гости! Сами вы
Намъ докажите, что вы—люди!»
Мужчины поклонились всѣ;
И дамы всѣ, склонясь, присѣли
Свой бюстъ, прикрытый еле-еле,
Преподнося во всей красѣ.
Затѣмъ мужчины такъ запѣли:

«Мы, свершая жизни путь,
Ничего не замышляемъ.
О, за насъ спокоенъ будь
Тотъ, кто мыслію смущаемъ:
Нѣтъ ли гдѣ чего-нибудь?

«Что-нибудь рождаетъ скука.
Намъ же весело! Смотри:
Эти дамы—намъ порука.
И зато у насъ внутри
Свято слово: la patrie!»

При этомъ словѣ, въ самомъ дѣлѣ,
Какъ будто бѣса чуя въ тѣлѣ,
Всѣ дамы, бюстомъ шевеля,
Пропѣли хоромъ: «Тру-ля-ля!»

«Мы подъ модною прической
Размягченные мозги:
Такъ язвятъ насъ бранью плоской,
Критикуя всѣ шаги,
Благоденствія враги.

«А спроси ихъ—вѣдь не знаютъ:
Отче нашъ, иже еси...
И властей не уважаютъ...
Мы же—Боже упаси!
О, мы любимъ la Russie!»

И дамы, стоя наготовѣ,
Такъ увлеклись при этомъ словѣ,
Что, всѣмъ ужъ тѣломъ шевеля,
Пропѣли: «Тру-ля! Тру-ля-ля!»

Танцуя, всѣ уходятъ вправо.
Оркестръ смолкаетъ. Бѣсъ глядитъ:
Хозяинъ пишетъ. Строгій видъ
Съ улыбкой вкось, какъ бы лукавой.
Бѣсъ: «Видно, слишкомъ тонко. Что-жъ!
Коль золотая молодежь,

Съ своею свитой не успѣла
Тебя смутить, то это дѣло
Другой разрядъ золотарей
Исполнитъ, можетъ быть, скорѣй».

VI.

Тутъ съ наглымъ хохотомъ и съ шумомъ
Гулякъ ватага ворвалась.
Они сперва, своимъ костюмомъ
Фигуры карточной кичась
И занятые разговоромъ,
Слонялись въ уголъ изъ угла;
Потомъ, кобенясь, у стола
Расположились, за которымъ
Сидѣлъ хозяинъ; и одинъ
Изъ нихъ такъ началъ: «Дворянинъ,
Мы повѣсть нашей родословной
Тебѣ подносимъ. Удостой
Насъ выслушать. Разсказъ—простой,
Правдивый и немногословный.

Тузъ бубновый—русскій плутъ
Собирался чтить на тризнѣ
Плутни старой русской жизни,
Убѣдясь, что верхъ въ отчизнѣ
Люди новые берутъ.

Плакалъ тузъ: «Охъ, времена!
Рѣчь—о чести да законѣ;
А ужъ я совсѣмъ въ загонѣ;
И мой ликъ, пожалуй, нонѣ
Сброситъ русская спина.»

Не сберечь бы головы
Плуту старому; но—странно!
Помощь, словно съ неба манна
Низошла къ тузу нежданно
Отъ газеты, изъ Москвы.

Только лишь она грозу
Подняла на то, чтò честно,
Иль рутинѣ неизвѣстно,
Какъ опять ужъ стало лестно
Жить бубновому тузу.

Русскій плутъ—бубновый тузъ
Сталъ ту грозную газету
Страсть любить за помощь эту,
И плодовъ ужъ много свѣту
Далъ любовный ихъ союзъ.

Ахъ, какія времена!
Взятки, кражи да шантажи;
Тузъ бубновый въ авантажѣ,
И его со чванствомъ даже
Носитъ русская спина.

«Плюнь, кто честенъ, намъ въ глаза!
Честный мужъ! Откликнись! Гдѣ ты?..
Мы—червонные валеты,—
Порожденье той газеты
И бубноваго туза.

«Вотъ все».
Ушли. Хозяинъ пишетъ.
Онъ и не видитъ, и не слышитъ;
Онъ весь теперь въ своей статьѣ.

А со стола, межъ тѣмъ, пропали,
Пока валеты тутъ стояли,
Часы, печать и прессъ-папье.
Волнуетъ бѣса нетерпѣнье;
Но онъ, принявъ спокойный видъ,
«А вотъ посмотримъ»,—говоритъ,—
«Что̀ скажетъ третье появленье».

VII.

Попарно входитъ въ кабинетъ
Гостей степенныхъ вереница.
Бѣсъ: «Вотъ несутъ тебѣ привѣтъ
Благонадежнѣйшія лица.
Они о родинѣ всегда
Имѣли нѣжную заботу.
Кто посмышлёнѣй, господа,
Рекомендуйтесь патріоту,
Произнося приличный спичъ!»
И кто-то выступилъ изъ ряда
Съ такою рѣчью: «Петръ Ѳомичъ!
Тебѣ представиться намъ надо.

«Прямо къ дѣлу. Мы хищники. Каждый изъ насъ
Уподобленъ быть можетъ герою
Передъ разной, судомъ обвиненной не разъ,
Мелюзгою.

«Наша цѣль, говорятъ, черезчуръ широка..
Но вѣдь время зато ужъ не обно;
Стала жизнь дорога,—вотъ и ищетъ рука
Милліона.

«Мы притомъ же не дрянь по душѣ и уму.
Несомнѣнно, гдѣ можно, мы слупимъ;
Но въ любви-то къ Руси и тебѣ самому
Не уступимъ.

«Эстетическихъ чувствъ не чужда у насъ грудь;
И по образу мыслей мы чисты.
Мы — не грубая чернь иль какіе-нибудь
Нигилисты.

«А къ хищенью въ насъ вкусъ развился не вотще:
Всѣ за собственность стать мы готовы;
И, конечно... за вѣру, семью... Вообще —
За основы!»

Ушли и эти господа,
Оставивъ то же впечатлѣнье.
И бѣсъ, сгорая отъ стыда,
Воскликнулъ: «Эй! Скорѣй сюда!
Скорѣе новое явленье!..»

VIII.

Вступаетъ новая толпа.
Бѣсъ: «Это — тѣ, кого судьба
Средь насъ не даромъ возвышаетъ.
Изъ этихъ каждый роль играетъ
Коль не устоя, такъ столба.
Въ нихъ наша доблесть воплотилась;
Въ нихъ — первый сортъ патріотизмъ;
И что̀ ни слово — афоризмъ,
Гдѣ мудрость вѣка отразилась.
Твои знакомцы — всѣ. Взгляни:
Къ тебѣ ужъ близятся они».

И вотъ дѣйствительно хозяинъ
На нихъ взглянулъ. Бѣсъ очень радъ...
Но радъ напрасно. Этотъ взглядъ
Былъ, разумѣется, случаенъ.
И, взоръ къ столу перенеся,
Тотъ — не прошло еще минуты —
Опять прилежно занялся
Судьбою денежной валюты.
А гости двигались гуськомъ,
Какъ при парадахъ представленья;
И всѣ почти безъ исключенья,
Остановясь передъ столомъ,
Произносили изреченья
И уходили.
       — «Третій часъ!
Все пишете?» — «Да онъ у насъ
Одинъ вѣдь пишущій въ синклитѣ».
—«Пишите, Петръ Ѳомичъ, пишите!»
—«Вы такъ писанью предались,
Что къ внѣшней жизни стали глухи».
—«Пиши, пиши; но только *въ духѣ*,
И вообще не заносись!»
—«Такъ, такъ! Вотъ этого совѣта
Не забывать бы никогда».
—«Вѣдь слово, братецъ, знаешь — это
Une arme à deux tranchants». — «Да, да!
Со словомъ надо осторожно!»
—«Ухъ! осторожность какъ нужна!»
—«О, осторожнѣе какъ можно!»
—«Еще бы въ наши времена...»
—«Когда заумничали люди».
—«И мысль гуляетъ безъ узды».
—«О, Боже, милостивъ къ намъ буди!»
—«Ужъ мы домыслимъ до бѣды!»

—«Пишите въ этомъ смыслѣ, ваше
Превосходительство!» — «Смотри!
Довольно съ насъ наличной каши;
Другой еще не завáри!»
—«Вѣдь ты ужъ прозванъ либераломъ»...
—«Ce qui n'est pas flatteur du tout».
—«Заставь замолкнуть клевету,
Коль служишь истиннымъ началамъ!»
—«Вѣдь корень зла сидитъ еще.
Ты корень вытрави чѣмъ-либо!»
—«Получишь русское спасибо».
—«И болѣе: черезъ плечо!»
Сказавшій это — удалился.
За нимъ, безъ словъ, другіе вслѣдъ
Прошли. И никогó ужъ нѣтъ.
На этотъ разъ хоть бѣсъ и злился,
Но больше былъ онъ изумленъ.
«Что-жъ это ты?» — воскликнулъ онъ.
«Зачѣмъ не всталъ? Не поклонился?
Невѣжа!.. Революцьонеръ!..
Къ нему пришли какіе гости,
Съ какимъ величіемъ манеръ,
И на какомъ всѣ важномъ постѣ...
А онъ межъ тѣмъ... Ахъ, нигилистъ!..
Соціалистъ!.. Пропагандистъ!..»

IX.

А все-жъ на дѣлѣ — тотъ же самый
Безплодный результатъ опять.
Но демонъ, въ гордости упрямой,
Еще не хочетъ отступать.
«Меня усталость одолѣла...
Мнѣ лишь немножко бы вздохнуть, —

А тамъ опять примусь за дѣло...
Авось пройму же чѣмъ-нибудь!»
И въ кресло съ спинкой откидною
Онъ опустился тяжело.
Онъ сжалъ холодною рукою
Свое горячее чело;
И пріутихъ, лишь трудно дышетъ...
Настала тишина пока.
И только слышно, какъ слегка
Скрипитъ перо. Хозяинъ пишетъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Продолженіе и окончаніе борьбы.

I.

«Ну, что-жъ? Причина въ комъ изъ двухъ?
Вопросъ рѣшить необходимо.
Его-ль ужъ очень стоекъ духъ?
Мое-ль оружье мѣтитъ мимо?
Иль онъ ослѣпъ для тѣхъ сторонъ,
Къ которымъ въ жизни онъ пристрастнѣй;
Иль, какъ пѣтухъ въ извѣстной баснѣ,
Въ навозѣ жемчугъ видитъ онъ?...»
Все въ этомъ родѣ размышленьемъ
Былъ занятъ демона досугъ...
Но вотъ, какъ бы очнувшись вдругъ,
Онъ вскрикнулъ: «Вздоръ!.. Конецъ сомнѣньямъ!
Вполнѣ увѣренъ я въ себѣ!»

И быстро онъ воспрянулъ съ креселъ,
И твердъ, спокоенъ, даже веселъ,
Опять готовится къ борьбѣ.
«Принадлежитъ онъ къ толстокожимъ:
Скользитъ иронія по немъ.
Пронять комедіей не можемъ,—
Ну, такъ трагедіей проймемъ!»

II.

И въ ходъ пустилъ онъ новый опытъ.
Уже въ дверяхъ толпа гостей.
Межъ ними странный смѣхъ и шопотъ.
Они то смотрятъ изъ дверей,
Хихикая; то, въ гнѣвѣ дикомъ,
Грозятъ оттуда кулакомъ.
Подвинутся впередъ и съ крикомъ
Бѣгутъ обратно. Но потомъ
Войти рѣшились. Можно было,
На нихъ взглянувъ, понять сейчасъ,
Что жизнь ихъ разумъ сокрушила,
Что свѣточъ мысли въ нихъ погасъ.
Умалишенныхъ полонъ вскорѣ
Былъ патріота кабинетъ.
Одинъ изъ нихъ ему привѣтъ
Поднесъ съ веселостью во взорѣ:

1.

«Ахъ, какъ легко!.. Честь имѣю представиться!
Такъ ужъ легка я
Будто успѣлъ отъ нея я
Чувствую ч

«Прежде она у меня много вѣсила,
Полная думъ, словно гирь...
Нынѣ-жъ легка и торчитъ себѣ весело!..
Не голова, а — пузырь!

«Выбросивъ мысли, вопросы, сомнѣнія,
Я ей велѣлъ: замолчи!
И атрофировалъ ѳрганъ мышлѣнія,
Какъ бы сказали врачи.

«Ахъ, какъ пріятно безъ этого ѳргана,—
Вы не повѣрите мнѣ!..
Вотъ только то, чтѳ изъ книгъ понадергано,
Чудится все, какъ во снѣ...

«Скоро и этихъ слѣдовъ не останется...
Такъ ужъ я этому радъ!
Будетъ молчать да вотъ этакъ все кланяться
Мыслившій прежде снарядъ.

«Тутъ-то явлю я примѣръ человѣчеству,
Какъ ему слѣдуетъ жить;
Какъ предержащимъ властямъ и отечеству
Вѣрой и правдой служить!»

За нимъ другой сталъ говорить
Таинственно и важно вмѣстѣ:

2.

«Вотъ тебѣ благія вѣсти:
Свѣтъ похерить удалось.
На его вакантномъ мѣстѣ
Учреждается хаосъ.

«Но не прежній, безпредѣльный,
Хаотичный черезчуръ;
Этотъ новый будетъ дѣльный
И обдуманный сумбуръ.

«Горизонтъ одинъ убудетъ;
Міръ замкнется съ трехъ сторонъ;
Предъ востокомъ пусто будетъ, —
Западъ вовсе упраздненъ.

«Чтобъ не сплошь и осторожнѣй
Доходилъ къ намъ свѣтъ дневной,
Заведется родъ таможни
Между небомъ и землей.

«Глобусъ нашъ измѣнитъ форму,
Перегнувъ земную ось;
И отъ этакой реформы
Все придется вкривь и вкось.

«Такъ какъ передъ станетъ сзади,
Низъ очутится вверху, —
То и смыслъ, порядка ради,
Обернется въ чепуху.

«Прежнихъ истинъ въ новомъ мірѣ
Не найдется и слѣда;
Даже дважды-два — четыре
Въ немъ не выйдетъ никогда.

«Обростать начнемъ мы шерстью;
И хоть сможемъ ротъ раскрыть,
Но ужъ этому отверстью
Не придется говорить.

«Перемѣною крутою
Будутъ сбиты всѣ съ пути...
Только ты къ такому строю
Приспособленъ ужъ почти».

Въ то время третій сумасшедшій,
Безмолвно плакавшій въ углу,
Какъ бы очнулся. Подошедши
Пугливой поступью къ столу,
Онъ на хозяина украдкой,
Собравшись съ духомъ, посмотрѣлъ
И вдругъ смертельно поблѣднѣлъ
И задрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

3.

«Вотъ онъ гдѣ! Вотъ гдѣ, братцы, хирургъ обрѣтается!
Первый въ мірѣ хирургъ! я не лгу.
Въ вивисекціи онъ надъ людьми упражняется.
Онъ мнѣ выемку сдѣлалъ въ мозгу.

«Всѣ изъ черепа высшія вынулъ способности;
Говоритъ: онѣ вредны въ нашъ вѣкъ!
Только память сберегъ: пусть, молъ, помнитъ въ подробности,
Чѣмъ онъ былъ, когда былъ человѣкъ!

«Помню, братцы, судилъ обо всемъ такъ охотно я.
А вотъ нынче никакъ не могу!
Тогда былъ человѣкъ, а теперь сталъ животное, —
Все отъ выемки этой въ мозгу.

«Сколько мысль выжимать изъ себя я ни пробую, —
Только горькую выжму слезу;
Или въ уголъ забьюсь и съ безсильною злобою
Мои бѣдные пальцы грызу.

«Въ пустотѣ, въ темнотѣ,—то тоска, то страданіе...
Изобрѣлъ же ты пытку, злодѣй!
Весь мнѣ мозгъ окарналъ и оставилъ сознаніе
Подлой немощи жизни моей!

«Долго-ль будешь ты длить это злое мучительство,
На посмѣшище жизнь мнѣ храня?
Вѣдь безвреденъ ужъ я... Ваше превосходительство,
Ради Бога, убейте меня!...»

До этихъ поръ толпою скрытый,
Четвертый выступилъ. Хоть онъ—
Въ халатѣ, съ головою бритой,
Но мрачный взоръ его уменъ.

4.

«Я въ полномъ разумѣ. Но только разъ я въ сутки
Бываю въ свѣтломъ промежуткѣ.
И такъ какъ длится онъ всего минутъ лишь пять,—
Мнѣ время некогда терять.
Я въ книгѣ жизни—опечатка.
Въ природѣ есть такой хозяйственный разсчетъ:
Она ненужнаго для жизни не даетъ.
И въ силу этого порядка,
Къ средѣ приноровясь, устроился весь свѣтъ.
Вдругъ—исключенье! Мнѣ дается умъ. Ну, кстати-ль?
Вѣдь познаваемаго нѣтъ,—
На кой же чортъ мнѣ познаватель?
О чемъ посудишь? Чтò поймешь?
Чѣмъ истина яснѣй, тѣмъ больше вѣры въ ложь!
Источникъ мрака—свѣтъ! Добро—виновникъ бѣдствій!
Явленья—безъ причинъ! Причин[illegible] послѣдствій!..
Вѣдь я—скажу безъ хвастовст[illegible]

Былъ умница. Безъ перерывовъ прежде
Работала вотъ эта голова.
Бывало: думаю, все думаю—въ надеждѣ,
Что нашъ родимый бытъ осмыслю и пойму...
Нѣтъ, не совѣтую здѣсь думать никому!
Гасите умъ, коль есть!.. У насъ быть умнымъ—глупо!
Какъ не воротишь къ жизни трупа,—
Хоть самъ будь жизни полнъ—тàкъ изъ мозговъ идей
Не вызвать здѣсь, хоть сто умовъ имѣй!..
Ни думъ своихъ таить не могъ я, не страдая;
Ни уподобиться сознательно скоту...
И вотъ - въ бездонную нырнулъ я пустоту,
Гдѣ думъ ужъ нѣтъ; гдѣ только—ночь глухая.
Лишь изрѣдка мнѣ тамъ мелькаютъ огоньки,
Какъ будто бы на мигъ заглянетъ солнце въ щёлку...
Ахъ, промежутки-то какъ эти коротки!..
Я кончилъ. Отъ меня не будетъ больше толку.
Ужъ началось... Пора предупреждать бѣду...
Гдѣ-жъ сторожа?... Не то—ха!-ха!—задамъ я страху!..
Ай, плохо мнѣ... Скорѣй!... Льду! Льду! На темя льду!.
Вязать меня!.. Крутить!.. Надѣньте мнѣ рубаху!..»

Онъ убѣжалъ. На этотъ крикъ
Явился пятый: нервный, скорый,
Съ лицомъ начальника, который
Давно командовать привыкъ.
На властолюбьи, знать, помѣшанъ,
Онъ сталъ передъ толпою, весь
Отличій знаками обвѣшанъ:
Стеклà, картона, фольги смѣсь.

5.

«Кто чуждъ въ Россіи счастью?
Кто смѣетъ тамъ кричать?..

Строптивость передъ властью?..
Не сѣтовать! Молчать!

«(Пожалуй, этотъ случай
Въ толпѣ возбудитъ бунтъ)...
Зачѣмъ стоите кучей?
Построиться во фрунтъ!

«(То хлѣба проситъ чрево,
То мыслей—голова...)
Направо! Нѣтъ! Налѣво!
Дружнѣе—маршъ!.. Разъ, два...

«Стой!.. (Въ моду входитъ право,
Всѣ разныхъ правъ хотятъ...)
Налѣво! Нѣтъ! Направо!
Бѣгомъ впередъ!.. Назадъ!

«(Я добръ; но врагъ протеста,
Рѣшителенъ и строгъ.)
Стой! нѣтъ! Пора ужъ съ мѣста.
За мною!.. Съ нами Богъ!..»

Толпа, не сѣтуя нимало,
Его команду исполняла;
И всѣ безумные за нимъ,
Съ повиновеніемъ нѣмымъ,
Теперь пошли, шагая въ ногу,
И такъ исчезли понемногу.

III.

Хозяинъ сдѣлался унылъ
Затѣмъ, что очень утомился;

А бѣсъ, межъ тѣмъ, вообразилъ,
Что духомъ патріотъ смутился,
И новой сценой торопился
Въ немъ доканать остатокъ силъ.
Вокругъ стола восходятъ тѣни
Сквозь полъ, какъ будто изъ гробницъ,
Въ безмолвіи могильной сѣни
Обрѣвшихъ миръ самоубійцъ.
Они ушли отъ жизни рано;
Почти весь путь былъ впереди.
Ихъ много съ огнестрѣльной раной
Въ вискѣ, во лбу или въ груди.
И—жертвы добровольныхъ пытокъ —
Тутъ съ петлей висѣльникъ стоялъ;
А тамъ, изъ прочихъ, кто держалъ
У губъ отравленный напитокъ;
Кто—ножъ, кто—бритву, кто—кинжалъ.
Средь нихъ утопленницъ не мало,
Русалокъ словно, собралось;
И по плечамъ вода сбѣгала
У нихъ съ распущенныхъ волосъ.
Одинъ изъ юношей собранья
(Онъ всѣхъ моложе и красивъ)
Такъ началъ, долгое молчанье
Гостей загробныхъ прекративъ:

«На свѣтѣ нѣтъ краше, нѣтъ благостнѣй дара,
Какъ жизни торжественный даръ.
Она и для тѣхъ, кто убоги и стары,
Полна обаятельныхъ чаръ.

«Но мы наслаждаться ужъ ею не будемъ,
Хоть начали только ее.
Покинули мы это милое людямъ
На милой землѣ бытіе.

«Когда наша юность впервые вкусила
Восторги и сладость любви,—
Въ природѣ, казалось, намъ все говорило:
Люби, наслаждайся, живи!

«Но думы, суровыя думы намъ вскорѣ
На сердце легли,—и съ тѣхъ поръ
Мы въ жизни узрѣли страданія, горе,
Неволю, обманъ и позоръ.

«Тоски безъисходной, гнетущей печали
Не вынесли, бѣдные, мы;
И въ вѣчный покой такъ отъ жизни бѣжали,
Какъ узникъ бѣжитъ изъ тюрьмы».

Лишь водворилось вновь молчанье,
Бѣсъ, къ тѣнямъ обратясь, спросилъ:
«Но кто же вамъ существованье
Въ расцвѣтѣ лѣтъ, надеждъ и силъ
Такъ безпощадно отравилъ?»
Тогда на патріота руки
Направились со всѣхъ сторонъ,
И, съ горечью воскресшей муки,
Всѣ мертвецы вскричали: «Онъ!»
Тотъ въ это время улыбнулся,
Свой трудъ почти ужъ одолѣвъ,
И въ бѣсѣ злобы духъ проснулся,
И такъ онъ выразилъ свой гнѣвъ:
«Чѣмъ объяснить улыбки эти?
Вѣдь самъ Макбетъ, самъ Ричардъ Третій...
Да что! исконный врагъ людей,
Самъ чортъ передъ тобою—дѣти,
О, нераскаянный злодѣй!»

IV.

Межъ тѣмъ исчезли привидѣнья;
Они разсѣялись какъ дымъ.
Хозяину, на смѣну имъ,
Предстало новое явленье.
Вошли убогіе. Крестясь,
Вся ихъ толпа вздохнула громко:
«О, Господи!» Лохмотья, грязь
И нищихъ спутницы: котомка
Да суковатая клюка —
Необычайно такъ все это.
Такимъ гостямъ была пока
Дверь недоступна кабинета.
Всѣхъ обезсилила нужда,
Обезобразилъ лютый голодъ.
Взоръ различалъ не безъ труда
Въ толпѣ больной: кто старъ, кто молодъ.
Межъ ними не было калѣкъ;
Но такъ черты ихъ отупѣли,
Что въ ихъ обличьи дикомъ еле
Былъ узнаваемъ человѣкъ.
Къ хозяину весь людъ убогій,
Ковры марая, подошелъ.
На нихъ взглянулъ онъ черезъ столъ;
Ему всѣ поклонились въ ноги.
И вышелъ изъ толпы тогда
Старикъ, невидимый сначала.
Его сѣдая борода
По поясъ на груди лежала.
Согбенный станъ; высокій ростъ;
Плѣшивый черепъ; носъ съ горбиной;
Густыя брови; взглядъ орлиный;
Угрюмъ и величаво-простъ.

Хоть онъ въ лаптяхъ дырявыхъ тоже
И тоже въ рваномъ зипунѣ, —
Но все на прочихъ непохоже
Казалось въ этомъ старинѣ.
Тѣмъ далъ бы каждый сердобольный —
Та́къ видъ ихъ жалость возбуждалъ;
Ему бы, можетъ быть, не далъ,
Но поклонился бы невольно.
Какъ смотритъ эта голова!
Какая чуется въ ней сила!
Душа, какъ въ юношѣ, жива,
И тѣла жизнь не износила.
И вотъ, съ клюкой стоитъ здѣсь онъ
Средь модныхъ вычуръ кабинета,
Какъ патріархъ, перенесенъ
Сюда изъ Ветхаго Завѣта.

«Баринъ добрый, Христа ради, нищимъ милостыньку дай!
Намъ твоя копѣйка скажетъ: погоди, не умирай;
Коль ужъ голодъ краше смерти, — поживи, поголодай!
Разрѣши мнѣ, баринъ умный, слово молвить предъ тобой;
Правду-истину скажу я; не хочу кривить душой.
Можетъ, здѣсь тебѣ не видно, — видно Богу съ небеси,
Какъ живется нашей братьѣ, тяглымъ людямъ, на Руси.
Разсуди обиду нашу, нашу горькую бѣду:
Пашемъ, сѣемъ, жнемъ и косимъ — а какую видимъ мзду?
Въ насъ не зависть али злоба, не хотимъ чужой мошны;
А сужу: коль намъ трудиться, — помирать мы не должны.
Ты, чай, все читаешь въ книжку да перомъ водить привыкъ,
Такъ, пожалуй, не смекаешь: что̀ такое есть мужикъ?
Про него ужъ въ сказкѣ древней говорится, что одинъ
Могъ поднять земную тягу лишь Микула-селянинъ;
А другіе, какъ ни бились, хоть князья-богатыри, —
Мать-земля не подается, — не хочу, молъ, хоть умри!

То-то много разговору: мужики, да мужики...
А заслуги ихъ не малы и труды ихъ не легки.
Въ нашемъ дѣлѣ совѣсть надо, разумъ добрый — скажемъ такъ.
Коли всѣхъ насъ голодъ сгубитъ, это, баринъ, не пустякъ.
Загруститъ земля-сиротка, плевелами порастетъ
И безъ насъ рожать не станетъ хлѣбца даже для господъ.
И еще я молвлю слово: мужичокъ хотя и сѣръ,
А его не слѣдъ бы... то-есть... какъ скотинку, напримѣръ.
Не равны мы съ господами; руки точно что не тѣ;
А душа во всѣхъ насъ Божья; всѣ мы — братья во Христѣ.
Въ землю просятся на отдыхъ кости старыя мои;
Не себя стараюсь ради, — ради нищей всей семьи.
Будемъ сыты да обуты, — вѣрь мнѣ: правду говорю —
Всѣмъ вамъ легче заживется; будетъ весело царю.
И Господь за то, что людямъ нѣтъ неправедныхъ обидъ,
Урожаемъ, миромъ, счастьемъ свой народъ благословитъ.
Если что̀ сказалъ нескладно, — не взыщи, не осерчай,
А покамѣстъ, Христа ради, нищимъ милостыньку дай!»

И до земли склонилъ онъ снова
Сѣдую голову свою.
Но тотъ дописывалъ статью;
Лишь заключенье — и готова.
Крестьяне ждутъ; а онъ — ни слова.
Еще пождали — ничего!
И не дождавшись отъ него
Ни подаянья, ни привѣта, —
Вздохнувъ, пошли изъ кабинета.

V.

У бѣса воля ужъ слабѣй;
А все есть мѣсто въ немъ надеждѣ...
Еще—явленье...

. . . .

VI.

И кончена статья, межъ тѣмъ,
О нашей денежной валютѣ.
Вопросъ ужъ выясненъ совсѣмъ;
Разобранъ въ частностяхъ и въ сути.
Съ патріотизмомъ сочетавъ
Финансовъ трудную науку,
Хозяинъ оказался правъ.
Онъ выкинулъ такую штуку
(Тутъ роль сыгралъ и ясный слогъ):
Побѣдоносно, безъ натяжки
Рутинѣ доказать онъ могъ,
Что лучше золота — бумажки.
Трактатъ написанъ мастерски;
Но патріотъ не возгордился;
Онъ вверхъ взглянулъ черезъ очки
И — набожно перекрестился.
Не вѣдалъ демонъ никогда
Такой обиды и безчестья!
Его трудовъ нѣтъ и слѣда;
А тутъ, межъ тѣмъ, — успѣхъ труда,
Еще съ прибавкой благочестья.
И бѣсъ, не знающій стыда,
И переполненъ злобной местью,
Отмстилъ... какъ школьникъ-гимназистъ:
Вдругъ увидавъ упавшій на полъ
Вѣдомостей московскихъ листъ,
Онъ изъ него колпакъ состряпалъ
И на хозяина надѣлъ.
И что́ же?.. Тотъ его не скинулъ;
Оставилъ. Бѣсъ остолбенѣлъ
И въ удивленьи ротъ разинулъ.

Прочесть хозяинъ захотѣлъ
Послѣднюю въ трактатѣ фразу
И началъ вслухъ: «Европа за...»
Но бѣсъ ему, схватившись сразу,
Колпакъ надвинулъ на глаза.
И что-жъ?... Тотъ все же продолжаетъ
Впотьмахъ, попрежнему, читать;
И бѣсъ не могъ не услыхать
Конца той фразы... «къ намъ питаетъ»...
—«Лунатикъ!.. Да еще какой!..»
Такъ бѣсъ теперь ужъ не съ тоской,
А даже съ радостью подумалъ;
И на него махнулъ рукой:
Имѣть съ нимъ дѣло не хочу-молъ.
Хозяинъ письменный свой столъ
Привелъ, межъ тѣмъ, уже въ порядокъ;
И, вставши: «Сонъ мой будетъ сладокъ!»
Сказалъ и въ колпакѣ ушелъ.
Хоть демонъ отъ попытки дальной
Ужъ отказался, но во слѣдъ
За нимъ оставилъ кабинетъ,
И оба очутились въ спальной.
Здѣсь патріотъ напредь всего
Молиться сталъ усердно Богу;
(Бѣсъ отвернулся отъ него);
Потомъ раздѣлся понемногу,
Задумчивъ и неторопливъ;
Потомъ, колпакъ свой сохранивъ,
Залѣзъ въ постель подъ одѣяло,
Задулъ свѣчу, зѣвнулъ устало
И захрапѣлъ. Вновь ослѣпленъ
Первоначальною ошибкой,
Бѣсъ молвилъ съ дьявольской улыбкой:
«Ну, богатырскій же твой сонъ!»

Затѣмъ обитель патріота
Въ безмолвный погрузилась мракъ,
И бѣсъ ее покинулъ...
Такъ
Пропала вся его работа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I.

Бѣсъ передъ тѣмъ, чтобъ къ сатанѣ
По службѣ съ рапортомъ явиться,
Самъ осуждалъ себя: «Нѣтъ! мнѣ
Борьба съ мужчиной не годится.
То-ль дѣло женщины! Онѣ
Такъ нѣжны сердцемъ, какъ ихъ лица.
Онѣ противятся съ умомъ.
Близъ нихъ не тратишь время праздно.
Онѣ не дрыхнутъ мертвымъ сномъ.
Натура — тоньше. И притомъ
Не долго ждать плода соблазна».
Бѣсъ сознавалъ, что виноватъ,
И искренняя его досада;
Но все отсрочивалъ докладъ,
Боясь насмѣшекъ безъ пощады.
Вѣдь сатану не проведешь!
И долго мялся онъ... А все-жъ
Явиться по начальству надо.

II.

Явился. Принялъ сатана.
Его пріемная полна
Чиновъ большихъ и мелкихъ ада.
—«Ну, доноси!» Бѣсъ: такъ и такъ;
О всемъ донесъ ему подробно.
И сатана ему: «Дуракъ!»
Съ презрѣньемъ болѣе, чѣмъ злобно.
«Во-первыхъ, патріотъ не спалъ.
Покрылъ же, братъ, себя ты славой!
Какъ дурачекъ въ просакъ попалъ;
А называешься: лукавый!
Смѣшнѣе зрѣлище на видъ
Едва ли встрѣтить приведется;
Тотъ ночь работаетъ — не спитъ;
А этотъ ждетъ: когда проснется.
За дѣломъ ты къ нему залѣзъ!
Вѣдь согласись, что случай страненъ:
Самъ различить не знаетъ бѣсъ —
Мертвецки спитъ ли россіянинъ,
Иль бодро двигаетъ прогрессъ!..
А во-вторыхъ, ты носъ повѣсилъ
По глупости. Взамѣнъ того,
Повыше подыми его.
Будь счастливъ, гордъ, доволенъ, веселъ!
Патріотическая блажь
Тебя въ Россіи съ толку сбила.
Патріотизмъ!.. Вѣдь въ томъ и сила,
Что патріотъ твой — нашъ!» — «Какъ нашъ?!»
Бѣсъ, услыхавши это слово,
Воскликнулъ, къ пренію готовъ.
—«Такъ; нашъ. Для гостя дорогого
Въ аду обитель ужъ готова».

—«Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ?
Я ничего не понимаю...»
—«Твоя»—замѣтилъ сатана—
«Мнѣ откровенность не нужна.
Я самъ смышленость оцѣняю.
Ты слушай. Не за то-жъ въ раю
Онъ поселится, торжествуя,
Что языкомъ, всю жизнь свою,
Вращалъ Господне имя всуе.
И вспомни: какъ себя ты велъ?
Ты былъ не чортъ, но—добрый геній;
А въ патріотѣ не нашелъ
Ни сожалѣній, ни сомнѣній,
Ни колебаній, ни стыда,
Ни ослабленія злой воли
И ни малѣйшаго слѣда—
Ну, хоть смущенія бы, что-ли.
Все то-жъ молчанье; гордость та-жъ;
Упорство то же. И дуракъ же!—
Ты самъ все это видѣлъ... Какъ же
Онъ послѣ этого не нашъ?
Но не тебѣ онъ тѣмъ обязанъ.
Мы понимать должны равно
Добро и зло, нѣтъ спора; но—
Вѣдь чортъ своимъ призваньемъ связанъ.
Ужъ началъ слишкомъ ты мудрò
Съ добромъ кокетничая въ шутку;
А кончилъ тѣмъ, на зло разсудку,
Что проповѣдывалъ добро.
Иныя рѣчи бы и слышалъ
(Какъ знать!) глухой твой патріотъ;
И результатъ совсѣмъ не тотъ
По вѣроятности бы вышелъ.
Сперва бы ты польстилъ, солгавъ,

Что міру жизнь его полезна;
А тамъ и мчи его стремглавъ
Внизъ по теченью прямо въ бездну.
Какая польза, что съ трудомъ
Противъ теченія ты плавалъ?
Вотъ и остался ни при чемъ,
Глупецъ! Еще зовешься: дьяволъ!»

Бѣсъ раскусилъ свою вину.
О патріотѣ въ немъ сомнѣнья
Явились мрачныя: «А ну,
Какъ вдругъ измѣнитъ поведенье
И душу грѣшную спасетъ
Противный этотъ патріотъ!»
Онъ мысль свою облекъ иначе
И такъ сказалъ обинякомъ:
«Я ниже былъ своей задачи,
И предъ владыкой каюсь въ томъ.
Зато я радуюсь сердечно,
Что патріоту моему
Вкусить придется муки вѣчной;
И будетъ скоро онъ, конечно,
Въ кромѣшную низверженъ тьму.
Такихъ, какъ онъ, въ Россіи—много.
Всѣхъ въ адъ! Туда имъ и дорога!
Но между тѣмъ теперь во мнѣ
Возникло нѣкое сомнѣнье,
Что патріоты въ той странѣ
Измѣнятъ образъ поведенья
И души грѣшныя спасутъ.
Тогда не имъ, а намъ—капутъ.
Владыка! Знать бы интересно:
Что̀ ждетъ Россію»—«Неизвѣстно!..»
. . . .

III.

Твоей предоставляю волѣ,
Читатель мой, судить о томъ,
Какъ въ сказкѣ: плохо-ль, хорошо ли
Съ моимъ я справился стихомъ.
Моя единая забота,
Чтобъ объяснить ты могъ себѣ
Неуязвимость патріота
Въ ночной съ нимъ демона борьбѣ.
Я повторяю слово въ слово:
Въ немъ до того душа чиста,
Что онъ не чуялъ духа злого.
Въ немъ мысль отчизной занята.
Онъ—патріотъ временъ послѣднихъ.
Россійскій любитъ онъ покой,
И въ разныхъ европейскихъ бредняхъ—
Печать, права̀, весь жизни строй—
Не видитъ пользы никакой.
Судя, читатель, неумытно,
Признай же, что не только онъ
Самостоятельно уменъ,
Но что и честенъ самобытно...

1883 г.

ЗАГРОБНАЯ ТОСКА.

Посвящается гр. Л. Н. Толстому.

Ты разлюбилъ душой суровой
Красу земного бытія
И строго мудрствуешь, готовый
Съ себя совлечь его оковы,—
Но не таковъ далёко я.
Я жизнь люблю любовью страстной,
Любовью, можетъ быть, слѣпой;
И отдаюсь ей ежечасно
Я весь, и тѣломъ, и душой.
Мнѣ страшно смерти приближенье,
И страшно больше потому,
Что, какъ ни бьюсь, все не пойму
Души моей исчезновенья.
Не странно-ль это? А межъ тѣмъ
Кто скажетъ мнѣ, что мыслю ложно?
Загробный міръ предъ нами—нѣмъ.
Все неизвѣстное—возможно.
О, еслибъ знать, что цѣликомъ,
Истлѣвъ въ могилѣ, я исчезну;
Что душу смерть въ пустую бездну

И въ тьму не выброситъ живьемъ!
Печально знать, что весь я сгину
И буду чуждъ родной средѣ, —
Но умереть лишь въ половину
И все же быть, но быть нигдѣ;
Мечтать о прошломъ понапрасну;
Любить, и помнить, и страдать;
То пламенѣть, то потухать,
И ждать: когда-жъ совсѣмъ погасну? —
О, страшно!..
«Выражу мой страхъ
И замогильную истому» —
Такъ я сказалъ себѣ—«въ стихахъ,
И посвящу ихъ Льву Толстому».
И вотъ тебѣ—тѣнь мертвеца!
Еще блѣднѣй она—нѣтъ спора—
Чѣмъ призракъ Гамлета-отца
И чѣмъ статуя Командора:
Не разглядишь ее почти.
Но хоть межъ дѣломъ, для забавы,
А все же ты, мой другъ, прочти
Мной переложенный въ октавы
Теперь, на грустномъ склонѣ лѣтъ,
Меня преслѣдующій бредъ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,—
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы...

Пушкинъ.

I.

Ненастна ночь осенняя была,
Смѣнившая день сѣрый и унылый.
Клубилась въ воздухѣ сырая мгла,
И выла буря, съ бѣшеною силой
Носясь по темной улицѣ села...
Близъ церкви только надъ одной могилой,
Межъ тѣмъ какъ мракъ повсюду былъ глубокъ,
Все вспыхивалъ и бѣгалъ огонекъ.

II.

Въ могилѣ той тревожно тосковала
Со свѣта въ тьму ушедшая душа.
Ужъ много лѣтъ съ той ночи миновало,
Какъ онъ на грудь склонился, не дыша,
И сердце въ немъ навѣки замолчало;
Но жизнь ему была такъ хороша,
Такъ сильно онъ любилъ ее когда-то,
Что въ немъ еще болитъ ея утрата.

III.

Крестъ-нá-крестъ руки на груди сложивъ,
Но все въ борьбѣ съ судьбою неминучей,
Онъ тосковалъ по днямъ, когда былъ живъ,
Когда въ немъ кровь текла струей кипучей,
Когда, во цвѣтѣ лѣтъ, онъ былъ счастливъ,
И не одной не омрачились тучей
Тѣ небеса, сіявшія надъ нимъ
Во дни, когда, любя, онъ былъ любимъ.

IV.

Всегда за человѣчныя начала
Онъ честно велъ упорную борьбу;
Постыдныхъ сдѣлокъ жизнь его не знала...
И, міру чуждъ, лежа теперь въ гробу,
Онъ своего не бросилъ идеала,
И проклиналъ жестокую судьбу
За то, что, въ узахъ смерти молчаливой,
Былъ празденъ духъ его вольнолюбивый.

V.

Изяществомъ врожденнымъ одаренъ,
Въ себѣ онъ вкусъ развилъ и пониманье.
Теперь, во тьмѣ, порою грезилъ онъ
Созданьями то кисти, то ваянья;
То передъ нимъ мелькали, какъ сквозь сонъ,
Всѣ зодчества великія созданья...
Чудесъ онъ видѣлъ много—и рвался
Опять взглянуть на эти чудеса.

VI.

И музыки ему недоставало.
По ней грустя, онъ помнилъ до

Какъ сердце въ немъ когда-то замирало
И на эстраду устремлялся взоръ,
Когда, въ виду замолкнувшаго зала,
Передъ большимъ оркестромъ дирижеръ
Начало возвѣщалъ рукой подъятой
Симфоніи Бетховена Девятой.

VII.

Изъ геніевъ поэзіи—Шекспиръ,
Страстей людскихъ всевѣдущій историкъ,
Бывалъ съ нимъ чаще. Но хоть взглядъ на міръ
Былъ Гамлета его глубокъ и горекъ:
«Быть иль не быть?.. Червей могильныхъ пиръ...
Привѣтъ меланхолическій: poor Yorick!...»
Такъ можно—думалъ онъ—хандрить, живя,
А не лежа̀ въ сообществѣ червя.

VIII.

И началъ онъ въ гробу, на тѣ же темы,
Слагать стихи. Предъ воплемъ мертвеца
Всѣ вопли Гамлета живого—нѣмы.
Скорбями неземными безъ конца,
На языкѣ земномъ своей поэмы,
Заполонить онъ могъ бы всѣ сердца,—
Такъ пѣснь его тоской смертельной дышитъ...
Но чудныхъ строфъ ея никто не слышитъ.

IX.

Любилъ природу онъ, и видъ родной
Милѣе былъ ему всѣхъ видовъ свѣта.
И грезились ему—то садъ, весной;
То знойное, сверкающее лѣто,

То видъ задумчивый глуши лѣсной,
Ужъ красками осенними одѣтой;
То будто въ тепломъ домѣ изъ окна
Ему снѣговъ виднѣлась пелена.

X.

Онъ по семьѣ грустилъ, любимой нѣжно,
Въ ту ночь, которой начатъ мой разсказъ.
«Здорова ли, счастлива-ль?..» И мятежно
Его душа, тоскуя, къ ней рвалась,
Хотя мечтой не льстилась безнадежной
Ее увидѣть. Но на этотъ разъ
Онъ зовъ жены такъ явственно услышалъ,
Что онъ возсталъ и изъ могилы вышелъ.

XI.

Въ обличьи прежнемъ къ дому подходя,
Онъ могъ игру разслышать на роялѣ
Сквозь шумъ глухой деревьевъ и дождя.
И сталъ онъ пьесу ту, чтó исполняли,
Припоминать, за музыкой слѣдя.
Когда-жъ въ andante звуки зарыдали:
«Trio B-dur!» [1]) — воскликнулъ онъ. — «Мое
Любимое Бетховена trio!»

XII.

Тогда, припавъ къ стеклу оконной рамы,
Онъ заглянуть спѣшитъ въ свой домъ родной.
Видъ комнаты съ роялемъ—тотъ же самый;
Играютъ же на немъ, къ окну спиной,

[1]) Op. 97.

Двѣ дѣвушки иль, можетъ статься, дамы,
А слушаетъ мужчина молодой.
Зачѣмъ же здѣсь чужіе люди эти?
И гдѣ-жъ его жена? И гдѣ же дѣти?

XIII.

Межъ тѣмъ какъ онъ, печальный, у окна
Смотрѣлъ, ему видѣніе явилось...
Предъ нимъ въ дверяхъ—она! его жена!
Но, Боже мой, что съ нею совершилось?
Ужъ въ волосахъ бѣлѣетъ сѣдина...
О, какъ состарѣлась! Какъ измѣнилась!
Не измѣнились лишь глаза одни,
И, кажется, заплаканы они.

XIV.

На юныхъ музыкантшъ она сначала
Глядѣла нѣжно, стоя у дверей,
Покуда темпъ игриваго финала,
Рѣзвясь, къ концу стремился все скорѣй;
А при концѣ ихъ такъ поцѣловала,
Какъ только мать цѣлуетъ дочерей.
Тѣ обернулись, и при первомъ взглядѣ
Онъ ихъ узналъ. Вотъ Маня, а вотъ Надя!

XV.

Его уму теперь разъяснены
И дочерей роскошный видъ расцвѣта,
И красота поблекшая жены.
Знать, ужъ давно исчезнулъ онъ со свѣта,
Загробные давно ужъ видитъ сны;
И многія, полны событій, лѣта
Прошли съ тѣхъ поръ средь жителей земли
Какъ трупъ его, оплакавъ, погребли.

XVI.

Въ тотъ мигъ, когда онъ вышелъ изъ гробницы
И жизнію повѣяло ему,
Безвѣстны были времени границы
Блуждавшему въ мечтахъ его уму.
Онъ, въ міръ явясь изъ нѣдръ своей темницы,
Не понималъ, когда увидѣлъ тьму
И на часахъ церковныхъ семь пробило—
Въ исходѣ-ль ночь, иль только наступила.

XVII.

Но осень онъ по признакамъ узналъ:
И по вѣтвямъ кладбищенской березы,
И по тому, какъ вѣтеръ бушевалъ,
То жалобы кидая, то угрозы;
А сводъ небесъ безъ умолку ронялъ
Свои неизсякаемыя слезы...
О времени узналъ онъ лишь потомъ,
Какъ увидалъ весь освѣщенный домъ.

XVIII.

А въ домѣ ужъ идетъ чредой обычной
Тотъ вечеровъ любимый имъ обрядъ,
Въ которомъ самъ участвовалъ онъ лично
Лѣтъ десять, можетъ быть, тому назадъ:
Всѣ, слѣдуя потребности привычной,
Вокругъ стола накрытаго сидятъ,
И посреди—жена у самовара,
Порой заслонена клубами пара.

XIX.

Куда смотрѣть? И любоваться кѣмъ?
На комъ изъ нихъ остановить вниманье?

Онъ такъ ихъ всѣхъ любилъ! Такъ радъ имъ всѣмъ!
И, радостный, онъ сдерживалъ рыданья...
На нихъ глядя, онъ вспомнилъ, между тѣмъ,
Что вызванъ былъ женою на свиданье.
Она—лицомъ обращена къ нему—
Въ оконную все всматривалась тьму.

XX.

Сидѣла Маня отъ нея направо;
Близъ Мани—незнакомецъ молодой;
Налѣво—Надя. Всѣ черты ихъ нрава
Остались тѣ же. Съ доброй простотой
Держалась Маня; Надя же, лукаво
Переглянувшись съ старшею сестрой,
Ея сосѣда, кажется, дразнила;
При чемъ смѣялись обѣ очень мило.

XXI.

О, какъ близка теперь его семья!
Какъ онъ хотѣлъ бы съ ней быть снова вмѣстѣ!
Войти, сказать: «Не бойтесь. Это—я.
Хочу за столъ присѣсть на прежнемъ мѣстѣ
И слушать васъ. О, дайте мнѣ, друзья,
Подробныя о вашей жизни вѣсти!..»
И, все въ окно смотря, онъ встрѣтилъ взоръ
Жены, глядѣвшей на него въ упоръ.

XXII.

Тогда, всю власть утративъ надъ собою,
Онъ постучалъ въ окно. Вскочили вдругъ
Всѣ съ мѣстъ... Жена съ простертою рукою
Къ окну... На лицахъ дочерей—испугъ...
Изъ караулки тою же порою

Послышался доски чугунной звукъ,
И вторить ей, протяжно завывая,
Собака начала сторожевая.

XXIII.

Жена, очнувшись, къ Манѣ подошла
И къ юношѣ, стоявшему съ ней рядомъ,
И за руки къ окну ихъ подвела.
Она, глядя́ въ окно, молила взглядомъ,
И та мольба ему ясна была:
Благословить ихъ въ путь къ земнымъ отрадамъ.
Онъ понималъ, втроемъ увидѣвъ ихъ,
Что юноша былъ дочери женихъ.

XXIV.

И онъ благословилъ. Осталось тайной
Для всѣхъ благословеніе его.
Жена, придя въ экстазъ необычайный,
Не видѣла, казалось, никого;
Женихъ же говорилъ: «То стукъ случайный;
Бываютъ стуки мало-ль отъ чего!
И птица на огонь летитъ нерѣдко,
И кустъ въ окно стучитъ сухою вѣткой».

XXV.

И всѣ опять сидятъ вокругъ стола,
Сперва задумчивы; но Надя вскорѣ
Молчанье оживленно прервала.
И видитъ онъ, что въ общемъ разговорѣ
Жена участье также приняла,
Съ веселостью такою въ ясномъ взорѣ,
Какъ словно спалъ съ души тяжелый гнетъ
Ее недавно мучившихъ заботъ.

XXVI.

Онъ долго на нее глядѣлъ, но болѣй
Не уловлялъ ея привѣтныхъ глазъ.
Уже она успѣла силой воли
Нарушить сонъ его, чтобъ въ этотъ часъ
Онъ дочь свою увидѣлъ въ новой долѣ, —
И связь опять межъ ними порвалась.
На зовъ жены явился онъ изъ гроба,
И — кончено. Свой долгъ свершили оба.

XXVII.

Межъ тѣмъ желаньемъ жить онъ былъ томимъ,
Какъ — весь въ жару — больной томится жаждой.
Онъ наблюдалъ, какъ жизнь текла предъ нимъ,
И жадно мигъ ея ловилъ онъ каждый.
Тотъ знаетъ цѣну радостямъ земнымъ,
Кто сталъ имъ чуждъ, извѣдавъ ихъ однажды.
Несчастнѣе судьба не можетъ быть,
Какъ мертвеца, который хочетъ жить.

XXVIII.

Пусть въ немъ заснетъ всѣхъ высшихъ думъ тревога..
Вѣдь жизнь полна иныхъ, вседневныхъ чаръ
Тамъ, за чертой домашняго порога.
Ему теперь лишь нуженъ жизни даръ,
А жизнь сама пусть дастъ хотя немного:
Тепло, покой, рояль да самоваръ.
Отыщутся на этомъ свѣтѣ блага
Для каждаго мгновенія и шага.

XXIX.

Онъ наслаждался-бъ жизнію такой!
Безумцами она зовется — скука;

Но нѣтъ отрадъ блаженнѣй, какъ покой
И тишина. Есть рай въ «Орфеѣ» Глюка—
Какъ тотъ, могла-бъ и этотъ рай земной
Изобразить прозрачность та же звука.
Онъ лучшаго не хочетъ ничего;
Но рай живыхъ—уже не для него.

XXX.

А еслибъ даже съ нимъ свершилось чудо—
Онъ ожилъ бы—вѣдь было-бъ для семьи
Добра, пожалуй, менѣе, чѣмъ худа.
Привычки бы всѣ бросили свои;
И этотъ бытъ, уютный такъ покуда,
Съ возлюбленной сошелъ бы колеи.
Сама жена хоть не сказала-бъ громко,—
Подумала-бъ: «Какая въ жизни ломка!»

XXXI.

И онъ, взглянувъ въ послѣдній разъ на всѣхъ,
Уйти отъ нихъ рѣшился, гость незваный.
Онъ пожелалъ имъ счастья и утѣхъ,
Исполненъ самъ печали несказанной..
И въ этотъ мигъ раздался въ домѣ смѣхъ,
Его кольнувъ случайностію странной.
Онъ повернулъ за садъ, и за угломъ
Исчезъ на вѣкъ родной и милый домъ.

XXXII.

Онъ шелъ, во тьмѣ, по вспаханному полю.
Кругомъ тоскливой пѣсней вѣтеръ вылъ,
Какъ бы его оплакивая долю,
И мелкій дождь немолчно моросилъ.
И съ ними онъ стоналъ и плакалъ вволю.

Опять лежать въ землѣ, среди могилъ!
Опять тоска, которой онъ наказанъ
За то, что страстно къ бытію привязанъ!..

XXXIII.

И такъ взывалъ онъ къ силѣ міровой:
«Душа безъ тѣла мучится, больная;
И если есть за гробомъ міръ иной,
И тамъ насъ ждетъ, умершихъ, жизнь иная,—
О, прекрати тяжелый искусъ мой!
Дай мнѣ тотъ міръ увидѣть, оживая!
Ужъ не жилецъ на этомъ берегу,—
Зачѣмъ на тотъ вступить я не могу?..»

XXXIV.

Такъ ночь прошла. На небѣ забѣлѣло;
Туманная яснѣй виднѣлась муть.
Хотѣла-ль воля въ немъ, иль не хотѣла,
Но онъ къ кладбищу свой направилъ путь;
Въ немъ мысли гасли; голова слабѣла...
Онъ прошепталъ въ бреду: «Счастлива будь!»
И, потерявъ свою ночную силу,
Покорно легъ подъ памятникъ въ могилу.

1890 г.

ОПЕЧАТКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Стр.	*Стихъ*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ*
130	3	томима;	томима,
146	7	Думы, мои думы.	Сумрачныя думы
150	8	Каждый день	Каждый день,
173	13	Ивотъ	И вотъ
188	3	Мнѣ надо,	мнѣ надо;
199	2	лежитъ	лежитъ;
204	5	на-róло	на голó
224	18	безъ бою,	безъ бою;
225	3	какъ прежде	какъ прежде.
225	9	доводы одни	доводы одни.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Стр.	*Стихъ*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ*
3	1 сн.	черезъ	чрезъ
10	15	всѣ пятилься	все пятились
32	3 сн.	Назадъ письмо возьмите... Возьмите же... Ну, что же	Назадъ письмо возьмите!.. Что же
43	6	слова два,	слова два;
44	12	презрѣнье?	презрѣнье!
96	2	и вдова,	и вдова.
101	2	простыхъ	простыхъ.
109	8 сн.	черной	черною

Пѣсни старости

ПѢСНИ СТАРОСТИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. М. Жемчужникова.

1892—1898 гг.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1900

2935

Дозволено цензурою. Спб. 27 апрѣля 1900 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ АВТОРА

Послѣ перваго изданія, въ 1892 году, моихъ стихотвореній въ двухъ томахъ, я продолжалъ писать и печатать стихи; но въ послѣднее время я невольно сталъ задавать себѣ вопросъ: не довольно ли? Мнѣ кажется, что на него долженъ бы наконецъ послѣдовать отвѣтъ утвердительный, тѣмъ болѣе что мнѣ не приходилось бы воздерживаться отъ писательства. Мнѣ и безъ того уже не пишется. 1899-й годъ на исходѣ, а я въ этомъ году не написалъ ни одного стихотворенія.

Послѣдніе года я проживалъ и въ деревнѣ, и въ городѣ. Такъ какъ мѣстопребываніе могло имѣть вліяніе на душевное настроеніе, то я нашелъ не излишнимъ обозначить въ концѣ каждаго стихотворенія мѣсто, гдѣ оно было написано. Лѣто я проводилъ у себя въ Павловкѣ (Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи), и у моихъ родныхъ: въ Стенькинѣ (имѣніе А. С. Мерхелевича, близь Рязани), а съ 1896 года постоянно въ Ильиновкѣ (имѣніе мужа моей старшей дочери, М. А. Баратынскаго, въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи).

Въ расположеніи моихъ стихотвореній я слѣдую здѣсь, какъ слѣдовалъ и прежде, хронологическому порядку. Исключеніе составляетъ только одно стихотвореніе 1888-го года,

помѣщенное въ самомъ началѣ. Оно взято мною изъ прежняго сборника, какъ подходящій къ настоящему сборнику эпиграфъ.

Въ предлагаемой книжкѣ я собралъ стихотворенія, печатавшіяся съ 1892 года въ „Вѣстникѣ Европы“, въ „Недѣлѣ“ и въ нѣкоторыхъ сборникахъ. Этимъ дополнительнымъ изданіемъ завершится, по всей вѣроятности, полное—по возможности—собраніе моихъ стихотвореній, начиная съ одноактной комедіи въ стихахъ: „Странная ночь“, которая появилась сперва на сценѣ Александринскаго театра, а потомъ въ печати („Современникъ“)—въ 1850 году, т.-е. пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

24 декабря 1899 г.
С.-Петербургъ.

Вмѣсто эпиграфа.

О, пѣсни старости — завѣтъ предсмертныхъ думъ
И трепетъ радостный души еще живучей!..
Такъ осенью намъ лѣсъ даритъ послѣдній шумъ,
И листьевъ въ воздухѣ играетъ рой летучій.

А. Ж.

Павловка.
1888 г.

ВЕСНА.

Привѣтствую тебя, веселая весна!
Блестя, звуча, благоухая,
И силы жизненной, и радости полна,—
Какъ ты красива, молодая!

Лицомъ къ лицу съ тобой одинъ бродя въ лѣсу,
И весь твоимъ подвластенъ чарамъ,
Совѣты я себѣ разумные несу,
Какъ подобаетъ людямъ старымъ.

Я говорю себѣ: „Смотри почаще внизъ;
„Вездѣ цвѣтокъ увидишь нѣжный:
„Душистыхъ ландышей здѣсь массы; берегись,
„Чтобъ ихъ не смять ногой небрежной.

„Старайся уловить и свѣта, и тѣнѣй,
„Игру въ причудливыхъ узорахъ;
„И кашель сдерживай, чтобъ слышались яснѣй
„Напѣвы птицъ и листьевъ шорохъ“.

Стенькино.
1892 г.

4

ПОСЛѢ КРАТКОВРЕМЕННАГО ОТСУТСТВІЯ.

Покинувъ города, я вновь живу на волѣ;
Опять въ глухомъ лѣсу, опять въ открытомъ полѣ...
Но мнѣ отрадно здѣсь не только потому,
Что сельской жизни складъ милъ сердцу моему;
Что здѣсь я окруженъ тѣнистымъ, старымъ садомъ;
Что я окинуть вновь могу привычнымъ взглядомъ
Давно знакомый рядъ привѣтливыхъ картинъ;
Что не отцвѣлъ еще любимый мной жасминъ;
Что очередь пришла румяной земляники;
Что вечеромъ въ лѣсу грачей я слышу крики;
А на поляхъ, пока тьма ночи не сошла,
Перекликаются во ржи перепела...
За то я возлюбилъ тебя, деревня, страстно,
Что помощи твоей просилъ я не напрасно.
Любовью за любовь мнѣ отвѣчала ты.
Кто мнѣ открылъ тщету житейской суеты?
Кто думы мнѣ внушалъ средь тихаго досуга?
Не ты-ль, о, добрая и вѣрная подруга?

Стенькино.
1892 г.

НОВАЯ БѢДА.

До поры рабочей, вдоль большой дороги,
Нищіе толпами волочили ноги,
Въ рубищѣ дырявомъ и съ сумою сзади,
Приставая къ встрѣчнымъ: „Хлѣба, Христа ради!“
Нищихъ стало меньше, но зато намъ съ юга
Переноситъ вѣтеръ сѣмена недуга.
Если и въ деревнѣ воздухъ дышетъ ядомъ,
Смотришь на природу не веселымъ взглядомъ.
Если ужъ и солнце для людей угроза,
Поскорѣй бы царство лютаго мороза.
Бѣдная отчизна! Два несчастья сразу!
Пережили голодъ, ждемъ теперь заразу.
Не легка задача—темному народу
Умною борьбою побѣждать невзгоду!
Намъ, оружье знанья вынося на битву,
Надо съ сокрушеньемъ возсылать молитву:
Всюду — жертвы мрака, горя да лишенья...
Господи, прости намъ наши прегрѣшенья!

Стенькино.
1892 г.

Н. А. Ж—ой

Если счастье, какъ солнце, взойдетъ надъ тобой лучезарно,
Я желалъ бы пожить, чтобы видѣть твое торжество:
И была бы ты мнѣ за участье мое благодарна,
Но могла-бъ обойтись безъ него.

Если — Боже, избави! — ты встрѣтишь невзгоды и горе,
О, я жить бы хотѣлъ, чтобъ помочь тебѣ въ трудной борьбѣ;
Ты защиту нашла бы во мнѣ, твоей вѣрной опорѣ:
Расточалъ бы я ласки тебѣ.

Стенькино.
1892 г.

КОНЬ КАЛИГУЛЫ.

«Калигула, твой конь въ сенатѣ
«Не могъ сіять, сіяя въ златѣ;
«Сіяютъ добрыя дѣла».

Такъ поигралъ въ слова Державинъ,
Негодованіемъ объятъ.
А мнѣ сдается (виноватъ!),
Что тѣмъ Калигула и славенъ,
Что вздумалъ лошадь, говорятъ,
Послать присутствовать въ сенатъ.
Я помню: въ юности плѣняла
Его иронія меня;
И мысль моя живописала
Въ стѣнахъ священныхъ трибунала,
Среди сановниковъ, коня.
Что-жъ, развѣ тамъ онъ былъ не кстати?
По мнѣ—въ парадномъ чепракѣ,
Зачѣмъ не быть коню въ сенатѣ,
Когда сидѣть бы людямъ знати
Умѣстнѣй въ конномъ денникѣ?
Что-жъ, развѣ звукъ веселый ржанья
Былъ для имперіи вреднѣй

И раболѣпнаго молчанья,
И лестью дышащихъ рѣчей?
Что-жъ развѣ конь красивой мордой
Не затмевалъ ничтожныхъ лицъ,
И не срамилъ осанкой гордой
Людей, привыкшихъ падать ницъ?...
Я и теперь того же мнѣнья,
Что врядъ ли гдѣ встрѣчалось намъ
Такое къ трусамъ и къ рабамъ
Великолѣпное презрѣнье.

Стенькино.
1892 г.

ЕЛИ.

Въ садъ заглянулъ я въ окно послѣ бурной метели;
Вижу: покрытыя снѣгомъ киваютъ мнѣ ели;
Грустно сѣдыми киваютъ онѣ головами...
Мало-по-малу бесѣда зашла между нами.
Чудится мнѣ, что киваютъ онѣ не случайно;
Ели хотятъ мнѣ повѣдать какую-то тайну.
Думы мои не безъ страха о ней вопрошаютъ; —
Ели то стихнутъ, то грустно мнѣ вновь закиваютъ;
То зашатаются, словно отъ боли и муки,
Вѣтви ко мнѣ протянувъ, какъ холодныя руки...
Зимнія сумерки стали спускаться на землю;
Я у окна все бесѣдѣ загадочной внемлю;
Снова проносятся мутные вихри метели;
Призраки-тѣни глядятъ ужъ теперь, а не ели.
Старцы, гиганты сѣдые въ окно мнѣ киваютъ;
Манятъ къ себѣ и объятія мнѣ простираютъ...
Разуму видится ясно картина простая;
Сердце пытаетъ судьбу, суевѣрно гадая.

Стенькино.
1892 г.

ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ МОСКВѢ.

I.

ЛОШАДКА.

Богомолки плетутся толпою,
Всѣ удобно привѣсивши къ шеямъ
Много стклянокъ съ святою водою,
Пузыречковъ съ цѣлебнымъ елеемъ.

Но межъ ними одна отличалась
Ужъ согбенная жизнью старушка;
Вмѣсто стклянокъ у ней колебалась
Вверхъ ногами лошадка-игрушка.

Богомолка съ игрушкой... какъ это
Умилительно зрѣлище было!
Уходить ужъ готова со свѣта,
А про радость дѣтей не забыла.

Вся предастся старушка разсказу,
Возвратившись къ глуши деревенской:
„Тамъ соборы... не вспомнишь всѣхъ сразу...
Есть Архангельскій, есть и Успенскій..

„Красоты мнѣ такой и не снилось;
А ужъ пѣніе... Господи Боже!..
Тамъ за всѣхъ я за васъ помолилась;
За себя, многогрѣшную, тоже.

„Цѣловала угодника ручку
И, припавши, такъ плакала сладко...
Вотъ вамъ всѣмъ по просвиркѣ; а внучку —
И, на нашу похожа, лошадка".

II.

У ВСЕНОЩНОЙ НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ.

На улицѣ шумной—вечерняя служба во храмѣ.
Вхожу въ этотъ тихій, манящій къ раздумью пріютъ.
Лампады и свѣчи мерцаютъ въ сѣдомъ ѳиміамѣ,
И пѣвчіе въ сумракѣ грустнымъ напѣвомъ поютъ:
„Чертогъ твой я вижу въ лучахъ красоты и сіянья;
„Одежды же нѣтъ у меня, чтобы въ оный войти...
„Убогое, темное грѣшной души одѣянье
„О Ты, Свѣтодатель, молюся Тебѣ: просвѣти!"

Стенькино.
1892 г.

ОТГОЛОСОКЪ

девятой симфоніи Бетховена.

Въ ней геній выразилъ мятежность думъ печальныхъ,
Борьбу, мечтательность, святыхъ восторговъ кликъ, —
И памятникъ себѣ изъ мыслей музыкальныхъ
Громадой звучною воздвигъ.

Стенькино.
1892 г.

ПАМЯТИ ШЕНШИНА-ФЕТА.

Онъ пѣлъ, какъ въ сумракѣ ночей
Поетъ влюбленный соловей.
Онъ гимны пѣлъ родной природѣ;
Онъ изливалъ всю душу ей
Въ строкахъ риѳмованныхъ мелодій.

Онъ въ мірѣ грёзы и мечты,
Любя игру лучей и тѣни,
Подмѣтилъ бѣглыя черты
Неуловимыхъ ощущеній,
Невоплотимой красоты...

И пусть онъ въ старческія лѣта
Мѣнялъ капризно имена
То публициста, то поэта;—
Искупятъ прозу Шеншина
Стихи плѣнительные Фета.

Стенькино.
1892 г.

ПУСТОЕ МѢСТО.

Меня тревожитъ безпокойство:
„Гдѣ наша доблесть?“ Я твержу.
Коль слово есть, должно быть—свойство;
Но свойства я не нахожу.
Есть доблесть воина. Вселенной
Она страшна не безъ причинъ;
Но рѣчь идетъ не о военной, —
О той, что̀ носитъ гражданинъ.

Бывали случаи, я знаю:
Не разъ позоръ или бѣда
Грозой неслись къ родному краю, —
Являлись гра̀ждане тогда.
Но гражданиномъ быть бы надо
Не ради бѣдственныхъ годинъ,
Иль въ дни торжествъ, какъ для парада;
Вседневный нуженъ гражданинъ.

И помню я: когда народу
Царь убѣдился даровать
Отъ ига рабскаго свободу, —
Явились гра̀ждане опять.

Среди же будничныхъ условій,
У насъ—чиновникъ, дворянинъ
И члены прочихъ есть сословій;
Но исчезаетъ гражданинъ.

Пусть государственнаго зданья
Вполнѣ постройка хороша, —
Для формы нужно содержанье,
Какъ тѣлу надобна душа.
Что пользы въ томъ, чтобы большія
Зіяли рамы безъ картинъ?
Въ тебѣ-жъ отсутствуетъ, Россія,
Твоя душа, — твой гражданинъ

Узрѣть я жажду гражданина,
Покуда мыслю и живу;
Къ забытой матери я сына
Неблагодарнаго зову.
„Отчизны дверь тебѣ отверста;
„Недостаешь ты ей одинъ;
„Войди, займи пустое мѣсто,
„Носящій доблесть гражданинъ!“

Стенькино.
1893 г.

ГОЛОСА.

I.

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Часы бѣгутъ... И тотъ, быть можетъ, близокъ часъ,
Который принесетъ предсмертную истому...
Покуда духъ твой бодръ и разумъ не погасъ,
Не трать послѣднихъ чувствъ и мыслей попустому.

Твоей мятущейся и ропщущей души
Смири безплодный гнѣвъ и тщетныя волненья;
И злобныхъ пѣсенъ рядъ спокойно заверши
Во область мирныхъ думъ полетомъ вдохновенья.

Когда идешь въ толпу, смѣясь или казня, —
Не гордостью-ль тебѣ внушается сатира?
Не задуваетъ ли священнаго огня
Тотъ вихрь, что̀ носится средь низменнаго міра?

Межъ тѣмъ, ты вѣруешь въ высокій идеалъ;
Ты исповѣдуешь завѣтъ добра и свѣта;
И въ высь небесную ты думой возлеталъ,
Мечтая иль молясь, еще въ младыя лѣта.

Зову тебя туда, къ предѣламъ тѣхъ вершинъ,
Откуда человѣкъ житейскихъ дрязгъ не видитъ:
Гдѣ разумъ—всѣхъ страстей и гнѣва властелинъ—
Понявъ, прощаетъ то, что сердце ненавидитъ.

Тамъ духъ поэзіи предстанетъ предъ тобой,
Парящій въ высотахъ какъ нѣкій горный геній,
И смѣнитъ жесткій стихъ, навѣянный враждой,
Строфами звучными духовныхъ пѣснопѣній.

Такъ эхо на горахъ, въ сосѣдствѣ облаковъ,
Мѣняетъ на аккордъ молитвенный хорала
Суровый звукъ трубы альпійскихъ пастуховъ,
Которая стада на днѣ долинъ сзывала.

II.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Часы бѣгутъ... Уже, быть можетъ, близокъ часъ,
Несущій приговоръ бездушнаго покоя...
Покуда духъ твой бодръ и разумъ не погасъ,
Храни ко злобамъ дня сочувствіе живое.

Не гордостью твои направлены стопы
Ужъ съ юныхъ лѣтъ большой и людною дорогой:
Не гордость привела тебя въ среду толпы
Съ ея пороками и мыслію убогой.

Иль рѣчи глупыя лелѣяли твой слухъ
И сердце тѣшили исчадья лжи и мрака?
Иль всякой мерзостью питаться могъ бы духъ,
Какъ смрадной падалью питается собака?...

Призванью слѣдуя, ты пой, а не учи;
Пусть въ старческихъ рукахъ гремитъ иль плачетъ лира;
Пусть небу молится, да ниспошлетъ лучи
Животворящіе въ пустынный сумракъ міра.

И если бы тебя на крыльяхъ вознесли
Молитвы и мечты въ далекій сводъ небесный, —
Пока еще живешь, не забывай земли
Въ безстрастной чистотѣ той сферы безтѣлесной.

Услыша зовъ, покинь заоблачную даль;
То - голосъ совѣсти! Она на землю кличетъ,
Гдѣ рядомъ съ радостью терзается печаль,
Гдѣ озлобленіе съ любовію граничитъ.

Такъ, тѣнямъ вѣренъ будь наставниковъ своихъ,
Друзей-мыслителей, почіющихъ въ могилахъ;
И, вѣренъ до конца, слагай свой ветхій стихъ,
Пока еще теперь слагать его ты въ силахъ.

Стенькино.
1893 г.

РАДОСТНЫЕ КУПЛЕТЫ.

Ура! Открытье! Я — Ньютонъ!
Открылъ, что каждый — хоть и связанъ
Узлами путъ со всѣхъ сторонъ—
Не быть собою не обязанъ.

Такъ напримѣръ: коль скоро есть
Черта особенная въ мозгѣ,
Блюсти дворянства можно честь,
Но сомнѣваться въ пользѣ розги.

И можно, — если личный нравъ
Дастъ направленіе иное, —
Не соглашаться, что изъ правъ
Всѣхъ выше — право крѣпостное.

Здѣсь будетъ кстати не забыть:
Тѣмъ иль другимъ служа началамъ,
Возможно публицистомъ быть,
Не бывъ безграмотнымъ нахаломъ.

Затѣмъ открытье передамъ,
Что вообще быть можно русскимъ
Безъ принадлежности къ умамъ
Необразованнымъ и узкимъ.

Стенькино.
1893 г.

СЕМДЕСЯТЪ-ДВА ГОДА

(ПОСВЯЩАЕТСЯ АЛЕКСАНДРУ СИГИЗМУНДОВИЧУ МЕРХЕЛЕВИЧУ).

1.

Хранитъ еще меня
Здоровая природа.
Съ сегодняшняго дня
Мнѣ 72 года.

2.

Грозила мнѣ бѣда...
Болѣзнь—всегда невзгода,
Особенно-жъ когда
Вамъ 72 года.

3.

Безъ дружескихъ заботъ,
Безъ нѣжнаго ухода
Воспѣлъ ли-бъ въ этотъ годъ
Я 72 года?

4.

Теперь уже я внѣ
Опаснаго исхода,
И радъ... какъ будто мнѣ
Не 72 года.

5.

Все жду: пришла-бъ опять
Весенняя погода!
Вѣдь хочется гулять
И въ 72 года.

6.

Да съ вотчины моей
Побольше бы дохода—
Жилось бы веселѣй
Мнѣ въ 72 года.

7.

Бываетъ — если нѣтъ
Для чувствъ и мыслей хода—
Тяжелѣ въ тридцать лѣтъ.
Чѣмъ въ 72 года.

8.

А Западъ мы возьмемъ;
Тамъ — сильная порода;
Тамъ людямъ ни по чемъ
Жить 72 года.

9.

Ученымъ и дѣльцамъ
(Такая, знать, ужъ мода)
Гораздо больше тамъ,
Чѣмъ 72 года.

10.

Къ несчастію, не то-жъ
У русскаго народа.
Здѣсь рѣдко перейдешь
За 72 года.

11.

Здѣсь встрѣтишь старика —
Калѣку иль урода...
А я бодрюсь пока,
Хоть 72 года.

12.

Сплю крѣпко; сытно ѣмъ;
Въ движеніяхъ — свобода...
Замѣтьте: мнѣ, межъ тѣмъ,
Вѣдь 72 года.

13.

Я веселъ, и здоровъ,
И духъ такого рода,
Что жить бы я готовъ
Вновь 72 года!

Стенькино.
1893 г.

* * *

Ужъ замолкаютъ соловьи;
Ужъ въ рощахъ ландыши завяли.
Во всей красѣ они цвѣли
Недѣли двѣ, и то едва-ли.
Хоть любовался я весной,
Но какъ-то вскользь и беззаботно...
Она мелькнула предо мной,
Подобна грезѣ мимолетной.

Пора мнѣ, старцу, наконецъ,
Такъ наслаждаться всѣмъ подъ солнцемъ,
Какъ наслаждается скупецъ,
Когда любуется червонцемъ.
Межъ тѣмъ какъ съ милою землей
Разлука будетъ длиться вѣчно,—
Летятъ мгновенья чередой...
Что̀ хорошо, то̀ скоротечно.

Стенькино.
1893 г.

СЪ БАЛКОНА.

Лишь только съ неба голубого
Куда-то тучки всѣ сбѣжали,
Одеждой праздничною снова
Цвѣты и травки засверкали.

Войти въ зеленый сумракъ сада
Зоветъ тѣнистая аллея;
Тамъ въ полдень ждетъ меня прохлада,
Какъ будто тихой лаской вѣя.

Вотъ липъ колеблются макушки
И слышны ясно, средь молчанья,
Напѣвъ настойчивый кукушки
И томныхъ горлицъ воркованье.

О, вы пернатые рапсоды,
Въ тѣни вѣтвей, въ открытомъ полѣ,
Пѣвцы любви, пѣвцы природы
И счастья свѣтлаго на волѣ!

Вы, вѣчно пòлны вдохновеньемъ,
Дарите міръ, съ успѣхомъ вѣчнымъ,
То соловья искуснымъ пѣньемъ,
То пѣньемъ иволги безпечнымъ;

То, какъ бы дальній звукъ свирѣли,
Свободныхъ жаворонка пѣсенъ
Подъ самымъ небомъ льются трели,—
Просторъ полей имъ словно тѣсенъ.

Вотъ, величава и красива,
Ужъ созрѣвать готова скоро,
Какъ волны двигается нива
Вплоть до предѣловъ кругозора.

Въ лугахъ иная ждетъ картина,
И впечатлѣній перемѣна;
Здѣсь—запахъ сладостный жасмина,
Тамъ—запахъ скошеннаго сѣна.

Какъ это все—давно знакомо!
Но зрѣлищъ новыхъ мнѣ не надо.
Къ тебѣ одной душа влекома,
Деревня, дней моихъ отрада!

И пусть пока одно и то же
Проходитъ той же чередою;
Пусть завтра съ тѣмъ все будетъ схоже,
Что̀ вижу нынче предъ собою;—

На новый ладъ я пѣлъ бы снова
О томъ, какъ травки засверкали;
О томъ, что съ неба голубого
Исчезли тучки... и такъ далѣй.

Стенькино.
1893 г.

ПИСЬМО КЪ ЮНОШѢ О НИЧТОЖНОСТИ.

Пустопорожній мой предметъ
Трактата вѣскаго достоинъ;
Но у меня желанья нѣтъ
Трактатомъ мучить; будь спокоенъ.
Полнѣй бы въ немъ былъ мыслей рядъ;
Онѣ яснѣе были тамъ бы:
Зато тебя не утомятъ
Здѣсь предлагаемые ямбы.

Ошибка въ томъ и въ томъ бѣда,
Что въ насъ къ ничтожности всегда
Одно презрѣніе лишь было.
Ничтожность есть большая сила.
Считаться съ нею мы должны,
Не проходя безпечно мимо.
Ничтожность тѣмъ неуязвима,
Что нѣтъ въ ней слабой стороны.
Несетъ потери лишь богатый;
Ея же вѣрно торжество:
Когда нѣтъ ровно ничего,—
Бояться нечего утраты.

Нѣтъ ничего! Все, значитъ, есть!
Противорѣчье—только въ словѣ.
Всегда ничтожность наготовѣ,
И ей побѣдъ своихъ не счесть.
Ея природа плодовита;
Къ тому-жъ бываютъ времена,
Когда повсюду прозелита
Вербуетъ съ легкостью она.
И еслибъ—такъ скажу примѣрно—
У насъ задумали нули,
Сплотясь ватагою безмѣрной,
Покрыть просторъ родной земли,—
Вѣдь не нулямъ пришлось бы скверно.

Когда-бъ ничтожность въ полу-снѣ,
Въ отвѣтъ на думы, скорби, нужды,
Лишь свой девизъ твердила: „Мнѣ
„Все человѣческое чуждо“;
Когда-бъ свой вѣкъ она могла
Влачить лѣниво годъ за годомъ,
Не причиняя много зла
Ни единицамъ, ни народамъ;—
Тогда-бъ: ну, что-жъ! Богъ съ нею!.. Но
Ей не въ пустомъ пространствѣ—тѣсно.
Она воюетъ съ тѣмъ, что̀ честно;
Она то̀ гонитъ, что̀ умно.
И у нея въ военномъ дѣлѣ,
Чтобъ сѣять смерть, иль хоть недугъ,
Точь-въ-точь микробы въ нашемъ тѣлѣ,
Готова тьма зловредныхъ слугъ.
Узрѣли-бъ мы подъ микроскопомъ,—
Когда-бъ онъ былъ изобрѣтенъ,—
Какъ эти карлы лѣзутъ скопомъ
Въ духовный міръ со всѣхъ сторонъ.

И каждый порознь, и всѣ вмѣстѣ
Они—враги духовныхъ благъ.
Кто—врагъ ума; кто—сердца врагъ;
Кто—врагъ достоинства и чести.
Кишатъ несмѣтною толпой
Микробы лжи, подвоха, злобы,
Холопства, лѣности тупой
И всякой мерзости микробы...
Итакъ, мой другъ, вся въ томъ бѣда,
Что въ насъ къ дряннымъ микробамъ было
Пренебреженіе всегда.
Ничтожность есть большая сила
И въ сферѣ духа. Такъ и въ ней:
Чѣмъ тварь ничтожнѣй, тѣмъ вреднѣй.

Стенькино.
1893 г.

ДРУГУ

(памяти Виктора Антоновича Арцимовича).

Пусть время скорбь мою смягчить уже успѣло, —
Все по тебѣ, мой другъ, тоскою я томимъ;
И часто, загрустивъ душой осиротѣлой,
Зову тебя: гдѣ ты? Приди, поговоримъ.
Надъ современностью въ бесѣдѣ духъ возвысимъ;
Побудемъ въ области добра и красоты...
Но ты безмолвствуешь. Нѣтъ ни бесѣдъ, ни писемъ.
Гдѣ ты?

О, старый другъ! Еще когда мы были юны,
Ужъ наши сблизились и думы, и сердца;
У насъ сочувственно души звучали струны;
И длился дружный ладъ межъ нами до конца.
Ужель конецъ пришелъ? Не вѣрится въ разлуку;
Вглядѣться хочется еще въ твои черты;
Обнять бы мнѣ тебя; твою пожать бы руку...
Гдѣ ты?

Смутится ли моя въ добро и въ правду вѣра, —
Кто отъ унынія тогда спасетъ меня?
Не будетъ предо мной высокаго примѣра;
Ты мнѣ не удѣлишь духовнаго огня.

Недобрыя ко мнѣ порой приходятъ вѣсти;
На правосудіе сплетаютъ клеветы,
И безнаказанно позорять знамя чести...
Гдѣ ты?

Сижу-ль одинъ въ саду, брожу-ль въ открытомъ полѣ,
Съ природой въ ясный день бесѣдовать любя, —
Я мирный строй души мѣняю поневолѣ,
Чтобъ думать о быломъ и вспоминать тебя.
И ты, среди трудовъ, любилъ природу страстно;
Но тщетно ждутъ тебя въ твоемъ саду цвѣты:
Зеленый лѣсъ, шумя, тебя зоветъ напрасно —
Гдѣ ты?

Мнѣ пусто безъ тебя; но жизненныя силы
Меня еще теперь покинуть не хотятъ.
Живу, межъ тѣмъ какъ ты ужъ спишь во тьмѣ могилы,
И все растетъ, растетъ могилъ священныхъ рядъ.
Что-жъ! Надо бодро несть ниспосланное горе...
Вѣдь мнѣ не долго жить средь этой пустоты;
Ровесникъ твой, уйду и я туда же вскорѣ,
Гдѣ ты.

Стенькино.
1893 г.

ПЯТНО.

Я понимаю гнѣвъ и страстность укоризны,
Когда, лѣнива и тупа,
Заснувшей совѣстью на скорбный зовъ отчизны
Не отзывается толпа.

Я понимаю смѣхъ, тотъ горькій смѣхъ сквозь слезы,
Тотъ иногда нещадный смѣхъ,
Что̀ въ юморѣ стиха, иль въ желчной шуткѣ прозы
Клеймитъ порокъ, смущаетъ грѣхъ.

Я понимаю вопль отчаянья и страха,
Когда, подъ долгой властью тьмы,
Черствѣютъ всѣ сердца и, словно гады праха,
Всѣ пресмыкаются умы.

Но есть душевный строй, который непонятенъ...
Возникъ онъ въ наши времена,
И я не нахожу, межъ современныхъ пятенъ,
Позорнѣй этого пятна

Чѣмъ объясняются восторги публициста,
Лишь только вѣсть услышитъ онъ,
Что вновь на родинѣ нечестно и нечисто,
Что попирается законъ?

Межъ тѣмъ какъ наша мысль все никнетъ понемногу
И погружается во тьму, —
Онъ въ умиленіи твердитъ: „И славу Богу!
„Умъ русскимъ людямъ ни къ чему.

„На волѣ собственной мы немощны и жалки;
„Намъ силъ почина не дано;
„А станемъ нéхотя работать изъ-подъ палки, —
„И дѣло ладится умно.“

Встрѣчалъ я нищаго на людномъ перекресткѣ.
Чтобъ убѣдить, что онъ не лживъ,
И зная, что сердца людей счастливыхъ жестки,
Онъ плакалъ, язвы обнаживъ.

Но русскій публицистъ ликуетъ, выставляя
Болѣзни родины своей...
Что жъ это? Тупость ли? Политика ли злая, —
Плодъ крѣпостническихъ затѣй?

Не даромъ, доблестью хвалясь предъ нами всуе,
Властямъ онъ лестію кадитъ
И лжетъ, въ плѣнительныхъ чертахъ живописуя
Былыхъ временъ порочный бытъ.

Стенькино.
1893 г.

ГЛУХАЯ НОЧЬ.

Темная, долгая зимняя ночь...
Я пробуждаюсь среди этой ночи;
Рой сновидѣній уносится прочь;
Зрячія въ мракъ упираются очи.

Сумрачныхъ думъ прибывающій рядъ
Быстро смѣняетъ мои сновидѣнья...
Ночью, когда всѣ замолкнутъ и спятъ,
Грустны часы одинокаго бдѣнья.

Чувствую будто бы въ гробѣ себя.
Мракъ и безмолвье. Не вижу, не слышу...
Хочется жить и, смертельно скорбя,
Сбросить я силюсь гнетущую крышу.

Гроба подобіе — сердцу не въ мочь;
Духа слабѣетъ бывалая сила...
Темная, долгая зимняя ночь
Тишью зловѣщей меня истомила.

Вдругъ, между тѣмъ какъ мой разумъ больной
Грезилъ, что часъ наступаетъ послѣдній, —
Гулко раздался за рамой двойной
Благовѣстъ въ колоколъ церкви сосѣдней.

Слава тебѣ, возвѣститель утра́!
Сонный покой мнѣ ужъ больше не жутокъ.
Свѣта и жизни настанетъ пора!
Темный подходитъ къ концу промежутокъ!

Москва.
1894 г.

КОМЕДІЯ

РЕТРОГРАДНЫХЪ ПУБЛИЦИСТОВЪ

и

ТОЛПА.

На сценѣ — бредъ и чепуха;
Но пусть комедія плоха,
И пусть всѣ эти скоморохи,
Ее ломающіе, плохи: —
Не въ пьесѣ и не въ нихъ бѣда.
Я глупыхъ пьесъ видалъ не мало,
Но „публика" не раздражала
Меня такъ больно никогда.
Какой безвкусія избытокъ!
Какой въ смышлености изъянъ!
Она не видитъ бѣлыхъ нитокъ
И грубый чествуетъ обманъ...
Но въ чемъ же суть? Дѣла какія
Внушить намъ авторы хотятъ?
Предметъ комедіи: — Россія.
Ея заглавіе: — Назадъ!
И вотъ—дитя ихъ измышленій,

Какой-то злобствующій бѣсъ—
А по афишѣ добрый геній -
Насъ вводитъ въ область превращеній
И фантастическихъ чудесъ.
На безобразной пьяной тризнѣ,
При ревѣ дикихъ голосовъ,
Тамъ погребаютъ полныхъ жизни
И воскрешаютъ мертвецовъ.
Герой изъ времени былого,
Теперь одѣтый въ куцый фракъ,
Пришелъ грозить народу снова
Опричникъ, земства лютый врагъ.
И что̀ ни рѣчь, что̀ ни картина —
Жизнь опрокинута вверхъ дномъ;
Шутъ носитъ званье гражданина,
А гражданинъ слыветъ шутомъ.
Нелѣпость творческой задачи
Доходитъ въ пьесѣ до того.
Что люди въ ней затылкомъ зрячи,
Впередъ не видя ничего.
Такихъ чудесъ на сценѣ много;
И тайну авторскихъ затѣй
Въ нравоученьяхъ монолога
Разоблачаетъ лицедѣй:
— „Назадъ! Долой съ пути успѣха,
Съ пути гражданственныхъ началъ!
Въ нихъ — благоденствію помѣха,
Въ нихъ гибнетъ русскій идеалъ.
За край родной стоитъ онъ грудью;
Онъ—патріотъ, и потому
Враждой пылаетъ къ правосудью,
Къ свободѣ, къ слову и къ уму"...
— „И смерть судамъ! И гибель школамъ!"
Кричитъ онъ, злобою дыша:

И, словно нѣкимъ ореоломъ,
Нахальнымъ свѣтитъ произволомъ
Невѣжды рабская душа.
Всѣмъ проявленьямъ высшимъ духа,
Всему, чѣмъ жизнь для насъ свята—
Со сцены шлется оплеуха,
Иль комомъ грязнымъ клевета.
А между тѣмъ толпа нѣмая
За рѣчью тщательно слѣдитъ,
Удары дерзкіе обидъ
Безпрекословно принимая.
Онъ ей внушилъ холопскій страхъ:
Вели ей вѣрить онъ, что прочно
Земля стоитъ на трехъ китахъ —
И, въ вольнодумствѣ безупречна,
Она отвѣтила-бъ: „Такъ точно!"

Вотъ держитъ рѣчь другой актеръ.
Другіе формы и пріемы.
Ему салонный разговоръ
И нравы свѣтскіе знакомы.
„Несправедливо за корысть
„Насъ подвергаютъ укоризнѣ; —
„Мы просто изъ любви къ отчизнѣ
„Рекли: „Да будетъ мракъ!" И бысть!
„О, воскресимъ то время оно,
„Блаженной памяти тотъ вѣкъ,
„Когда ни права, ни закона
„Не вѣдалъ русскій человѣкъ!
„И будетъ Русь намъ благодарна
„За свой покой внутри и внѣ.
„Позвольте нѣсколько вульгарно,
„Но ясно выразиться мнѣ:
„У насъ народъ своеобыченъ;

„Самъ зная чѣмъ себѣ помочь,
„Онъ не бѣжитъ отъ зуботычинъ,
„Да и отъ порки онъ не прочь“...
Тутъ раздались рукоплесканья.
Толпѣ внушила эта рѣчь
Неодолимое желанье
Или побить, или посѣчь.

Толпа, толпа!.. Съ негодованьемъ
Я говорю: какъ ты тупа!
Не нищей черни, чуждой знаньямъ,
О, нѣтъ! людей съ образованьемъ
Пустая, темная толпа!
За козни злобныя обмана,
За убыль смѣлой правоты,
За мракъ ума, въ отвѣтѣ—ты,
А не фигляры балагана.
Не будь тебя, для мѣстъ пустыхъ,
Повѣрь, что даже лбы изъ мѣди
Не создавали бы такихъ
Непозволительныхъ комедій.

Москва.
1894 г.

ЛѢТНІЙ ЗНОЙ.

Блестящъ и жарокъ полдень ясный.
Сижу на пнѣ въ лѣсной тѣни...
Какъ млѣютъ листья въ нѣгѣ страстной!
Какъ томно шепчутся они!

О прошломъ вспомнилъ я далекомъ,
Когда меня іюльскій зной,
Струясь живительнымъ потокомъ,
Своей разнѣживалъ волной.

Я съ каждой мошкой, съ травкой каждой,
Въ тѣ годы юные мои,
Томился общею намъ жаждой
И наслажденья, и любви.

Сегодня тѣ же мнѣ мгновенья
Даруетъ неба благодать,
И возбужденнаго томленья
Я приступъ чувствую опять.

Пою привѣтъ хвалебный лѣту
И солнца знойному лучу...
Но что̀ рождаетъ пѣсню эту—
Восторгъ иль грусть—не различу.

Ильиновка.
1894 г.

—•—•—

СВЯТАЯ ПОРА.

Есть пора святая въ жизни деревенской—
Осени прозрачной тихая пора
Въ ясный день природа, это—храмъ вселенскій;
Въ немъ богослуженье—до̀ ночи съ утра̀.
Лишь съ долинъ росистыхъ волны ѳиміама
Возлетятъ на встрѣчу утренней зари,
Для молитвъ открыты на просторѣ храма
Всюду алтари.

На холмѣ высокомъ, и подъ скромной ивой,
И въ лугу безмолвномъ, гдѣ стоятъ стоги,—
Алтари повсюду, гдѣ благочестиво
Остановитъ путникъ взоры и шаги.
Паутиной чистой серебрятся жневья;
Нивы въ изумрудный облеклись нарядъ;
Какъ паникадила, стройныя деревья
Золотомъ горятъ.

Время грозъ гремящихъ, время нѣги знойной
Отъ земли умчалось... Ей его не жаль.
Вся теперь объята думою спокойной,
Взоръ она возноситъ въ голубую даль;

Небу за былое шлетъ благодаренья;
Знаетъ, что ей нынѣ дни ужъ сочтены;
И готова къ смерти, чая воскресенья
От лучей весны.

Въ этотъ храмъ природный, храмъ нерукотворный
Приходите, люди, бросивъ города!
Въ немъ—прiютъ свободный мысли непокорной,
Утѣшенье въ горѣ, отдыхъ отъ труда.
Въ этотъ храмъ любовно распахнуты двери;
Всѣмъ умамъ широкимъ, всѣмъ благимъ сердцамъ,
Всѣмъ людскимъ ученьямъ, и мечтамъ, и вѣрѣ—
Входъ свободенъ въ храмъ.

Богомъ именуемъ, о, великiй Зодчiй!
Осенью прозрачной, въ сельской тишинѣ
Ты передъ природой мнѣ съ любовью отчей
Снялъ съ очей завѣсу и открылъ ихъ мнѣ.
И Твой храмъ я вижу просвѣтленнымъ взоромъ,
Храмъ, гдѣ вѣчно служба въ славу бытiя;
И духовнымъ слухомъ слышу пѣнье хоромъ:
Аллилуiя!

Павловка.
1894 г.

ЗАМѢТКИ О НѢКОТОРОЙ ПУБЛИЦИСТИКѢ.

I.

Онъ, съ политической и съ нравственной сторонъ
Вникая въ нашу жизнь, легко съ задачей сладилъ.
То сердцемъ, то умомъ въ своей газетѣ онъ,
Всего касаясь, все загадилъ.

II.

Увы! Праматерь наша Ева
Грѣхъ даромъ нà душу взяла,
Давъ и ему въ наслѣдство древо
Познанія добра и зла.
Порукой въ томъ—его газета
И въ ней плоды его пера:
Онъ распознать ни тьмы отъ свѣта,
Ни зла не можетъ отъ добра.

III.

Служитель слова, я невольный чую страхъ
При мысли о иныхъ въ печати властныхъ барахъ;
Все грезится, что червь господствуетъ въ садахъ,
Что крыса властвуетъ въ амбарахъ.

IV.

Порой мягчитъ онъ голосъ свой,
Тупою злобой не пугая...
Напрасно! звѣря дикій вой
Эффектнѣй рѣчи попугая.

Петербургъ.
1894 г.

ХРИСТІАНСКОЕ ДѢЛО.

Уподобляемся мы, баловни судьбы,
Надъ грязью дольною стоящимъ на помостѣ;
Но снизу бережно насъ держатъ не столбы,
А мышцы рукъ людскихъ и спинъ согбенныхъ кости.
До нашей высоты порой доходитъ вздохъ,
Какъ будто кто-то тамъ, въ подпольѣ, тяжко дышетъ;
Но современникъ нашъ умышленно оглохъ,
Иль грезится ему, что гулъ веселья слышитъ.
Когда духъ времени, какъ нынѣ, черствъ и пустъ;
Когда, средь робкаго безмолвья человѣка,
Изрыгиваютъ рѣчь обильную изъ устъ
То карла умственный, то нравственный калѣка,—
Потребно высказать безъ всякихъ бы помѣхъ,
Въ улику кроткой лжи и буйнаго безумства,
Что дань сочувствія къ трудящимся—не грѣхъ;
Что христіанская любовь—не вольнодумство.
Любить и сострадать—вотъ лучшее изъ дѣлъ,—
Хоть не единое оно намъ на потребу,—
И ждетъ оно того, кто жизнью бы хотѣлъ
Полезнымъ быть землѣ и быть угоднымъ Небу.
Мнѣ мнится: оцѣнить ужъ близится пора
Холодность жесткую глухихъ къ народной долѣ.

Намъ сердцемъ надо бы служить державной волѣ
Въ задачѣ быть для всѣхъ источникомъ добра.
Служенье всѣхъ добру, ко всѣмъ съ заботой равной,
Да охранитъ отъ бѣдъ, и горя, и обидъ
Съ смиренномудреннымъ спокойствіемъ издавна
Держащихъ родину живыхъ каріатидъ!

Петербургъ.
1895 г.

* * *

Когда душа, расправивъ крылья,
Дерзаетъ выспренній полетъ
И я взнесусь не безъ усилья
Во область чистую высотъ,—
Какъ мячъ, взлетѣвшій въ высь невольно,
Къ землѣ я падаю, спѣша;
И снова въ узахъ жизни дольной
Задремлетъ грѣшная душа.

Петербургъ.
1895 г.

ПРИДОРОЖНАЯ БЕРЕЗА.

Въ полѣ пустынномъ, у самой дороги, береза,
Длинныя вѣтви раскинувъ широко и низко,
Молча дремала, и тихая снилась ей греза;
Но встрепенулась, лишь только подъѣхалъ я близко.

Быстро я ѣхалъ; она свое доброе дѣло
Все же свершила: меня осѣнила любовно;
И надо мной, шелестя и дрожа, прошумѣла,
Наскоро что-то повѣдать желая мнѣ словно—

Словно со мной подѣлилась тоской безутѣшной,
Вмѣстѣ съ печальнымъ промолвя и нѣжное что-то...
Я, съ ней прощаясь, назадъ оглянулся поспѣшно,—
Но уже снова ее одолѣла дремота.

Петербургъ.
1895 г.

ДУМА.

По времени—день, а дня нѣтъ изъ окна!
Одинъ, въ полутьмѣ, я сижу у камина,
И грезится все мнѣ картина одна,—
Просторна, привольна и свѣта полна—
То сельская прошлаго лѣта картина.

И вотъ отчего она памятна мнѣ:
Былъ праздникъ природы—пора сѣнокоса;
Сидѣлъ я на свѣжей, душистой копнѣ;
Въ лугу—никого; только копны однѣ,
Въ окраскѣ лучей, уже падавшихъ косо.

И я любовался на видъ мнѣ родной—
Красивый, но скромный; простой, но могучій,
И такъ былъ безмолвенъ природы покой,
Что не было слышно въ сосѣдствѣ со мной
Шуршаніе листьевъ березы плакучей.

И вскорѣ возникла изъ глуби души
И въ даль унесла меня тихая дума...

Такъ птица большая, средь полной тиши,
Вспорхнетъ изъ лѣсной, сокровенной глуши
И рѣетъ подъ небомъ безъ крика и шума.

Мнѣ вспомнился рядъ дорогихъ мнѣ могилъ.
Друзей и родныхъ мной утрачено много.
И думалось мнѣ: я ихъ всѣхъ схоронилъ,
А все еще жизненныхъ полонъ я силъ...
За что̀ же мнѣ милость такая отъ Бога?

Оплотъ непреклонный высокихъ началъ
Меня исповѣдаться вызвала совѣсть.
Мой словно двойникъ предо мною стоялъ;
Онъ ставилъ вопросы, а я отвѣчалъ;
И жизни слагалась правдивая повѣсть.

И онъ, о моей размышляя судьбѣ,
Роптал и скорбѣлъ, что могучаго слова
Зиждительный даръ зарывалъ я въ себѣ,
И притчи Христа о лукавомъ рабѣ
И зернахъ погибшихъ напомнилъ сурово.

На рѣчь же мою, что готовлюсь къ труду;
Что сердцемъ я чутокъ; что умъ еще свѣтелъ;
Что праздности прежней исправить бѣду
Я силы живыя ищу и найду—
Ужъ поздно! двойникъ мнѣ печально отвѣтилъ.

Я исповѣдь кончилъ. Итакъ, искупать
Не время мои прегрѣшенья... Ужъ поздно!
Отжитая жизнь не направится вспять;
Не время сбираться, нельзя начинать
Когда ужъ конецъ приближается

Межъ тѣмъ, всю окрестность задернула мгла;
Ни дали не вижу, ни близкой березы...
Не тьма наступила, не ночь ужъ пришла,
Но камнемъ на сердце тоска налегла
И зрѣнье затмили нежданныя слезы.

Петербургъ.
1895 г.

«Духъ идѣ же хощетъ, дышетъ». *Ев. Іоанна. III, 8.*

Всесиленъ и благостенъ Духъ, исходящій отъ Бога.
Не мѣрой даетъ Онъ Его.
Но Духъ своевластенъ; даруетъ Онъ избраннымъ много;—
Другимъ не даетъ ничего.

Есть въ мірѣ пустыни, забытыя благостью Духа;
Пустыни для чувствъ и ума.
Тамъ слово благое звучитъ боязливо и глухо;
Тамъ вла̂стна духовная тьма.

Какъ чахнутъ на грубыхъ земляхъ благородныя зерна,
Но сильно растутъ плевелы;
Такъ въ этихъ пустыняхъ, гдѣ вѣетъ неправда тлетворно,
Тѣ сильны, кто лживы и злы.

О, еслибъ у насъ времена слѣпоты и гордыни
Смѣнила сознанья пора,
Тогда бы предстало намъ зрѣлище нашей пустыни,
Безъ думъ, безъ любви, безъ добра.

Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ; но въ людяхъ есть сила призыва.
Просите Его, и Онъ дастъ.
Лишь только-бъ молитва была горяча и правдива,
Призывъ былъ настойчивъ и частъ.

Разбудимъ отзывчивость въ сердцѣ сухомъ и холодномъ;
Изъ камня добудемъ огня,
И, въ скорби о разумѣ праздномъ и дѣлѣ безплодномъ,
Помолимся, сердцемъ стеня.

Ты дышешь, гдѣ хочешь, о, Духъ, призывающій къ жизни!
Дай жизни познать намъ пути;
Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ!
Дохнуть на нее захоти!

Петербургъ.
1896 г.

СЕМЬДЕСЯТЪ-ПЯТЬ ЛѢТЪ.

1.

Два „древнихъ“ періода;
Одинъ ужъ мной воспѣтъ;
Тотъ—семьдесятъ-два года;
Вотъ—семьдесятъ-пять лѣтъ.

2.

Три года пережиты;
И все пока—поэтъ,
Хоть съ прозвищемъ: „маститый“—
Я въ семьдесятъ-пять лѣтъ.

3.

Подъ тяжестью ихъ груза,
Одинъ—другой куплетъ
Сложи, старушка-муза,
Про семьдесятъ-пять лѣтъ.

4.

Усталъ я жить въ надеждѣ
На умственный разсвѣтъ;
Хоть меньше тьмы, чѣмъ прежде—
За семьдесятъ-пять лѣтъ.

5.

Все ждалъ; то опасался,
То вѣрой былъ согрѣтъ..
Чего-жъ, гляжу, дождался
Я въ семьдесятъ-пять лѣтъ?

6.

Въ пародіяхъ Пруткова
Весь смыслъ иныхъ газетъ;
Но въ этомъ мнѣ смѣшного
Нѣтъ въ семьдесятъ-пять лѣтъ.

7.

„Законность—врагъ порядка...“
Я старый правовѣдъ, [1])
И это—только гадко
Мнѣ въ семьдесятъ-пять лѣтъ.

8.

Для разной свѣтской встрѣчи
Мой запертъ кабинетъ.
Скупиться я на рѣчи
Сталъ въ семьдесятъ-пять лѣтъ.

---

[1]) Я кончилъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія въ 1841 г.

9.

А пышные чертоги,
Гдѣ соль земли и цвѣтъ,—
Отъ нихъ давай Богъ ноги
Мнѣ въ семьдесятъ-пять лѣтъ.

10.

Вдругъ спросятъ тамъ наивно:
За розгу-ль я, иль нѣтъ...
Мнѣ съ новыми противно;
Мнѣ—семьдесятъ-пять лѣтъ.

11.

Иль скажутъ: „Ты—отсталый;
„Лелѣя старый бредъ,
„Все носишь идеалы
„Ты въ семьдесятъ-пять лѣтъ."

12.

Прибавятъ бюрократы:
„Готовъ давать совѣтъ,
„Самъ годенъ же куда ты
„Ужъ въ семьдесятъ-пять лѣтъ?

13.

„Къ тому-жъ тебѣ, по справкѣ,
„Судить совсѣмъ не слѣдъ:
„Чуть не былъ ты въ отставкѣ
„Всѣ семьдесятъ-пять лѣтъ."

14.

Вамъ былъ бы врагъ я кровный
Хотя-бъ, въ мундиръ одѣтъ,
Имѣлъ я чинъ сановный—
И семьдесятъ-пять лѣтъ.

15.

Таковъ я спозаранку;
И мнѣ охоты нѣтъ
Явиться на изнанку
Вдругъ въ семьдесятъ-пять лѣтъ.

16.

Я такъ бы имъ отвѣтилъ;
Но крѣпокъ мой отвѣтъ
Покуда разумъ свѣтелъ...
Охъ, семьдесятъ-пять лѣтъ!

17.

Вѣдь этотъ срокъ—не шутка!
Хоть милъ еще мнѣ свѣтъ,
Шагнуть мнѣ какъ-то жутко
За семьдесятъ-пять лѣтъ.

18.

Лишусь, пожалуй, мозгу;
Узрю въ ученьѣ вредъ,
И стану славить розгу
Самъ въ семьдесятъ-пять лѣтъ.

19.

Мольбу сложить бы въ гимнѣ:
— Господь! Храни отъ бѣдъ
И честнымъ помоги мнѣ
Быть въ семьдесятъ-пять лѣтъ!

20.

Я силы въ распрѣ съ вѣкомъ
Прошу не для побѣдъ:—
Остаться-бъ человѣкомъ
Мнѣ въ семьдесятъ-пять лѣтъ!..

Петербургъ.
1896 г.

СТАРОСТЬ.

Сколько мнѣ жить?.. Впереди—неизвѣстность.
Жизненный пламень еще не потухъ;
Бодрую силу теряетъ тѣлесность,
Но, пробудясь, окрыляется духъ.

Грустны и сладки предсмертные годы!
Это привычное мнѣ бытіе,
Эти картины родимой природы—
Все это, словно, уже не мое.

Плоти не чувствую прежней обузы;
Жду перехода въ обитель тѣней;
Съ милой землей расторгаются узы;
Духъ возлетаетъ все выше надъ ней.

Чуждъ неспокойному страсти недугу,
Вѣдая тихую радость одну,—
Словно хожу по цвѣтистому лугу,
Но ни цвѣтовъ, ни травы ужъ не мну...

Петербургъ.
1896 г.

* * *

Странныя порой
Смѣны впечатлѣній!..
Грезъ игривый рой
Шлетъ мнѣ добрый геній.

Вновь я—сынъ земли;
А меня давно ли
Думы въ высь несли
Отъ земной юдоли?

И давно-ль печаль
Сердце мнѣ сжимала?..
То мнѣ жизни жаль,
То не жаль нимало.

Радость жизни пусть
Будетъ съ грустью въ спорѣ!
Старческая грусть
Одолѣетъ вскорѣ.

Лишь на мигъ изъ тучъ,
Осенью дождливой,
Поиграетъ лучъ
Надъ печальной нивой.

Петербургъ.
1896 г.

О ЖИЗНИ.

1.

Межъ тѣмъ какъ жить—теперь такъ любопытно,
Къ послѣднему я близокъ рубежу;
И потому я думой ненасытной
За жизнію безъ устали слѣжу.
Нашъ міръ—театръ, гдѣ со временъ Адама
Безостановочно идетъ людская драма.

2.

Ея теперь въ Европѣ эпизодъ
Хоть искаженъ наличной, слабой труппой,
И строгихъ думъ нерѣдко прерванъ ходъ
Шумихою воинственности глупой, —
Но чуется, что ветхій человѣкъ
Желалъ бы, обновясь, вступить въ двадцатый вѣкъ.

3.

Измученный запросами сомнѣнья,
Утратившій надежды и мечты,

Тоскуетъ онъ предъ зрѣлищемъ крушенья;
Его страшитъ зіянье пустоты,
И хочетъ онъ, чтобъ дружбой сочетались
Враги—душевный миръ и умственный анализъ.

4.

Загадочна, глубокихъ тайнъ полна
Идущая на сценѣ міра пьеса.
Чрезъ цѣпь вѣковъ идетъ впередъ она...
Когда-нибудь опустится завѣса,
Но будетъ ждать, чтобы докончить могъ
Послѣдній человѣкъ послѣдній монологъ.

5.

Я не хочу, чтобъ жизнь мнѣ стала бремя,
Какимъ она для „Вѣчнаго жида".
Хотѣлось бы пожить мнѣ въ наше время;
Мнѣ умирать не хочется, когда
Еще я бодръ, и не лишили годы
Меня ни пыла чувствъ, ни умственной свободы.

6.

Слѣдить и нашъ я скромный бытъ хочу.
Порою лучъ насъ озаряетъ свѣтомъ,
И этому я радуюсь лучу.
Ужъ есть отпоръ гасящимъ свѣтъ газетамъ,
И ужъ онѣ не каждый день пестрятъ
Убогіе столбцы командою:—назадъ!

7.

Намъ говорятъ, что шли мы слишкомъ шибко.
Едва ли! Но положимъ, что и такъ.

А вспять идти—не также ли ошибка?
И на Руси вѣдь человѣкъ—не ракъ.
Такъ пусть же онъ медлительнымъ хоть шагомъ,
Но движется впередъ къ законнымъ жизни благамъ.

8.

Мы стариной охвачены совсѣмъ,
Въ старинную невольно впавши спячку.
Такъ сонный волъ бываетъ занятъ тѣмъ,
Что вновь жуетъ отрыгнутую жвачку...
Вотъ почему мнѣ такъ отраденъ лучъ,
Привѣтливо на насъ взглянувшій изъ-за тучъ.

9.

Не изъ одной любви къ моей отчизнѣ,
Не лишь для думъ предъ сценой міровой, —
Мнѣ просто жить хотѣлось бы для жизни,
Для благъ земныхъ, для радости земной.
Какъ не хотѣть! А дочери? а внуки?
Подольше-бъ съ ними быть предъ вѣчностью разлуки!

10.

И, наконецъ, мнѣ жизнь еще нужна
Для мелочей моей повадки старой:
Для празднаго сидѣнья у окна,
Для кофея съ газетой и сигарой,
И прочее... Не перечислить всѣхъ
Мнѣ щедрой жизнію даруемыхъ утѣхъ.

11.

А часъ придетъ... Подъ гробовую крышу,
Заснувъ на вѣкъ, я лягу въ темноту.

Ни глупости ужъ больше не услышу,
Ни подлости въ газетѣ не прочту, —
Межъ тѣмъ какъ я всю жизнь имѣлъ наклонность
Входить участливо въ родную обыденность.

Ильиновка.
1896 г.

ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Одни—двуногое, пасущееся стадо,
Безъ думъ, надеждъ и грёзъ, которыхъ людямъ надо.
Не зная ни тоски, ни порыванiй въ высь,
Они какъ бы въ грязи для грязи родились.
Такъ есть животныя, которымъ воспретила
Природа подымать къ небеснымъ высямъ рыла.
Другiе—до того чуждаются земли,
Что въ мiръ невѣдомый изъ нашего ушли.
Когда ихъ надъ землей, какъ духовъ, носятъ крылья,
Они, съ своихъ высотъ, изъ рога изобилья
Намъ сыплютъ пѣсенокъ летучiе листки.
И ропщемъ мы: „Зачѣмъ, разсудку вопреки,
„Намъ эти пряности и эти карамели,
„Межъ тѣмъ какъ дòсыта и хлѣба мы не ѣли?“
Итакъ—двѣ крайности. Когда одна изъ двухъ,
Иль обѣ вмѣстѣ нашъ плѣнять желаютъ слухъ—
Та хрюканьемъ свинымъ, а эта птичьей пѣсней—
Рѣшить я не берусь изъ нихъ чтò интереснѣй.
Лишь людъ бы людомъ былъ! Вотъ отповѣдь моя!
А птицей и свиньей... ужъ птица и свинья.

Ильиновка.
1896 г.

ЛѢСОКЪ ПРИ УСАДЬБѢ.

I.

Встрѣча.

Я въ праздникъ, межъ дубовъ, одинъ бродя тоскливо,
Съ крестьянкой встрѣтился. Румяна, молода,
Лицомъ привѣтлива, нарядна и красива,
Она, по ягоду зашедшая сюда,
Мнѣ ягодъ поднесла. Я былъ ей благодаренъ.
Смѣясь и бусами играя на груди,
Она мнѣ молвила: „Одинъ, скучаешь, баринъ?“
А я отвѣтилъ ей печально: „Проходи“.

II.

Грачи.

Лѣсокъ дремалъ. Приходъ ничей
Его покуда не тревожилъ.
Но я пришелъ, и сонмъ грачей
Взлетѣлъ, крича, и весь онъ ожилъ.

Они, къ полудню прилетѣвъ
Съ прогулокъ утреннихъ по нивамъ,
Качались на верхахъ деревъ,
Въ расположеніи сонливомъ.

Я помѣшалъ; я ихъ спугнулъ.
Надъ рощей долго въ шумной свалкѣ
Стоялъ грачей басистый гулъ,
И звонко вторили имъ галки.

Инымъ—грачей несносенъ крикъ;
А я его люблю, напротивъ.
Я съ дѣтскихъ лѣтъ къ грачамъ привыкъ,
Себя ихъ слушать пріохотивъ.

Друзья родной земли моей,
Они, какъ я, здѣсь лѣтомъ—дома.
Непостижима безъ грачей
Страна дубовъ и чернозема.

III.

Конецъ лѣта.

Еще не время непогодъ.
Про дни такіе, какъ сегодня,
Сказалъ бы набожный народъ,
Что это—милость къ намъ Господня.
...адебный—красивъ.
...ъ пожелтѣли;
...це, доселѣ
...нивъ.

Лучи, сквозя въ вѣтвистой сѣни,
На долъ отбрасываютъ тѣни;
И на травѣ слѣдитъ мой взоръ
Ихъ неустойчивый узоръ.
Межъ тѣмъ тропинкой къ краю лѣса
Я подошелъ, и предо мной
Какъ бы раздвинулась завѣса
И видъ раскинулся степной.
Открытый видъ долины ровной
До небосклона, лишь вдали
Какъ будто вышелъ изъ земли,
Благословляя, крестъ церковный;
Да тамъ, межою на гумно
Съ полей телѣги ѣдутъ съ хлѣбомъ;
Да видно въ воздухѣ пятно—
То ястребъ носится подъ небомъ.
И смотрятъ очи; и душа
Привѣты шлетъ родному краю...
Когда такъ осень хороша,
Гдѣ лучше: тамъ иль здѣсь?—не знаю.
Лишь только, милостью небесъ,
Чреда подобныхъ дней настанетъ,
Меня изъ лѣса поле манитъ,
А съ поля снова манитъ лѣсъ.

IV.

Осеннее ненастье.

Небо холодное—въ тучахъ;
Хмуры лужайки и чащи;
Слышенъ въ березахъ плакучихъ
Вѣтеръ уныло гудящій...

Словно томимы тоскою,—
Близко ко мнѣ, но незримо,—
Тѣни одна за другою,
Плача, проносятся мимо.

Ильиновка.
1896 г.

* * *

Сидючи дома, я въ окна взгляну ли,
Вижу: декабрь перемѣну принесъ;
Съ дня Спиридона уже повернули
Солнце на лѣто, зима на морозъ.

Долго ждать солнцу намѣченной встрѣчи;
Времени много пройдетъ до тѣхъ поръ...
Пышутъ тепломъ изразцовыя печи,
Съ оконъ не сходитъ морозный узоръ.

Солнце, межъ тѣмъ, повернуло на лѣто,
Къ днямъ пробужденья лѣсовъ и полей.
Чижикъ нашъ, въ клѣткѣ почуявши это,
Пробуетъ пѣть и глядитъ веселѣй.

Пусть свирѣпѣютъ морозы, метели!
Солнцу—причинѣ благой бытія—
Мы уже съ радости пѣсни запѣли
Оба—затворники, чижикъ и я.

Тамбовъ.
1897 г.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Межъ тѣмъ какъ мы въ разбродъ стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.
Девизъ на знамени: „Духъ доблести храни".
Такъ воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни
Знаменоносцемъ поневолѣ.

Но подвигъ не свершенъ, мнѣ выпавшій въ удѣлъ,—
Разбредшуюся рать сплотить бы воедино...
Названье мнѣ дано поэта-гражданина
За то, что я одинъ про доблесть пѣсни пѣлъ;
Что былъ глашатаемъ забытыхъ, старыхъ истинъ,
И силенъ былъ лишь тѣмъ, хотя и старъ и слабъ,
Что въ людяхъ рабскій духъ мнѣ сильно ненавистенъ,
И самъ я съ юности не рабъ.

Послѣднія мои уже уходятъ силы.
Я дѣлалъ то, что̀ могъ; я больше не могу.
Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу,
Но да проститъ она мнѣ на краю могилы.

Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,
Въ которомъ доблести горѣло-бъ ярче пламя,
И принялъ отъ меня не знавшее побѣдъ,
Но незапятнанное знамя.

О, какъ живуча въ насъ и какъ сильна та ложь,
Что духъ достоинства есть будто духъ крамольный!
Она—нашъ древній грѣхъ и вольный и невольный;
Она—народный грѣхъ отъ черни до вельможъ.
Тамъ правды нѣтъ, гдѣ есть привычка рабской лести;
Тамъ искалѣченъ умъ, душа развращена...
Приди; я жду тебя, пѣвецъ гражданской чести!
Ты нуженъ въ наши времена.

Тамбовъ.
1897 г.

* * *

Отвѣтъ одинъ — на отзывъ друга
И на враждебную молву:
Моя преступность иль заслуга
Лишь въ томъ, что я еще живу.

Тамбовъ.
1897 г.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ КОМПРОМИССА

(по поводу газетныхъ статей).

На насъ онъ дѣйствуетъ двоякой стороною.
Не согласимся-ль мы, всѣ споры прекративъ,
Съ тобою я—что онъ правдивъ,
А что онъ гнусенъ—ты со мною?

Тамбовъ.
1897 г.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

I.

Я помню школьные года
И возрастъ отрочества нѣжный.
Моя душа была тогда
Чиста, какъ даль вершины снѣжной.
Въ то время,—ближе къ небесамъ,
Чѣмъ къ той юдоли, гдѣ родился,—
Въ слезахъ я пламенно молился,
Безъ словъ, о чемъ не зная самъ.
Съ насильемъ жизни подневольной
Вседневно шла во мнѣ борьба;
И жутко было мнѣ, и больно,
Что такъ дѣйствительность груба.
Я не хотѣлъ ни игръ, ни смѣха:
Въ часы досуга рѣзвый шумъ
Мнѣ былъ докученъ, какъ помѣха
Для созерцанія и думъ.
Мнѣ чувство грусти сладко было.
Взамѣнъ всѣхъ радостей земныхъ

Душа скорбящая однихъ
Блаженствъ евангельскихъ просила.
И такъ росла молитвы сила
Въ ту пору вѣры и любви,
Что я, паря къ Христову раю,
На мой призывъ: благослови!
Слыхалъ привѣтъ: благословляю.

II.

Прошли чредою времена.
Давно съ земною жизнью друженъ,
Я съ ней сроднился. Мнѣ она
Покуда все еще нужна;
Но я ужъ больше ей не нуженъ.
Пора признать утрату силъ
И сильнымъ уступить дорогу.
Я жизни путь уже свершилъ;
И отъ позора, слава Богу,
Я душу уберегъ мою
Средь жизни суетной и ложной;
Но, долгій путь пройдя, стою
Покрытый пылью придорожной.
Все чаще вспоминаю я
Передъ концомъ о томъ началѣ,
Когда, въ преддверьѣ бытія,
Душа безгрѣшная моя
Святыя вѣдала печали;
Когда свободно къ небесамъ
Она молитвы возносила,
Какъ въ храмѣ Божіемъ кадило
Возноситъ къ сводамъ ѳиміамъ.
Ужъ не вернуть того, что̀ было;

Мнѣ тѣхъ молитвъ не вознести...
И я теперь не ожидаю,
Когда твержу:—прости! прости!
Чтобъ мнѣ послышалось:—прощаю.

Тамбовъ.
1897.

ПОПРАВКА КЪ СТИХОТВОРЕНІЮ:

„ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ".

Я жизни путь уже свершилъ
И отъ позора, слава Богу,
Я душу уберегъ мою...

Что *жизни путь ужъ я свершилъ*—
Мнѣ это кажется безспорно:
Но я, быть можетъ, поспѣшилъ
Сказать, что прожилъ *безпозорно.*
Нельзя загадывать впередъ,
И эта мысль меня тревожитъ.
Едва ли кто ручаться можетъ,
Что безупречнымъ онъ умретъ.
Хоть, правда, милостію неба
На службѣ я не состою
И независимость мою
Я за кусокъ насущный хлѣба
Еще пока не продаю;—
Но, Боже! если въ эти годы
Не смерть закроетъ мнѣ глаза,
А нуждъ и тягостной невзгоды
Придетъ житейская гроза,—

Могу-ль ручаться, что предъ нею
Я духомъ слабымъ не паду,
И что себя, коль не труду,
Обречь лишеніямъ съумѣю?..

Тамбовъ.
1897.

* * *

По городу бродя, зашелъ я въ садъ,
Чтобъ отдохнуть вблизи монастыря.
Предъ самымъ храмомъ сѣлъ я на скамью
И прислонился къ молодому клёну.
Безоблачный, весенній, теплый вечеръ!
Вотъ всенощной служенье отошло.
Толпою пестрою, крестясь на церковь,
Уходятъ постепенно богомольцы;
Потомъ и нищіе, и съ кружкой старцы,
Просящіе на построенье храма, —
Всѣ разошлись по разнымъ направленьямъ
И близъ меня нѣтъ больше никого.
Замолкнулъ говоръ, и теперь мнѣ слышно,
Какъ ласточки звенятъ съ высотъ воздушныхъ,
То свой полетъ игривый замедляя,
То съ быстротой стремительною мчась.
Изъ сада свѣтъ дневной уже уходитъ;
Но на стѣнѣ церковной все еще
Отчетливо могу я видѣть фрески;
А выше ярко солнцемъ заходящимъ
Озарены и главы, и кресты.
И, въ этотъ мигъ безмолвія въ саду,

Часы на монастырской колокольнѣ
Сперва прелюдію сыграли бѣгло,
Потомъ внушительно пробили восемь...
Спокойная и добрая картинка!
Какъ будто бы у ней своя есть цѣль—
Настроить человѣка благодушно.

Тамбовъ.
1897.

ОЖИДАНІЕ.

Еще молитвеннаго зова
Въ колокола не прозвучало;
Но храмъ открытъ и все готово;
Ужъ близко всенощной начало.

Онъ наполняется народомъ;
Предъ образами ставятъ свѣчи;
И въ тишинѣ, подъ гулкимъ сводомъ,
Звучатъ шаги и говоръ рѣчи.

Но все смолкаетъ понемногу.
Стоятъ и ждутъ безмолвно люди;
И только вздохъ невольный къ Богу
Порою вырвется изъ груди...

О, еслибъ былъ я удостоенъ
Съ грядущей смертью тихой встрѣчи;
И таялъ, свѣтелъ и спокоенъ,
Какъ предъ иконой таютъ свѣчи;

И ждалъ конца, какъ ждемъ, что скоро
Наступитъ строгое мгновенье
Удара въ колоколъ собора,
Чтобъ началось богослуженье!

Тамбовъ.
1897.

ПОМИНКИ.

Какъ будто дверь въ сарай хозяйственный открыли,
Гдѣ рухлядь ветхая хранилась про запасъ;
И затхлымъ запахомъ и плѣсени, и пыли,
И ѣдкой ржавчины повѣяло на насъ.

Укоръ не мертвецу я шлю, а вожделѣньямъ
Его усопшее ученье воскресить,
Чтобъ мертвыя уста могильнымъ дуновеньемъ
Пытались жизненный свѣтильникъ загасить.

Хоть я—не слѣдуя покойника примѣру—
Готовъ признать, что онъ любилъ страну свою,
Но къ родинѣ любовь въ его лишь только мѣру
И на его шаблонъ—о, нѣтъ!—не признаю.

Жестокій патріотъ, не вѣрилъ онъ народу;
Покорность лишь одну отдавъ ему въ удѣлъ,
За нимъ ни силу чувствъ, ни совѣсти свободу,
Ни право умствовать признать онъ не хотѣлъ.

Не грезился-ль ему съ сложеніемъ желѣзнымъ
Безвольный богатырь, нашъ предокъ изъ былинъ,—
Когда онъ требовалъ, чтобъ членомъ безполезнымъ,
Чтобъ силой праздною былъ русскій гражданинъ;

Чтобъ онъ не принималъ участія живого
Самостоятельно на родинѣ ни въ чемъ,
И даже иногда лишался дара слова,
Патріотическимъ разбитъ параличемъ?..

Ильиновка.
1897 г.

УЧЕНИКИ

(по поводу стихотворенія: „Поминки“).

Мнѣ говорятъ: „Ученики
Открыто мѣтятъ много дальше,
Чѣмъ, не безъ хитрости и фальши,
Временъ былыхъ крѣпостники.
У нихъ куда смѣлѣе перья!
Теперь, строча „передовикъ“,
Въ немъ заявляетъ ученикъ
Такія pia desideria,
Какихъ, безъ маски лицемѣрья,
Не заявлялось напрямикъ.
Какъ полемистъ, онъ простъ и ясенъ;
Его расправа не долга:
Назвалъ по имени врага
И доложилъ, что онъ опасенъ“.
А я, въ безпечности къ живымъ,
Страшусь сошедшаго въ могилу!
„Зачѣмъ?“ Затѣмъ, что лишь за нимъ
Признать ума возможно силу.

Ильиновка.
1897 г.

ЗАМѢТКА

(по поводу тѣхъ же „Поминокъ“).

Межъ тѣмъ какъ лишь теперь прозрѣвшая Москва
Открыла намъ, что онъ *пророкомъ* былъ въ отчизнѣ,
Я въ новоявленномъ узрѣлъ еще при жизни
На это званіе права. [1])

Ильиновка.
1897.

[1]) Въ стихотвореніи „Пророкъ и я“, написанномъ въ 1868 г.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ МОЕЙ ЖЕНЫ).

Марусю въ гробикѣ свезли и схоронили.
А мы, въ бездѣйствіи томительной тоски,
То порознь, то вдвоемъ все въ дѣтскую ходили
Взглянуть на креслице, игрушки, башмачки...
Какой-то силою мучительной и сладкой
Тянуло насъ къ тому, что̀ было близко къ ней.
Надъ всѣмъ грустили мы; но предъ ея кроваткой
Пустою, безъ бѣлья, грустили мы больнѣй.
Обоихъ, наконецъ, насъ утомило горе.
Мы сѣли отдохнуть; но, заглянувъ въ окно,
Увидѣли, что ночь уже настанетъ вскорѣ;
Что было на дворѣ почти совсѣмъ темно,
И капли по окну струились дождевыя.
И мы очнулися. И ночь, и дождь идетъ;
Всѣ—дома; нѣтъ одной Маруси; и впервые
Нѣтъ страха за нее и нѣтъ о ней заботъ.
Ея отсутствіе и няню не тревожитъ.
Маруси нѣтъ... Но здѣсь и быть она не можетъ.
Тамъ, одинокая, спокойно спитъ она.

Ни мы не нужны ей, ни няня не нужна.
И нестерпимо намъ обоимъ горько стало.
Моя жена тоской измучилась; но днемъ
Ей трудно плакалось; теперь она рыдала.
И вмѣстѣ въ темнотѣ мы плакали. Потомъ
Затихли близъ меня послѣднія рыданья,
И наступила тишь покоя и молчанья.
Такъ глубока была, такъ длилась тишина,
Что стало жутко мнѣ. Тихонько ставъ со стула,
Я засвѣтилъ огонь, и вижу, что жена,
Въ изнеможеніи, поникла и заснула.

Ильиновка.
1897.

СТАРАЯ РАКИТА.

Часто грезится мнѣ, что стоитъ средь полей,
Долгій вѣкъ доживая, ракита.
Ей живется еще, но чувствительно ей,
Что могучею жизнью забыта.

Не нужна никому; далеко отъ жилья;
На просторѣ родномъ одинока—
Она, вѣтви свои къ долу низко склоня,
Ожидаетъ послѣдняго срока.

Но чутка и теперь, она въ ясные дни
И въ грозу, среди бурной тревоги,
Для себя лишь самой вдохновенно свои
Шелеститъ иль шумитъ монологи.

А порой изъ нея крикъ идетъ по землѣ,
Всю окрестность отъ сна пробуждая;
Словно сердце въ груди, въ ея старомъ дуплѣ
Громко бодрствуетъ птица сѣдая.

Можетъ быть, этотъ крикъ, въ тишинѣ, по ночамъ
Позднихъ путниковъ зá душу тронетъ:
Средь покоя и сна отчего кто-то тамъ
То смѣется, то плачетъ и стонетъ?

Тамбовъ.
1898.

* * *

Былыя радости! Какъ нынѣ
Я васъ, далекихъ назову?
Напѣвъ родимый на чужбинѣ;
Въ лѣсу чуть слышное: ау!
Притокъ въ окно струи воздушной;
Веселый возгласъ въ тишинѣ;
Во тьмѣ и грустно, и радушно
Огни, мигающіе мнѣ...

Тамбовъ.
1898.

ПАМЯТНИКЪ АЛЕКСАНДРУ II.

Отринувъ рабское наслѣдіе временъ,
Царь слово произнесъ запретное: свобода —
И памятникъ въ Москвѣ гласитъ, что созданъ онъ
„Освободителю“ любовію народа.

Тамбовъ.
1898.

* * *

Двадцатый вѣкъ пойдетъ съ тѣхъ поръ какъ во вселенной,
Полны́ преданьями, святыя есть мѣста.
Ихъ попирать нельзя, какъ прахъ обыкновенный:
Тамъ было житіе, тамъ смерть была Христа.

О, какъ бы ни былъ ты могучъ, высокороденъ
И властенъ къ тѣмъ мѣстамъ прибывшій пилигримъ!
Ужель, въ раздуміи склонясь на гробъ Господень,
Ты не поступишься величіемъ своимъ?

Ужель, отважный вождь, любящій поле битвы,
Гдѣ неповинная ручьями льется кровь,—
Ты сердца не смягчишь, творя предъ Тѣмъ молитвы,
Кто проповѣдывалъ и милость, и любовь?

И если, средь святынь, начальственно и смѣло
Ты будешь рѣчь держать, привычкой увлеченъ,—
Стѣсни себя хоть тѣмъ, чтобъ шпоръ умѣрить звонъ,
И по святымъ плитамъ чтобъ сабля не гремѣла.

Тамбовъ.
1898.

ПОСЛѢДНІЙ ПОРТРЕТЪ
ВИКТОРА АНТОНОВИЧА АРЦИМОВИЧА.

Я юнаго тебя чуть помню. Это было,
О, старый другъ мой, такъ давно!
Неузнаваемо насъ время измѣнило;
И для тебя свой бѣгъ ужъ кончило оно.
Твой старческій портретъ всегда передо мною.
Онъ ближе мнѣ. Да; это—ты.
Вотъ многодумное чело подъ сѣдиною;
Вотъ жизни трудовой поблеклыя черты;
И твой глубокій взоръ, такъ выразившій много
Въ тотъ мигъ, какъ снятъ съ тебя портретъ:
Въ немъ грусть безсилія съ сознаніемъ побѣдъ
И сердца доброта съ упорствомъ мысли строгой.
Ты будто говоришь: „Я больше не могу.
„Усталъ. Сдаюсь... но не безъ бою:
„Да буду памятенъ и другу и врагу!
„Вглядись въ меня и ты увидишь предъ собою—
„Послѣдній выводъ жизни всей.
„И вотъ ужъ я разстался съ нею...
„Что-жъ! все еще меня жалѣешь, Алексѣй?“
О, да, мой другъ; о, да, жалѣю!

Печальной памятью отмѣчена пора,
Въ которую тебѣ угаснуть было надо—
Передъ святынею добра
Неугасимая лампада!

Тамбовъ.
1898 г.

* * *

Такъ проченъ въ сердцѣ и въ мозгу
Высокій строй эпохи прошлой,
Что съ современностію пошлой
Я примириться не могу.

Но я, безсильный, ужъ не спорю;
И, вспоминая старину,
Не столь волнуюсь и кляну,
Какъ предаюсь тоскѣ и горю...

Что̀ я?.. Пѣвецъ былыхъ кручинъ;
Скрижалей брошенныхъ обломокъ;
Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потемокъ,
Я—потухающій каминъ.

То трескъ огня совсѣмъ затихнетъ,
Какъ будто смерть его пришла;
То дрогнетъ теплая зола
И пламя снова ярко вспыхнетъ.

Тогда тревожно по стѣнамъ
Толпой задвигаются тѣни
И лица прежнихъ поколѣній
Начнутъ выглядывать изъ рамъ.

Тамбовъ.
1898 г.

* * *

О, когда-бъ мнѣ было можно
Упредить мой день послѣдній!
Чтобъ, еще владѣя духомъ
Не больнымъ, не помраченнымъ,
Я успѣлъ пойти проститься
Съ милой матерью землею.
Въ благодатную погоду
Выйду я на воздухъ сельскій;
И, укрытый темнымъ лѣсомъ,
Иль среди полей пустынныхъ,
Такъ я съ ней прощаться стану:
Съ непокрытой головою
На востокъ, на югъ, на западъ
И на сѣверъ поклонюся,
И скажу: Прости міръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ;
И задумаюсь надъ нею;
И, быть можетъ, затоскуя,
Орошу ее слезами;
И скажу: прими отъ сына
Благодарность зà хлѣбъ, зà соль.
Долго ты его, родная,

Ублажала и кормила;
Жить онъ долѣе не въ силахъ:
Онъ теперь покоя проситъ;
Упокой его на вѣки.

Ильиновка.
1898.

Типографія М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.

